Полина Волошина

Маруся 3

Книга третья

Конец и вновь начало

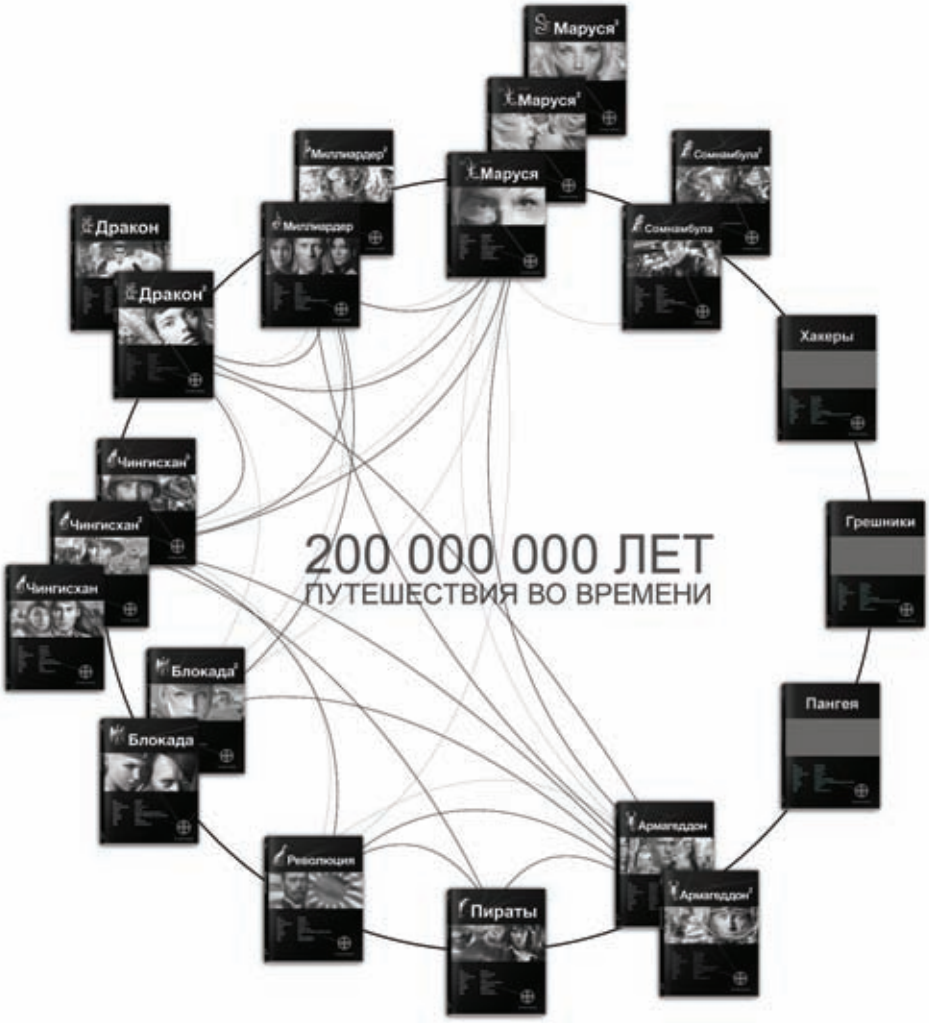
Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ
Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2011

ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА
Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2011

ЭТНОГЕНЕЗ

литературный сериал



WWW.ETNOGENEZ.RU

АВТОРЫ ПРОЕКТА

Константин Рыков
Автор идеи сериала

Кирилл Бенедиктов
«Блокада», «Блокада 2», «Миллиардер 2»

Полина Волошина
«Маруся», «Маруся 3»

Сергей Волков
«Маруся 2», «Чингисхан», «Чингисхан 2», «Чингисхан 3»

Юрий Бурносов
«Революция», «Армагеддон», «Армагеддон 2»

Елена Кондратьева
«Миллиардер»

Александр Зорич
«Сомнамбула», «Сомнамбула 2»

Игорь Алимов
«Дракон», «Дракон 2»

Игорь Пронин
«Пираты»

ИЗВЕСТНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Волк «Маруся», «Чингисхан»
Змея «Блокада», «Маруся»
Кот «Революция», «Маруся», «Чингисхан»
Кролик «Миллиардер», «Маруся»
Лев «Маруся», «Сомнамбула»
Морской конёк «Миллиардер», «Маруся»
Обезьяна «Революция», «Армагеддон»
Орел «Маруся», «Миллиардер», «Блокада», «Дракон»
Попугай «Блокада», «Дракон»
Ящерка (Саламандра) «Миллиардер», «Маруся»
Скарабей «Маруся», «Армагеддон»
Скорпион «Революция», «Армагеддон»
Спрут «Маруся», «Миллиардер»
Дельфин «Пираты»
Дракон «Дракон»

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ВЫХОДА КНИГ

«Маруся» Талисман бессмертия.	*Май 2009*
«Блокада» Охота на монстра.	*Октябрь 2009*
«Маруся 2» Таежный квест.	*Ноябрь 2009*
«Революция» Японский городовой.	*Декабрь 2009*
«Миллиардер» Ледовая ловушка.	*Январь 2010*
«Чингисхан» Повелитель Страха.	*Март 2010*
«Сомнамбула» Звезда по имени Солнце.	*Апрель 2010*
«Блокада 2» Тень Зигфрида.	*Май 2010*
«Миллиардер 2» Арктический гамбит.	*Июль 2010*
«Чингисхан 2» Чужие земли.	*Июнь 2010*
«Дракон» Наследники Желтого императора.	*Июнь 2010*
«Армагеддон» Крушение Америки.	*Сентябрь 2010*
«Сомнамбула 2» Другая сторона Луны.	*Октябрь 2010*
«Пираты» Остров демона.	*Октябрь 2010*
«Армагеддон 2» Зона 51.	*Ноябрь 2010*
«Чингисхан 3» Солдат неудачи.	*Декабрь 2010*
«Дракон 2» Назад в будущее.	*Декабрь 2010*
«Маруся 3» Конец и вновь начало.	*Январь 2011*
«Пираты 2» Неизвестно.	*Февраль 2011*
«Блокада 3» Неизвестно.	*Февраль 2011*
«Армамгеддон 3» Неизвестно.	*Март 2011*
«Революция 2» Неизвестно.	*Апрель 2011*
«Сомнамбула 3» Неизвестно.	*Май 2011*
«Пангея» Неизвестно.	*Май 2011*
«Хакеры» Неизвестно.	*Июнь 2011*
«Грешники» Неизвестно.	*Июль 2011*
«Дракон 3» Неизвестно.	*Июль 2011*
«Пангея 2» Неизвестно.	*Август 2011*
«Хакеры 2» Неизвестно.	*Сентябрь 2011*
«Грешники 2» Неизвестно.	*Октябрь 2011*
«Пираты 3» Неизвестно.	*Ноябрь 2011*
«Революция 3» Неизвестно.	*Декабрь 2011*
«Миллиардер 3» Неизвестно.	*Январь 2012*
«Пангея 3» Неизвестно.	*Февраль 2012*
«Хакеры 3» Неизвестно.	*Март 2012*
«Грешники 3» Неизвестно.	*Апрель 2012*

ОСНОВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Андрей Гумилев
«Чингисхан», «Миллиардер», «Дракон», «Армагеддон», «Маруся».

Маруся Гумилева
«Миллиардер», «Армагеддон», «Маруся»

Ева Гумилева
«Миллиардер», «Маруся»

Матвей Гумилев
«Сомнамбула»

Мария фон Белов
«Блокада», «Миллиардер»

Ростислав Шибанов
«Армагеддон»

Марго Сафина
«Миллиардер»

Атика
«Армагеддон»

Арк
«Маруся»

Цуда Сандзо
«Революция»

Артем Новиков
«Чингисхан»

Чингисхан (Темуджин Борджигин)
«Чингисхан»

Кристин Ван Дер Вельде
«Пираты»

Ника — девочка из будущего
«Дракон»

Цинь Ши-хуан
«Дракон»

Адольф Гитлер
«Блокада»

Николай Второй
«Революция»

Екатерина Серебрякова
«Блокада»

Ёхху Уф
«Маруся»

Кот Шпунтик
«Дракон»

ПРОЛОГ

– Мама?..

– Здравствуй, Марусенька. С днем рождения!

Маруся зажмурилась. Потом осторожно приоткрыла глаза. Мама никуда не исчезла. Вот она – совсем рядом – красивая, молодая, как на фотографиях дома. Почти не изменившаяся. Как будто и не было этих десяти лет. Как будто не было снов, где они втроем – мама, папа и Маруся – гуляли по берегу моря или ходили в зоопарк. Снов, после которых Маруся просыпалась совершенно счастливой, а потом долго и безутешно плакала, кусая подушку.

– Мама... где ты была?

Ева сделала шаг вперед и протянула руку, чтобы дотронуться до Марусиных волос. Старый, полузабытый жест – взъерошить волосы, а потом легко погладить по затылку, провести теплыми пальцами по шее. Когда Маруся была маленькой, мама так делала часто. Но сейчас... сейчас, сама не зная почему, Маруся вздрогнула.

– Нет! Не говори! Я должна задать один вопрос, да? Самый-самый главный!

Мама улыбнулась и кивнула.

Надо собраться. Надо решить, какой вопрос самый главный!

«Почему ты ушла от нас, мама?»

Неправильно! Может быть, мама ушла не от нас с папой! Может, она заблудилась в тайге и стала пленницей черной башни? Может, она и не хотела нас бросать!

«Правда ли, что мой отец – преступник?»

Тоже нет! Вопрос должен идти от сердца, сказал Арк. А этот вопрос – не от сердца, а от ума. Потому что все, что пытался внушить ей Бунин, все его доказательства она воспринимала только умом. Но сердце… сердце Маруси всегда знало, что ее папа – самый лучший человек на свете.

Тогда остается одно. Только одно. Самое-самое важное.

– Почему я должна убить папу?..

– Ты не должна, Маруся. Ни в коем случае ты не должна этого делать!

– Это не ответ!

– Ты права. Тебя используют. Понимаешь? Как инструмент. Как вещь. Как…

– Как предмет?

– Нет. Но с помощью предмета.

– Ящерки?

– Орла. Помнишь, ты отдала орла Бунину?

– Да… но откуда ты знаешь?

Мама опять улыбнулась – на этот раз улыбка вышла грустной.

– Здесь такое место, Маруся. Здесь знаешь все.

Пурпурные отблески на стенах стали ярче – или Марусе так показалось?

– С помощью орла Бунин попытался запрограммировать тебя. Как робота. Ему помешала саламандра – один из самых сильных предметов в мире. Она не позволила орлу подчинить тебя, но не смогла защитить полностью. К сожалению, ты все равно подверглась действию орла, я вижу его на тебе, как черную нефтяную пленку.

– Значит, если орел все-таки подействовал, я действительно могу убить папу? Особенно теперь, когда у меня нет ящерки?

На этот раз Ева ответила не сразу.

– Не знаю, Маруся. Честное слово, не знаю. Ты – сильная, гораздо сильнее, чем думаешь. Но воздействие орла может подействовать на тебя разрушительно. Ты можешь тяжело заболеть или даже сойти с ума.

– Сойти с ума? Ты шутишь?

– Я не шучу. Представь, что в тебе будут постоянно бороться две Маруси – одна будет стремиться выполнить приказ орла, другая – сопротивляться этому. Как по-твоему, легко вынести такое?

Маруся задумалась. Вспомнила, как грызли ее сомнения каждый раз, когда она слышала какую-нибудь гадость о папе.

– Неужели нельзя ничего сделать? – в отчаянии выкрикнула Маруся.

Ева подняла руку – словно хотела успокоить ее. Но и на этот раз не дотронулась до Маруси.

– Можно, Марусенька. Я могу снять с тебя эту пленку.

Марусе показалось, что с ее плеч свалился тяжеленный камень.

– Так снимай скорее!

– Не все так просто. Нет, подожди! Я все сделаю. Только дай мне сначала объяснить, как это будет.

– Существует предмет, позволяющий стирать воздействие на человека других предметов. Это, знаешь, как отформатировать жесткий диск компьютера.

– В смысле, мои мозги?

– Этот предмет освободит тебя от воздействия орла, но вместе с ним заберет кое-что еще.

Ты забудешь все, что происходило с тобой за последние дни.

– И тебя?

Ева вздохнула.

Маруся почувствовала, как в душе снова закопошились червячки сомнений. А если она забудет что-то очень важное, без

чего превратится совсем в другого человека? С другой стороны, постоянно разрываться на части из-за того, что негодяй Бунин использовал против нее орла, которого она же сама ему и отдала – нет уж, ни за что!

– А если Бунин снова так сделает?

– Не сделает. Орла у него больше нет. И вообще предметов, которые он мог бы использовать против тебя.

– Точно? Ну тогда... тогда я согласна!

Ева кивнула.

– Я так и думала. Поверь, Муся, ты сделала правильный выбор.

В руке у нее блеснул серебристый металл. Маруся не успела рассмотреть, что это был за предмет.

– Что бы ни случилось, я всегда буду рядом с тобой. Я люблю тебя, Маруся.

«Я тоже люблю тебя, мама», – хотела сказать Маруся, но почему-то не смогла. Слова не выговаривались.

– А теперь стой спокойно. Можешь закрыть глаза.

Маруся послушалась. Она почувствовала легкое движение воздуха, почувствовала тепло маминой ладони около своего лица.

Потом на нее обрушился водопад.

Будто где-то в потолке зала открылись люки, и из них хлынули мощные потоки воды. Теплая волна мягко ударила Марусю по затылку. Закружилась голова, подкосились ноги.

Волна опрокинула ее, качнула на своем гребне и потащила куда-то далеко-далеко – в темноту и тишину.

Интернет-телеканал Russia.ru

Программа «Мгновенные новости», ведущий Илья Переседов

– Час назад недалеко от Зеленого города под Нижним Новгородом попала в автокатастрофу дочь известного миллиардера и дипломата, одного из руководителей проекта «Искусственное солнце», Андрея Гумилева. Машина пятнадцатилетней Маруси Гумилевой была обнаружена на обочине трассы Москва – Нижний Новгород. По словам экспертов, юная гонщица не справилась с управлением и на скорости около ста пятидесяти километров в час вылетела за пределы дорожного полотна, сбив металлическое ограждение.

К счастью, система безопасности, которой была оборудована машина Гумилевой, спасла ей жизнь.

Врачи Первой городской клиники Нижнего Новгорода, куда поместили Гумилеву, пока воздерживаются от каких-либо комментариев относительно состояния ее здоровья. По неформальным каналам корреспонденту Russia.ru удалось узнать, что серьезных физических повреждений у Гумилевой не обнаружено. Однако она не приходит в сознание, и, возможно, находится в состоянии комы.

Мы будем продолжать следить за развитием событий и информировать о них наших зрителей. Телеканал Russia.ru и я, Илья Переседов, желаем Марусе Гумилевой скорейшего выздоровления!

(Архив записи: 0983782/13.08.2020)

ГЛАВА 1

Бесконечность

Увидеть, понять и почувствовать бесконечность можно только выйдя за пределы нормального человеческого состояния. Как если бы мозг человека был ограничен или даже огражден от этого понятия. Все, что окружает нас в этом мире, все, что мы видим — имеет границы. Мы видим стол, который стоит на полу, чашку на столе, ложку в чашке — эти предметы «помещаются» у нас в голове, мы их представляем целиком и, даже если зажмуриться и вообразить себе ложку, то мы сможем увидеть эту ложку со всех сторон, покрутить ее перед глазами, сможем в одно мгновение сменить серебряную ложку на золотую или деревянную, раскрашенную под хохлому, или с тонкой гравировкой, или даже инкрустированную драгоценными камнями, или огромную гигантскую ложку, ложку размером с небоскреб, ложку в руке, ложку на земле, ложку в космосе... а вот космос мы увидеть уже не сможем, потому что у него нет границ. Даже если представить себе границы космоса, у нас получится нечто, которое находится в чем-то и так далее до бесконечности. До той самой бесконечности, которую мы не можем увидеть, понять и почувствовать. Возможно, именно поэтому нам так нравится смотреть на море, которое, как нам кажется, не имеет границ. На огонь, который тоже кажется бесконечным, нравится смотреть в небо или на дорогу, уходящую в никуда. Мы боремся с любыми ограничениями и любим свободу, как если бы свобода была бесконечностью наших действий, но постоянно сталкиваемся с тем, что все в нашей жизни имеет свои границы, как, собственно, и сама жизнь.

С другой стороны, в сознании человека понятие бесконечности чаще всего появляется в самые неприятные моменты. Бесконечной кажется скучная работа, нудная книга, боль, страх, одиночество, ожидание — моменты максимального дискомфорта. При этом человек никогда не скажет, что его ощущение счастья длилось бесконечно, – нет, нет, все самое лучшее, вкусное и приятное длится совсем недолго и поэтому «ожидание длилось бесконечно», а вот счастья был только миг. Мгновение. Так, может быть, и не нужна нам эта бесконечность?

Сейчас Маруся находилась в бесконечности. В бесконечном кошмаре, который неизвестно когда начался, неизвестно сколько длился и никак не хотел заканчиваться. Последние сотни, тысячи и миллионы лет она была в состоянии ртути, пытаясь стать обратно собой. Маруся изо всех сил напрягала свои клеточки, хотелось бы сказать «тела», но тела не было. Ртути? Клеточки ртути, как если бы это было возможно. Невозможно, но в этом и был весь кошмар. Она ощущала их, эти миллиарды микроскопических шариков, которые надо было собрать в форме тела, чтобы попытаться встать... Но как собрать ртуть? Как из ртути можно «слепить» тело? Как можно вернуть сознание? Сознания тоже не было. Маруся не видела себя, не видела вообще ничего. Она только ощущала. При максимальном напряжении и концентрации шарики словно бы сближались, сжимались и сливались в одно единое, но как только силы отступали — все снова расплывалось и рассыпалось. Снова и снова, и снова, и снова. Но пока не соберешься, не выйдешь. А если не выйдешь, так навсегда и останешься в этом состоянии. Растворишься. Исчезнешь.

Потом появился звук. Возможно, он был всегда, но только сейчас он стал ощутим настолько, что Маруся обратила на него внимание. Это был тихий рокот, как если бы где-то очень

далеко пролетел вертолет. Звук был неровный. Иногда он пропадал, иногда становился громче, быстрее, медленнее. Потом к нему прибавился новый звук, словно что-то гудело. Звуки стали накладываться один на другой. Это все что-то очень сильно напоминало. Маруся изо всех сил попыталась прийти в сознание. Она даже ощутила свою голову. Это длилось долю секунды, но она точно ощутила свою голову. Как только она обратила на это внимание — голова тут же рассыпалась... но ведь получилось? Значит, надо снова сконцентрироваться на звуках — каким-то образом они помогают собраться. Гул и рокот. Между ними есть паузы. Они звучат по-разному. Немного разные оттенки, разная тональность. Они очень похожи на что-то. Они похожи.

Память. Попытки вспомнить. Это сознание, которое возвращается. Значит, голова снова на месте — ненадолго, но получается вернуться в себя. Заглянуть в себя. Значит, где-то она все еще существует. Это еще не конец, не смерть. Сознание есть, но оно очень далеко и до него почти не добраться. Как добраться до себя, если ты ничто — бесформенный, холодный и жидкий металл? Но ртуть не может слышать, не может вспоминать. Значит, все не так. Значит, это просто кошмар. И отсюда можно выбраться.

Новый звук. Очень громко. Он другой. Возник и сразу же пропал, но теперь лучше слышно гул и рокот. Они сливаются. Они тоже сливаются, как шарики ртути, в нечто более... более знакомое. Они напоминают... Стена. Прохладная шершавая стена. Очень давно. Очень маленькая девочка прижимается ухом к стене и слушает. Голоса. Это голоса. Этот звук — голоса.

Устала. Маленькая победа потребовала много сил. Звук пропадает и снова пустота. Не получается. Надо, но не получается. Отчаяние. Но отчаяние – это тоже эмоция, а эмоция значит

жизнь. Маруся попыталась представить себе свое отчаяние, попыталась раздуть его до огромных размеров, вскарабкаться на него и выползти, как если бы отчаяние было китом, за хвост которого можно ухватиться. Кит это тоже хорошо. Это образ. Отчаяние сменилось радостью, потому что бесконечность стала отступать. Потому что появились новые вводные. Появились звуки, эмоции, воспоминания, образы. По ним, как по ступенькам, надо выбраться. Давай, включайся, работай, оживай! Кит. Он большой, черный, у него есть хвост. Он в воде. Вода она тоже большая, ее много. Она прохладная. Прохладно это тоже ощущение и оно сейчас есть. Сейчас прохладно. Холод ощущается кожей. Кожа покрывает тело человека. Холод чувствуют кожей. Чувствуют телом. Холодные руки или холодно ногам. Руки и ноги. Еще, еще, еще. Включайся. Руки и ноги. Вспышка сознания, словно взрыв, удар, компрессия — и миллиарды микроскопических шариков собрались в руки и ноги. Вот они. Они есть. И очень холодно. И голоса вокруг. И очень хочется открыть глаза. Глаза! Глаза, они ведь тоже есть. Глазами видят. Глазами видят, если их открыть. Глаза закрыты веками. Чтобы открыть глаза, надо поднять веки. Но очень устала. Очень сильно устала. Все. Стоп. Нет сил. Больше ни на что нет сил. Рассыпалась. Растеклась. Надо отдохнуть и попробовать снова. Главное держаться за звуки. Звуки это ниточка, которая связывает то и это. По которой оттуда можно будет выбраться сюда. Маруся постаралась отключить все, кроме звуков. Просто слушать. Слушать гул и рокот.

Голоса было два. Один голос был просто звуком, который проходил мимо, как шум. Второй был теплым. От него было тепло. Неправильно. Тепло нельзя услышать, тогда почему от него становилось приятно? И щекотно. Как будто шарики внутри начинали бегать, как будто они реагировали на этот звук и вибрировали, бились друг о друга или даже сливались

вместе и бились вместе. Это сердце. Шарики слились в одно сердце и теперь оно стучало. От этого становилось тепло и радостно. Радостно, потому что когда сердце стучит — ты живой. Маруся живая. Надо слушать этот голос и тогда сердце будет биться.

Звук низкий и глухой. У этого звука есть свои характерные перепады. Они знакомые. Маруся их помнит. Пока еще не помнит точно, но обязательно вспомнит. Это интонация. Интонация у каждого голоса разная, у каждого человека разная интонация. Эту Маруся знает. Знает и любит. Маруся очень любит папу. Это папа. Папа рядом и он разговаривает. От этого снаружи еще более холодно, а внутри – тепло.

Папа произносит слова. Потом другой голос произносит слова. Сейчас Маруся уже может их различать, но они пока еще лишены всякого смысла. Сознание не торопится возвращаться, оно выдает информацию порциями, словно выплескивает ее, как вулкан лаву. Маруся пытается запомнить слова, которые слышит, и повторять их про себя, пока они не станут понятными. Пока она не вспомнит их значение. И она запоминает — «к сожалению». Сожаление. Сожалеть. Жалеть. Жалость. Жалость – это когда плохо. «К сожалению» – это плохо. «К сожалению, уже ничего не можем сделать». Ничего. Пока непонятно, но ощущение нехорошее. «Не можем» – плохо. «Ничего» – тоже плохо. «К сожалению» – плохо. Они ничего не могут сделать и жалеют об этом. Это сказал другой голос. Он сказал это папе. Теперь папа молчит. Другой голос говорит: «Мне очень жаль». Жаль. Жалеть. Жалость. Другой голос говорит: «Простите». Простить, прощать, прощание, прощаться. Другой голос говорит: «У вас есть время, чтобы попрощаться».

Попрощаться.

Новый звук. Это папа. Он не говорит слова, он издает звуки, от которых больно. Очень тихо и глухо. Другой голос говорит: «Я вас оставлю». Теперь страшно. Ничего не понятно, но очень страшно. Ощущение тепла на руке. Снова получается почувствовать руку. На руку что-то ложится. Тяжелое и теплое. Оно сжимает руку. Папа сжимает руку своей рукой. Его голос. Он говорит: «Мой малыш». Надо открыть глаза. Надо увидеть его. Очень надо его увидеть, но ничего не получается. Глаза есть, Маруся чувствует их, но они не хотят открываться. Они не слушаются. Папа снова говорит «мой малыш». Он сжимает руку еще сильней и, значит, надо пошевелить рукой или хотя бы пальцем. Надо сделать что-то, чтобы папа перестал так говорить и чтобы не было так больно и страшно. Что-то крепко хватает за плечи и поднимает вверх. Сейчас Маруся впервые чувствует свое тело почти целиком и это настоящее тело. Это уже не ртуть. Это человеческое тело и его сжимают и тянут вверх и постоянно повторяют «малыш, малыш, малыш». Папа плачет. Вот почему так больно. И так страшно. «Девочка моя».

Проснись! Очнись! Давай же, сделай что-нибудь. Соберись, пожалуйста, открой глаза, скажи ему, скажи, как ты его любишь. Выбирайся! Выбирайся отсюда. Обними его тоже. Прижмись к нему. Скажи ему. Очень тяжело, очень больно, все рассыпается, растекается — руки, ноги, тело, голова. Больше ничего нет. Ничего. Пустота. Всё... Всё.

«Всё» – это то, что говорит другой голос.

ГЛАВА 2

День рождения

За три дня до этого

Этого события ждали и боялись. Шестнадцатилетие Маруси Гумилевой обещало быть самой громкой вечеринкой года, а обещания в семье Гумилевых принято выполнять. На всех заглавных страницах топовых изданий, на обложках журналов, на рекламных билбордах по всему городу — везде, куда бы вы не обратили взгляд, было известие о предстоящем празднике. Цирковые выступления, концерты мегазвезд, спортивные состязания, молодежный кинофестиваль, воздушный парад, фейерверки, карусели, фонтаны, модные дефиле и даже медведи на велосипеде — Маруся смогла убедить папу, что скромность уже давно никого не украшает и Гумилев – отец он или не отец? – нарушив все свои принципы, поддался на уговоры любимой дочери и согласился устроить пир на весь мир.

– Шестнадцать лет исполняется всего раз в жизни! – убеждала Маруся.

– Правильно ли я понимаю, – со смехом отвечал отец, – что этот неоспоримый довод будет приводиться теперь ежегодно?

– Ну пааа!

Под празднование был полностью арендован искусственный остров на Берсеневской набережной. На территории высадили тонны розовых кустов, запустили ручьи и водопады, развели пруды с золотыми рыбками, разбили шатры – бабочки, птички — настоящий рай на земле.

В самом центре острова была построена огромная концертная площадка с несколькими экранами, от нее лучами расходились

дорожки к другим объектам: здесь можно прокатиться на головокружительных аттракционах, здесь поесть, здесь потанцевать, здесь покататься на лошадях, искупаться в бассейне, посмотреть кино, накупить нарядов от модных дизайнеров, полюбоваться на атлетов или на подводное плавание в гигантском аквариуме, а когда все надоест, спуститься в настоящее подземелье — благодаря звуконепроницаемым стенам тут всегда тишина. Впрочем, посетителям казалось, что звуки поглощают вовсе не стены, а мягчайшие белоснежные диваны, в которых, казалось, может утонуть все – даже громкий звук. На вечеринку года могли попасть все желающие, способные заплатить кругленькую сумму за билет и, судя по продажам, желающих было много.

– Короткое или длинное?

Маруся стояла перед зеркалом и прикладывала к себе то одно, то другое платье.

– Неее, длинное тебе вообще не идет! – возмущенно замахала руками подруга Катя. — Оно тебя старит.

– Да, в этом платье ты похожа на старуху! – закивала вторая подруга Света.

– Такие платья можно носить только после двадцати! – важно заметила Катя и вырвала вешалку из рук Маруси.

– Состариться всегда успеешь, – томно заметила Света, перенимая вешалку, как эстафетную палочку, и забрасывая длинное платье куда подальше.

Маруся вытащила еще одно короткое платье и теперь прикладывала его.

– Черное или белое?

– Ну какое черное!? – возмутились подруги в один голос.

– А белое? – Маруся быстро влезла в коротенькое белое платье, расшитое блестками.

– Ну не знааю, – неуверенно потянула Катя, – какое-то оно дурацкое.

– Ты в нем как фигуристка! – поморщилась Света.

Маруся стянула с себя платье и вытащила розовое.

– Это?

– Розовый – это прошлый век!

– Есть такое же зеленое.

– Старушечий цвет.

– И оранжевое.

– Детский сад!

– Желтое?

На экране видеофона появилась фотография одноклассницы Милы. Маруся щелкнула пультом и вместо фотографии появилась уже живая Мила с жутким ярким макияжем.

– Приветики! Ты в чем пойдешь?

Маруся вздохнула.

– Я еще не выбрала.

– Обязательно предупреди меня, чтобы я не надела то же самое!

– Тогда можешь надевать черное, зеленое, розовое или оранжевое…

– Ну спасибо! – оскорбилась Мила. – Кто же такое носит?

– Можешь надевать что угодно, тебя с таким лицом все равно туда не пустят, – съязвила Катя.

– О, Катя, а ты тоже пойдешь? – состроила удивленное личико Мила. – Что, папа продал машину, чтобы купить билет?

– Ну не всем же приходится покупать билет, – расплылась в ядовитой улыбке Катя, – близким подругам его дарят.

– Не путай дружбу и жалость, Катечка!

– Привыкай платить за то, чтобы с тобой общались, Милочка.

– Напомни оштрафовать тебя за хамство, когда придешь наниматься ко мне уборщицей.

– Ну что ты, Мила, чтобы убирать за тобой, понадобится бульдозер, а не человек!

– Эй, алё! – Маруся выглянула из недр гардеробной комнаты и, щелкнув пультом, оборвала ссору. – Хватит!

– На твоем месте я бы вообще ее не пускала, – поморщилась Катя.

– Ты не на моем месте, – резко оборвала ее Маруся, – лучше помоги выбрать платье, раз такая умная.

– Мне нравится бежевое, – вступила в разговор Света.

– А мне кажется, что оно полнит, – не согласилась Катя.

– Но не так, как желтое!

– Зато в желтом грудь кажется больше, – промямлила Маруся.

– Тогда уж лучше полосатое.

– Да ну!

– Это что у тебя... фиолетовое платье?!

– Оно мне очень идет!

– Оно же депрессивное!

– Я тоже!

– А если красное?

– Ни в коем случае.

– Синее?

Теперь на экране появилась фотография одноклассницы Жени.

– Привет! А правда, что приедет Комаров?

– Приедет.

– Один?

– Откуда же я знаю?

– Если что, Комаров мой.

– У Комарова таких как ты — миллион! – снова не удержалась Катя.

– А что, ты тоже пойдешь?

– Я подарила ей билет, – хмуро ответила за подругу Маруся.

– Значит, папе не придется продавать машину! – захихикала Женя и отключила связь.

– Зато я с Комаровым целовалась, – расплылась в довольной улыбке Катя.

– Ты целовалась с Комаровым? – закричала Света.

– О, Господи, – взмахнула руками Маруся, – покажи мне того, кто не целовался с Комаровым?

На Свету стало жалко смотреть. Пару секунд она стояла, широко распахнув глаза и пытаясь переварить услышанное, а потом развернулась и ушла в гардеробную.

– Сколько раз ты с ним целовалась? – строго спросила Марусю Катя.

– Кто сказал, что я с ним целовалась? – возмутилась Маруся, – я всего лишь спросила, кто не целовался.

Острое выяснение отношений, которое могло закончиться чудовищным слезопролитием, прервал очередной вызов видеофона. Маруся обернулась и увидела на экране фотографию папы.

– Комаров, Комаров... Вот это я понимаю – мужчина! – восхищенно прошептала Катя.

– Уберись, пожалуйста, куда подальше, — цыкнула на нее Маруся и щелкнула пультом.

– Здравствуйте, Андрей Львович, – Катя выпрыгнула, как черт из табакерки, перекрывая собой Марусю, и сразу же получила увесистого пинка.

– Здравствуй, Катя, – вежливо поздоровался Гумилев и улыбка на его лице сменилась недоумением, когда Катя резко выпала из кадра. – Муська...

Маруся улыбнулась папе своей самой белой и пушистой улыбкой.

– Ты что там, в одном белье?

Маруся схватила первое попавшееся платье и прикрылась.

– И что, ты всем ТАК отвечаешь?

– Па, ну я же видела, что это ты.

– И что?

– А что?

– Кхм… Ничего… Ладно… Ты готова?

Маруся беспомощно оглядела гору платьев и обуви.

– Только не говори, что ты еще…

– Я не знаю, что выбрать…

– Ну…

– Это же вечеринка года… Я должна быть круче всех.

– Ты можешь взять все и переодеваться…

– Это само собой! Но надо же выбрать первое главное платье и последнее главное.

– Последнее главное?

– То, какой меня все запомнят.

– Ээээ… Хорошо. Сколько времени тебе еще нужно?

– А вы приедете? – снова объявилась Катя.

– Конечно! – улыбнулся Гумилев.

– И я! – обрадовалась Катя.

Терпению Маруси пришел конец. Она схватила подругу за плечи и силой оттащила в сторону.

– У тебя нет билета! – с нажимом произнесла Маруся.

– Есть!

– Уже нет!

– Нет, есть!

– Папа продал машину? – сощурив глаза от злости, прошипела Маруся.

Это был удар ниже пояса.

– Если ты будешь так разговаривать с гостями, то не пойдешь на собственную вечеринку, — строго прервал ее Гумилев.

– А я пойду туда с твоим папой! – засмеялась Катя.

В следующую секунду на голову Кати обрушилась подушка.

– А это тебе за Комарова, – добавила второй подушкой Света.

– В вашем возрасте я читал книжки, – вздохнул Гумилев.

– Нашел, чем хвастаться, – ухмыльнулась Маруся.

– У тебя 10 минут на сборы. После этого машина уезжает. Если не спуститесь, то без вас!

– Я спущусь, – выкрикнула Катя, поправляя прическу.

Гумилев подмигнул Кате и отключился.

– Я ему нравлюсь, – уверенно заявила Катя.

Маруся измученно закатила глаза и отмахнулась. Любимая подруга страдала непробиваемой уверенностью в себе, свойственной только сильно закомплексованным личностям.

– Смотри! – Света кивнула на экран.

На этот раз никакой фотографии не появилось, да и номер оказался незнакомым. Маруся задумчиво покрутила в руках пульт.

– Не отвечай, – предложила Света.

– А вдруг что-то важное?

Света пожала плечами.

– Может, кто-то ошибся номером?

– Это, наверное, журналисты...

– Тем более не отвечай.

Вызов прервался и тут же повторился снова.

Маруся быстро натянула на себя коротенькое платье из тончайшей металлизированной паутинки и щелкнула пультом. На экране появился Бунин. Не дав сказать ему и слова, Маруся вырубила связь. В этот момент ей даже показалось, что волосы у нее на затылке встали дыбом. Это был неожиданный и не самый приятный сюрприз.

Заметив то, как Маруся изменилась в лице, Света тихонько тронула ее за локоть, пытаясь вывести из оцепенения.

– Ты его знаешь? – тихо спросила она.

– Нет, – коротко ответила Маруся.

Как бы там ни было, ничего хорошего этот звонок не предвещал. А «ничего хорошего» в сегодняшние планы не входило.

Проклятые сообщения сыпались одно за другим, и Маруся, не читая, отправляла их в корзину. Коммуникатор пищал, мигал, вибрировал, показывал новые входящие смски, звонки, письма — все они приходили с разных незнакомых номеров, но Маруся знала, кто за этим стоит. Что такого могло произойти, чтобы заставить Бунина устроить подобную атаку? Насколько это должно было быть важным?

Да пошел он к черту! С этим человеком было связано много неприятных переживаний — приключений, которые не нравились Марусе, к которым она никогда не захотела бы вернуться. Ей нравилась ее новая жизнь. Нравилось болтаться с друзьями по всему миру, каждую неделю менять род занятий — только за последний год Маруся успела побывать модным художником, открыть собственную галерею, выпустить коллекцию купальников, сняться в кино, записать четыре песни (одна из которых стала довольно популярной), написать книгу и даже стать лицом новой компьютерной игры (так что теперь ее узнавал каждый мальчишка в городе). Причем все это без помощи папы (ведь материальные инвестиции не считаются?). У нее появились две новые подруги (так себе, но терпеть можно), несколько бойфрендов (ничего серьезного), лошадь Звездочка (или как там ее зовут?) и два новых автомобиля. Маруся почти не вспоминала Зеленый город и его обитателей и только иногда тихонечко скучала по Илье (как-никак первая любовь!) и даже по Носу (глупая детская привязанность). Остальные персонажи появлялись только в кошмарных снах, которые случались после переедания на ночь, так что Маруся просто взяла привычку не есть после 12 или, если уж поела, не спать до утра. Жить было весело, легко и комфортно, а все, кто считает такую жизнь глупой и недостойной настоящего человека — просто завидуют и могут сами отправляться спасать мир хоть сейчас. Вот прямо берите и идите.

– Ого!

Катин крик заставил отвлечься от собственных мыслей, и Маруся вернулась в реальность. В реальности они шли по дорожке от дома к машине, накрапывал легкий дождик, еле заметный, как водяная пыль, вечерело, холодало, под кустом лежали папины борзые (Маруся называла их «велосипеды»), справа шла понурая Света, а впереди вечно-сияющая Катя. Менее чем через час начнется главная вечеринка года, на которую Маруся решила приехать с опозданием, чтобы к ее появлению набралось как можно больше гостей. Сейчас от этой мысли стало неуютно и, кроме того, Маруся почувствовала какую-то необъяснимую усталость, как будто она несколько дней не спала или очень много работала, возникла апатия и нежелание кого-либо видеть. Мысль о тысяче гостей, о прессе, о том, что впереди еще весь вечер и вся ночь, которую надо продержаться, и продержаться не просто так, а настоящей королевой... Эх, была бы она королевой, она сейчас же приказала бы всех казнить... и легла бы спать.

Паршивые мысли. И очень паршиво, что они появились в голове. Все-таки Бунину удалось испортить ей настроение, а этого ни в коем случае нельзя было допускать — шестнадцатилетие бывает только раз в жизни. Маруся решила взять себя в руки. Сначала будет тяжело, придется улыбаться через силу и фальшиво смеяться, но потом все получится и минут через десять она забудет обо всем, что случилось.

– Ну ничего себе!

Это снова была Катя. Маруся подняла глаза, чтобы посмотреть, чем же так восхищается подруга — с установленных вдоль дороги светящихся билбордов на нее смотрела она же, Маруся, веселая, красивая и подмигивающая проезжающим машинам. После короткого ролика появлялись надписи с поздравлениями от разных известных людей – мировых звезд шоу-бизнеса, бизнесменов, политиков, бешеной яркости дио-

дами рассыпались искры, распускались цветы, все улыбались, махали руками, посылали воздушные поцелуи... Действительно восхищающее своей парадной красотой и пошлостью поздравление, заставляющее испытывать неловкость. Наверняка постарались какие-нибудь папины партнеры, чтобы угодить ему... Или сам папа рехнулся?

– Если бы мне прислали такое поздравление...

– Поехали уже...

– Тебе не нравится?

Катя находилась под впечатлением. Она мечтала о такой жизни, но пока могла только наблюдать со стороны и завидовать.

– Мне все нравится, просто очень холодно...

– Смотри, по всей дороге! – не унималась Катя.

– Лезь в машину, — не выдержала Света и подтолкнула Катю к автомобилю.

– С ума сойти! Сколько же это стоит?

Маруся поежилась и направилась к машине первой — в коротком легком платье стоять под дождиком было неприятно, да и волосы потом будут как пакля...

Внезапно свет мигнул, и город словно погрузился в сумерки.

– Что это?

– Они отключились...

И действительно — на всех билбордах остался только черный фон.

– Зависло?

– Может, из-за дождя?

– Из-за какого дождя — они же постоянно горят...

Маруся застыла в движении, занеся одну ногу в салон автомобиля и опираясь на дверцу, она так и не села, глядя на экраны и словно дожидаясь, чем все закончится. Во всем этом чувствовалось какое-то напряжение и ощущение...

– Смотрите!!!

Казалось, Катя сама вздрогнула от собственного крика. Она вытянула руку вперед и показала на экраны, хотя все и так на них смотрели.

На черном фоне стал появляться текст, будто кто-то прямо сейчас, в данный момент, набирал его. Набирал очень быстро, ошибаясь, стирая, перепечатывая и пропуская буквы. Текст гласил: «НЕ УЕЗЖАЙ! ТЫ В БЛЬШОЙ ОПСНОСТИ!»

Ну хорошо, что бы сделали вы? Что бы вы сделали, если бы увидели подобное сообщение за час до начала вечеринки, на которую соберутся тысячи людей, которую вы так ждали, в которую вложены миллионы и вообще — это ваш день, ваш праздник и ваше шестнадцатилетие. Ну только честно. И еще учитывая тот факт, что с вами уже приключалось столько всего, что если кому рассказать — не поверят, да и сами вы не очень -то верите, хотя и знаете, что все это было на самом деле. Если бы вас несколько раз пытались убить, если бы вы знали о существовании каких-то магических предметов, безумных людях и не очень людях, если бы вы не раз сталкивались с тем, что вот, только что у тебя была нормальная жизнь и ничего не предвещало и вдруг — бабах! И ты уже в какой-то другой жизни, с другими правилами, окруженный людьми, которые пытаются у тебя эту жизнь отнять.

Маруся испугалась. Она даже не успела понять, что именно произошло — просто очень скрутило живот и казалось, будто внутри каждый орган сжался и дрожит. Дрожит так сильно, что эта дрожь передается всему телу, а голова так и вовсе перестала работать и в ней нет ни одной мысли. Возможно, если бы голова включилась, Маруся вернулась бы в дом, позвонила папе, отменила вечеринку, попросила... хотя, что тут можно попросить? Усилить охрану? Но зная о возможных последствиях, становилось понятно, что охрана никого ни от чего не

спасет, а что тогда? Да и вообще, возможно, это чья-то глупая шутка, или розыгрыш, или даже не так — возможно, профессор сошел с ума и ему искренне кажется, что Маруся в опасности, а на самом деле это всего лишь приступ его, профессорской, паранойи. В общем, если бы у Маруси работал мозг, она могла бы обдумать миллион разных версий, но мозг тоже сжался и теперь просто передавал какой-то невнятный звон прямо в уши, а еще казалось, будто он вертится там, внутри головы, как карусель, и от этого было трудно устоять на ногах, поэтому Маруся просто рухнула на диван внутри автомобиля и улыбнулась.

Ну конечно, улыбнулась — надо было как-то разрядить атмосферу, потому что подруги выглядели тоже не ахти как. Катя, казалось, стала сиять еще больше — она почувствовала себя в центре каких-то необычных событий, которые могут превратиться в шоу, могут быть опасными и для нее тоже, могут закрутить ее в невероятное приключение — знала бы она, как на самом деле это скучно, неинтересно и неприятно. А вот Света, наоборот, еще сильнее помрачнела и на ее лице читалось смятение — видимо, Света, в отличие от Кати, ни в какие приключения попадать не хотела и в данный момент пыталась решить, стоит ли ей вообще садиться в машину и ехать на вечеринку с потенциально опасной Марусей.

– Идиотская шутка, – равнодушно сказала Маруся, пододвигаясь на диване, словно уступая место для Светы, – садись.

– Чья шутка?

Маруся пожала плечами.

– Понятия не имею. Дураков много.

– Тебе до этого угрожали? – с любопытством спросила Катя.

– Слушайте, кто-то хочет сорвать вечеринку, это понятно…

– А вдруг…

– Что, вдруг?

– Ну ладно… – Света огляделась по сторонам и осторожно забралась в машину.

– Подвинься! – следом за Светой в машину пролезла Катя.

– Какие-нибудь завистники или еще кто-то… мало ли, кто меня не любит.

– Тебя никто не любит, – успокоила Марусю Катя, взяв ее за руку и преданно посмотрев в глаза.

– Скажи мне, почему я тебя терплю?

– Потому что на моем фоне ты выглядишь хоть немного лучше.

– На твоем фоне даже вирус Эбола выглядит лучше, – не удержалась Света.

Автомобиль плавно тронулся с места и, набирая скорость, выехал на шоссе. Вскоре они уже приближались к набережной, и менять что-либо не представлялось возможным. А очень хотелось вернуться домой, закрыться на все замки, залезть в кровать и спрятаться с головой под одеяло.

– Посмотрите сюда!

– Маруся!

– Улыбнитесь, пожалуйста!

– Можно несколько слов?

Вспышки фотокамер, люди, очень много людей, знакомые и незнакомые, охрана, друзья, пресса, зеваки — кажется, будто весь город разделился на две части и одна часть уже веселится на острове, а вторая стоит тут, у парома, и пытается увидеть, услышать, ухватить немного этого веселья для себя.

– Привет, ты меня помнишь?

– Маруся, посмотрите сюда!

– С кем вы пришли?

– Приедет ли ваш отец?

– Пару слов! Всего пару слов!

– Мы с вами встречались в прошлом месяце, я из журнала…

Катя справа, Света слева. Обе позируют. Маруся тоже, это происходит автоматом. Главное -улыбаться и кивать. Люди любят, чтобы на них обращали внимание, чтобы хотя бы делали вид, что их слушают, делали вид, что помнят, хотя, конечно, не помнят — но не жалко.

– Вы знаете, во сколько обошелся этот праздник?

– Нет, это подарок.

– Посетит ли вечеринку Андрей Гумилев?

– Да, конечно.

– Правда ли, что вас поздравил президент?

– Нет.

– Что вам подарили?

– Завтра выложу список.

– Вы будете петь?

– Если напьюсь.

Катя так громко рассмеялась, что на мгновение отвлекла на себя внимание фотокамер.

– Как ваш отец относится к тому, что вы употребляете алкоголь?

– Он об этом не знает.

– Правда ли, что вы делали операцию по увеличению груди?

– О, господи! Мне шестнадцать лет!

– Это правда?

– Нет!

– Но у вас заметно изменилось тело.

– Я взрослею!

– А нос?

– Это мой нос.

– У вас есть друг?

– Да... Нет.

– Пишут про ваш роман с сыном президента.

– Не читала.

– Это правда?

– Прочитаю — узнаю.

– Посмотрите сюда, пожалуйста!

Маруся обернулась на голос и приобняла своих подруг. Они улыбнулись в камеру, хотя было непонятно, в какую именно камеру смотреть. Также было непонятно, кто именно тебя об этом просит — толпа слишком плотная.

– И где они нашли у тебя грудь, – весело прошептала Катя, не поворачивая головы.

Вот же стерва!

Как бы случайно Маруся наступила ей на ногу, и Катя состроила мучительную гримасу. Отлично, будет над чем посмеяться, рассматривая фотографии в светской хронике!

Оценив шутку, Света злорадно рассмеялась, пряча лицо в ладони. Но Кате это смешным не показалось и, недолго думая, она дернула Свету за хвост, так что Света запрокинула голову и неприлично громко взвыла. Понимая, что дело пахнет дракой, Маруся отпрыгнула в сторону, но споткнулась на каблуках и повисла на Кате! Пыщ-пыщ-пыщ! Вспышки, кадры.

Маруся на Кате.

Света пихает Катю в бок.

Катя и Маруся падают.

Света стоит, согнувшись пополам и схватившись за живот от смеха — ее хвост развалился и волосы торчат во все стороны.

Катя с перекошенным от злости лицом.

Маруся, закусившая губу от боли — подвернула ногу.

Охрана, которая бросается на помощь.

Прекрасно! Сейчас это наблюдают сто человек, а через минуту будут наблюдать миллионы — не стереть, не вырезать, не удалить... и никакие деньги и связи тут не помогут.

Теперь главное смеяться. Если смеяться, то все будут смеяться вместе с тобой, а не над тобой. Первый урок публичной

персоны — никакого пафоса в дурацкой ситуации. И они засмеялись. Все трое сидели на полу и хохотали, позируя камерам, высовывая языки и размахивая в воздухе слетевшими туфельками. Конечно, чуть позже, когда вечеринка закончится, Света впадет в депрессию, а Катя вообще, наверное, покончит с собой, но сейчас все, не сговариваясь, продолжали свое цирковое выступление.

– Я, кажется, сломала ногу, – заскулила Маруся.

– Жалко, что не шею, – прошипела Катя.

– Шею я сломаю тебе, – хладнокровно пообещала Света.

Сильные руки охранников помогли им подняться. Крепкие парни окружили девчонок плотной стеной и позволили покинуть место позора незаметно.

– Отличное начало, я считаю...

– Я порвала платье...

– Ты знаешь того беленького?

– Мне срочно нужен туалет!

– Как же я вас всех ненавижу!

Катя, Света и Маруся – лучшие подруги. Катя красивая, Света умная, а Маруся просто Маруся. Они постоянно вместе и постоянно ссорятся. Сейчас они разойдутся по разным углам и постараются больше никогда не встречаться. Обычно это «никогда» никогда не длится более часа...

Папа появился ровно в тот момент, когда Маруся прыгнула в аквариум. Аквариум был огромный, прозрачный, подсвеченный ярким белым светом изнутри. Прыгнуть в него можно было с мостика, хотя «можно» не совсем подходящее слово, потому что никому, кроме специально приглашенных пловцов, прыгать туда не разрешалось. Пловцы, участники одного из самых красивых шоу в мире, молодые парни и девушки в облегающих костюмах, покрытых зеркальными чешуйками, сидели на бортиках аквариума и отдыхали. Их выступление

уже закончилось и оно было настолько потрясающим и вдохновляющим, что каждому, кто видел, как эти тонкие и гибкие фигуры, словно рыбки, извиваясь, плавали под водой, распадаясь и встречаясь, переплетаясь телами и собираясь в фантастические узоры, конечно, сразу же хотелось окунуться в аквариум и влиться в их стаю. К этому времени Маруся сделала всего пару глотков шампанского, но этого оказалось достаточно. Атмосфера, создавшаяся на острове, была настолько пьянящей, что никакого дополнительного допинга было уже не нужно. Все словно сошли с ума от красоты и счастья, заряжая друг друга улыбками и энергией, которую, казалось, можно было увидеть невооруженным глазом.

Каждую минуту на острове происходило что-то новое — остров был живой, подвижный, полный сюрпризов и чудес.

Вот вы стоите перед сценой, слушаете музыку и не можете оторвать взгляд от танцоров, а потом вдруг обращаете внимание на людей вокруг и видите, что все они тоже танцуют, и вы, вы тоже танцуете, вы так увлечены происходящим, что даже не заметили, как ваше тело стало двигаться само, ваши руки подняты вверх и когда все кричат, кричат от переполняющего их восторга, от той самой энергии, которая аккумулируется и требует выхода — вы тоже кричите, а потом вы хотите немного тишины и спускаетесь по дорожке в сад, вокруг все цветет и пахнет, кроны деревьев сплетаются у вас над головой и вы поражаетесь, откуда это все — ведь здесь никогда не росли деревья! Но тут же отвлекаетесь на стаю ярких птичек — они появляются из ниоткуда, проносятся перед вами и исчезают в зелени, а под ногами выложены камни, плоские и гладкие, сквозь них пробивается свет и каждый раз, когда вы ставите ногу, камень под вашей ступней начинает светиться ярче. Обернитесь — ваши следы, как следы на песке, остаются мерцать. Это так удивительно! Теперь спуститесь к воде — вот она плещется у ваших ног. Вспомните, что вы на острове, а вокруг

Москва. Город рядом, город вокруг вас, здесь и сейчас вы находитесь в самом центре города, но вы не в нем. Вы отдельно. Вы в сказочном царстве, отделенным от Москвы стеной света. Это прожекторы, они установлены прямо на воде и их плотные непроницаемые лучи устремлены в самое небо. Они закрывают вас от чужих глаз, от объективов, направленных на остров с желанием выхватить хоть что-нибудь, от тех, кто никогда не сможет проникнуть сюда.

Вся эта сказка растает с первыми лучами солнца. В серой утренней дымке растворится и стена света, и сам остров, словно мираж, исчезнет, угаснет и замолчит до следующей вечеринки.

– Да, да, да... поговорим об этом позже! Мне надо найти виновницу торжества... – Гумилев пытался вежливо отбиться от приставучих гостей, выискивая глазами дочку. – О, Боже!

В воздух взлетели брызги, а в воду, вся окруженная пузырьками, стремительно ворвалась Маруся. Она достала до дна, потом взметнулась вверх, перевернулась и, оттолкнувшись руками, взлетела на поверхность, хватая ртом воздух и визжа от удовольствия. Головы, оставшейся над водой, видно не было — зато было прекрасно видно ее подсвеченное тело, голые ноги, белые трусики и маленькое платье, собравшееся гармошкой где-то под грудью. Не каждый отец выдержит такое зрелище, хотя всем остальным гостям оно несомненно понравилось и они встретили марусину выходку аплодисментами и выкриками одобрения.

– Что за ребенок! – проворчал сам себе Гумилев и встретился взглядом с официантом, который робко пожал плечами и сразу же протянул бокал шампанского.

– У тебя красивая дочка! Поздравляю!

Гумилев сделал большой глоток, словно пытаясь смыть возмущение, застрявшее в горле, и обернулся на голос. Это был

человек из мэрии — не то, чтобы близкий друг, но неплохой знакомый.

– Не хочу это видеть, – улыбаясь, покачал головой Гумилев.

– Очень красивая… – продолжил человек, не отрывая взгляда от аквариума.

– И ты тоже не хочешь это видеть, – с нажимом произнес Гумилев и, взяв приятеля за плечо, развернул его в свою сторону.

Человек из мэрии усмехнулся.

– Я бы свою за такое убил.

– У тебя нет дочки.

– Видимо, у меня хорошая карма.

Мужчины рассмеялись.

– Слышал про ваше новое дело.

– Этому новому делу сто лет в обед…

– Но подвижки есть?

– Пока все больше в теории.

– Ну, ты же решил подмять под себя весь мир — можно и потерпеть.

– У меня не такие большие амбиции! – Гумилев сделал последний глоток и развел руками.

– Занять место Бога – не большие амбиции?

– Но я не Бог!

– Но хочешь им стать.

– Но еще не стал!

– Вопрос времени! – приятель подмигнул, взял из фруктовой вазы яблоко и с хрустом откусил кусок. – Только не пускай туда китайцев, иначе Бог у нас будет китайский.

Гумилев отмахнулся рукой.

– Это просто партнеры.

– Ты их недооцениваешь…

– Папа! Ты когда приехал?

Гумилев повернул голову и посмотрел на Марусю. Она стояла перед ним босая, с мокрой головой, в мокром платье и по ее телу все еще стекали струйки воды.

– Ты что вытворяешь?

– Здравствуйте, дядь Вить!

– Привет, красавица.

Андрей выразительно посмотрел на приятеля и тот сразу же понял, что диалог с дочкой Гумилева лучше не продолжать.

– Поздравляю с днем рождения! Хорошо всем повеселиться.

– Спасибо!

Гумилев подождал, когда человек из мэрии отойдет подальше и снова повернулся к Марусе.

– Мне просто стало жарко!

– Я понимаю, понимаю... я даже хотел поблагодарить тебя...

Маруся нахмурила брови, пытаясь понять, в чем подвох.

– За то, что не забыла надеть трусы.

– Па!

– Тут полно моих партнеров.

– И что?

– Надо быть скромнее.

– Ты такой зануда.

– Не обязательно всем демонстрировать свое тело.

– А что мне с ним делать?

Гумилев замолчал, так как этот вопрос отчего-то поставил его в тупик.

– Переоденься и не ходи в мокром.

– Окей!

Маруся развернулась на сто восемьдесят градусов и убежала, оставляя на полу мокрые следы, а Гумилев поймал за хвост сразу две мысли. Первая мысль была о том, что надо поскорее выдать Марусю замуж, чтобы она взялась за ум, а заодно и

переложить ответственность на плечи мужа. А вторая мысль, которая появилась одновременно с первой звучала так: «Убью любого, кто к ней приблизится!»

Сколько сейчас? Час, два, три ночи? Небо кажется белым — по небу время не определишь. Спать не хочется, но настроение начинает прыгать — организм не выдерживает такой объем эмоций, его зашкаливает. Он пытается выставить баланс и ты чувствуешь, как что-то внутри тебя колдует за пультом — выше, ниже, громче, тише... Становится весело и тут же, через минуту, грустно, ощущение переполненности и пустоты, хочется зажигать дальше или свалиться прямо здесь на месте и уснуть, или плясать, или что, или где? Почему? Почему Илья так и не появился? Почему не перезвонил Нос? Маруся выслала им приглашение, но в ответ – ничего. До последнего момента она думала, что они объявятся без предупреждения, как сюрприз, но нет. Забыли? Вычеркнули из своей жизни? Да, да, вот сейчас хочется провалиться в диван и поплакать. Обидно, жалко и кажется, что до сих пор любишь. Но на самом деле, на самом-то деле, ты до сих пор не определилась, кого.

Как же достало.

– Ты тут?

Внезапно появившаяся Света прервала поток сознания и упала рядом на диван — ее щеки и руки были изрисованы замысловатым золотистым узором.

– Что это у тебя?

– Какой-то парень делает клевые временные татуировки золотом.

– Это фломастер.

– А ты че ревешь?

– Зевала....

– Зевала и плакала?

– Лобанова где?

– Лобанова жрет.

– Я бы сейчас тоже поела.

– У меня ноги отваливаются…

Если поесть – настроение поднимется. Или захочется спать. Можно ли свалить отсюда раньше гостей или это будет невежливо? Помнит ли тут кто-нибудь вообще, куда и к кому они пришли?

– Хочу домой…

– А как же коронация?

– Какая коронация?

– Похоже, я сказала что-то лишнее! – Света глупо захихикала и только сейчас Маруся заметила, что вечно мрачная подруга здорово напилась.

– Эй, да ты пьяная!

– Это фломастер!

– Что фломастер?

– Спиртовой…

Света уронила голову на подушки и закрыла глаза.

– У меня все кружится.

– Я видела твоего папу.

– А я видела твоего.

– Главное, чтобы они нас не видели.

Что за коронация? Какое-то шоу, о котором она не знает? А может, тоже напиться? Почему же они не позвонили и не приехали? Могли бы хотя бы… ну, хоть что-то. Хотя бы написать поздравление. А Бунин. Ох, Бунин. Маруся совсем забыла про него. Почему он звонил? Может быть, это как-то связано? Может быть, что-то случилось с парнями и Бунин хотел предупредить ее?

– Разбудишь меня, если я усну?

Света сбросила туфли и забралась на диван с ногами. Маруся дотянулась до тонкого мягкого пледа и набросила его на плечи подруги. Краем глаза она заметила, что в комнату заглянул

какой-то человек, но в тот момент, когда она повернула голову, он уже скрылся. В тихом помещении, куда не должен проникать звук, послышалась музыка. Она становилась все громче и громче. Света подняла голову и посмотрела на Марусю, потом в сторону прохода — там явно что-то происходило. Наконец в проходе появились парни, одетые в костюмы гладиаторов. Их загорелые тела были покрыты белой тканью и перетянуты белыми кожаными ремешками. Поверх ткани — латы из белых полированных пластин. На ногах белые кожаные сандалии. В руках, поднятых над головой, гладиаторы держали конструкцию, похожую на носилки с роскошным креслом. Они подошли к Марусе и опустились на одно колено.

– Ну ничего себе... – Света ошарашенно рассматривала молодых атлетов. – Видела бы это Лобанова...

Маруся схватила подругу за руку и слегка дернула, обращая внимание на себя.

– Это что? – одними губами проговорила она.

– А что ты так испугалась?

– Я туда не полезу! – прошептала Маруся чуть громче и на всякий случай отодвинулась вглубь дивана.

– Еще как полезешь...

Один из гладиаторов подошел к Марусе и протянул ей руку. У него было такое тело, что Маруся невольно отвела глаза и залилась краской, то ли от смущения, то ли от возмущения, но руку подала. Правда, другой рукой она тут же уперлась в подушки, перекладывая центр тяжести, словно это помешало бы оторвать ее от дивана.

– Гумилева, не дури, — рассмеялась Света. – Это подарок.

– Кресло – подарок?

– Фигесло! Лезь уже! – и Света слегка подтолкнула Марусю, помогая ей встать.

Улыбающийся парень легко подхватил ее на руки и осторожно усадил в кресло.

Маруся тихо процедила сквозь зубы ругательство и показала подруге кулак. Но как только кресло поднялось над головами гладиаторов, она тут же испуганно впилась в подлокотники и зажмурилась. Ощущения были странными — смесь злости, веселья, смущения, азарта, любопытства и желания всех убить.

Когда Маруся открыла глаза, процессия медленно и осторожно, словно гладиаторы несли какую-то хрупкую драгоценность, а они именно ее и несли, поднималась по ступеням, вынося именинницу из подземного бункера на поверхность.

Здесь, кажется, собрались все, кто находился на острове. Узкие аллеи куда-то пропали и теперь на их месте появилась просторная поляна. Но главное — ночь. Вокруг стало достаточно темно и эту темноту время от времени разрывали тончайшие лучи лазера. Они словно разрезали черное тело ночи, появляясь из ниоткуда и так же незаметно исчезая. Маруся посмотрела на людей – они были похожи на волнующееся море. Они кричали, расступаясь перед ее процессией и тут же смыкаясь за ней. Они тянули к ней руки. Какому безумцу пришла в голову эта идея?

Лучи в небе начали встречаться и сталкиваться, их становилось все больше и больше, они собирались вместе, рисуя в воздухе ступени, выше, и выше, и выше... Потом появился дым, он красиво растекался в пространстве, закручиваясь и завихряясь, делая ступени объемными — голография? В воздухе появился трон. Он вырисовывался постепенно, словно проступая из дымки и тут же ступени начали таять снизу вверх, они исчезали до самого основания трона, а трон начал медленно опускаться — и все это происходило параллельно торжественному шествию. Марусю несли навстречу трону, который вот уже — на земле, он кажется совсем реальным. До него несколько шагов... Рокот. Рокот, как будто где-то далеко летят

вертолеты. Маруся задрала голову и посмотрела в небо. Да, это вертолеты. Не показалось. Они приближались и их было много, они включали прожекторы и бросали свои тяжелые лучи на землю, освещая толпу, разгоняя туман, разгоняя дым, разгоняя иллюзию, смывая и стирая голографический трон и тут же на его месте появился настоящий, реальный... Или снова мистификация?

Музыка утихла — теперь шумели только массивные лопасти, разрубающие прохладный ночной воздух. Процессия остановилась, и уже два гладиатора помогли Марусе спуститься на землю, придерживая ее под локти. Ее торжественно подвели к трону и жестами предложили сесть.

Коронация!

Маруся почувствовала, как подогнулись колени, словно это все было взаправду, словно это не просто красивое театральное представление, а настоящая коронация и словно она не просто «Королева на один вечер», а Королева Мира Единственная Неповторимая Неотразимая и Непобедимая.

Маруся посмотрела на трон. Он был невероятных размеров. В сравнении с ним Маруся выглядела как маленькая кукла рядом с обычным человеческим креслом. Чтобы сесть в него, надо было преодолеть три высокие ступеньки. Маруся поднялась на первую — крики стали громче, на вторую... Она обернулась и посмотрела на людей вокруг, пытаясь разглядеть хоть одно знакомое лицо, но почему-то здесь не было ни подруг, ни папы, или она просто не видела их. Почему все эти люди так радуются? Они действительно ее любят?

За последний год Маруся стала довольно популярной — ее часто приглашали на разные вечеринки, приемы и праздники, она постоянно мелькала в светской хронике, в журналах и передачах для подростков, у нее даже появились фанклубы и целая армия девочек мечтала быть похожей на нее, но все равно, все это было как-то... дико? Лобанова не без оснований

считала, что все, кто хочет быть похожими на Марусю, на самом деле просто завидовали ее богатству и успеху, поэтому «быть как Маруся» означало вовсе не быть ей, а иметь все то же самое, что имеет она. При этом саму Марусю они, конечно же, ненавидели, и считали, что, окажись они на ее месте, все было бы гораздо круче. Может быть и так. То есть, скорее всего, часть этих фанатов действительно так думала, но ведь были и другие — искренние и настоящие. По крайней мере, хотелось в это верить. Маруся не умела оценивать себя со стороны, она никогда ничего не делала специально. Она была такой, какая есть. Да, ей повезло родиться в очень богатой и влиятельной семье, повезло быть дочерью человека, в которого, казалось, были влюблены все женщины мира, их семья имела хорошую репутацию — впрочем, это больше заслуга папы, с которой Маруся, словно бессознательно боролась, привнося в эту идиллию немного скандальности. Но, как ни странно, эта скандальность тоже шла на пользу. Женщины начинали любить Гумилева еще больше — им казалось, что девочка такая бестолочь, потому что у нее нет хорошей мамы, которая занялась бы ее воспитанием — и изо всех сил предлагали себя на эту роль. Мужчины же начинали мечтать о такой дочке... вряд ли в качестве дочки, конечно! Мальчикам Маруся казалась идеальной подружкой, а девочки думали, что если бы они стали Марусей, то их бы тоже все любили и хотели. В общем, что тут мудрить – быть юной, красивой и богатой очень неплохо. Нет, не так. Быть юной, красивой и богатой очень хорошо! Главное, не думать, за что тебя любят — от этого нарушается сон и начинает болеть голова. Никакой рефлексии!

Маруся сделала еще один шаг и уверенно взошла на трон.

Гладиаторы расступились и к трону вышли маленькие мальчики, одетые в короткие белые тоги. Впереди всех шел мальчишка с длинными белыми кудрями — совсем мелкий,

взволнованный, оглушенный криками и шумом ангелочек. На вытянутых руках он нес сверкающий золотом оливковый венок. Венок был словно инкрустирован невидимыми яркими огоньками, которые фантастически сияли, освещая все вокруг. Дети окружили трон, выстраиваясь лесенкой, а белокурый ангел с венком поднялся выше всех и дрожащими от волнения руками водрузил венок на голову Маруси. Наверное, настоящим королевам так делать нельзя, но Маруся повернула голову и посмотрела на мальчишку. Губы непроизвольно произнесли «спасибо», а в глазах появились слезы и показалось, что этот миг и этот взгляд испуганного ребенка она не забудет никогда.

В ту же минуту в руках гостей появились разноцветные фонарики и теперь перед юной королевой распростерлась целая вселенная с мерцающими звездами. Ветер развевал волосы и хотелось орать от такого безумного и оглушительного представления. Маруся вскинула руки и закричала – а вся толпа подхватила этот крик. Казалось, будто сейчас все взлетит к чертям вместе со всей планетой, разорвется, взорвется или перенесется сквозь пространство и время в какую-то другую вселенную.

Музыка на предельной для восприятия громкости заложила уши. Маруся схватила ангелочка за руку и сбежала по ступенькам в самую толпу. Танцевать, пока не упадешь! А потом — домой.

Силы покинули тело с первыми лучами солнца. Перед глазами все мелькало, и даже если их закрыть, картинка никуда не пропадала. Снова были огни, лица, в голове проносились обрывки разговоров, прикосновения, взгляды, поздравления, объяснения в любви и приглашения продолжить веселье там или там... Нет, нет, нет... Никакого продолжения. Очень хотелось домой и спать. Возможно, в иной ситуации Маруся и

отправилась бы в другое место, но сегодня был ее день и она потратила на него недельный запас энергии. Ближайшие несколько дней она собиралась провести в овощном состоянии, валяясь в кровати, поглощая тонны сладостей и просматривая самые глупые комедии, снятые за последние сто лет.

Она дошла до кафе, где должна была встретиться с папой, но его там не оказалось. Возможно, он отошел куда-то или его вызвали по срочному делу. Такое бывало, а она уже не маленькая, чтобы возвращаться домой с папой под ручку. Маруся села за столик и заказала чашечку кофе. С одной стороны, пить кофе перед тем, как собираешься лечь, не очень правильно. С другой стороны, было понятно, что выпей она сейчас хоть литр кофе — ее сну это не повредит.

Маруся подозвала официанта и попросила его принести сумочку, которую она оставила на входе. Она отдала ему ключ от сейфа, устало улыбнулась и спросила, не видел ли он ее отца. Официант отрицательно помотал головой и отправился за вещами.

Где-то на улице должна стоять машина, которая привезла ее сюда. Маруся решила попробовать разыскать подруг при помощи коммуникатора, они были зарегистрированы в нем и умная программка отслеживала все их передвижения.

– Ваши вещи… – официант услужливо поклонился и протянул сумочку.

– Спасибо.

– Что-нибудь еще?

– Нет, благодарю.

Маруся достала коммуникатор и запустила поиск. Катя и Света обнаружились моментально. Света, судя по всему, была уже дома, а Лобанова все еще находилась здесь и, если верить карте, отжигала на танцполе.

Маруся быстро набрала текстовое сообщение и отправила Кате. Это было бессмысленно со всех точек зрения, так как,

скорее всего, катин коммуникатор тоже находился где-нибудь в сейфе, а, даже если она и взяла его с собой, услышать что-либо на танцполе не представлялось возможным. Ну и ладно.

Во входящих было несколько сообщений от Бунина. Маруся удалила их. Теперь в них вообще не было никакого смысла, потому что вечеринка закончилась и ничего страшного не произошло.

Неожиданно громкий звонок заставил вздрогнуть. Папа. Маруся нажала на прием.

– Нагулялась?

– Ты где?

– Сейчас буду.

– Па, я засыпаю…

– Надо закончить кое-что и потом я собирался устроить себе выходной.

– Ну закончишь — приезжай, а я сейчас.

– Как настроение?

– Умираю…

– Значит, правильное шестнадцатилетие.

– Ну так я поеду?

– Хорошо… Но я через полчаса освобожусь…

– Я столько не выдержу.

– Ок, ок. Езжай домой и спи. Только позвони, как доберешься.

– Само собой.

Маруся отключила телефон, положила голову на стол и тут же вырубилась. Нет, так не пойдет… Надо собраться с последними силами, встать и выйти на улицу. Маруся одним глотком допила кофе, встала и пошла.

Чтобы добраться до города, нужно было пройти по мостику. Здесь, на мостике, было многолюдно. Собравшиеся уходить

гости покидали остров, но не дойдя до причала, зависали на полпути, встречая знакомых и продолжая болтать, целоваться или просто задумчиво смотрели на воду, опираясь на бортики и не обращая внимание на окружающих. Тем не менее, пройти незамеченной не получилось. Как только Маруся появилась на мосту, с ней сразу же начали здороваться и задавать глупые вопросы, типа: «Ну как тебе?», «Что подарили?», или просто благодарили за крутую вечеринку.

Пришлось снова улыбаться и напрягать мозг, чтобы отвечать, а еще отбиваться от навязчивых «друзей», которые все ее знали, а она, или ей так казалось, даже не помнила их в лицо.

– Тебя подвезти?

– Нет, меня ждут.

– Приедешь к нам?

– Да, конечно.

– А к нам?

– Пишите письма.

– Круто выглядишь!

– Спасибо.

– А где твоя корона?

– Утонула в фонтане.

Корону, вернее венок, стырила Лобанова. Он, по словам самой Лобановой, гораздо больше шел к ее темным волосам. Кто бы спорил…

– Здравствуй, Марусечка, ты такая красивая, Марусечка, а где твой папа, Марусечка? – это папины преследовательницы. Они появляются везде, где появляется он, и рассчитывают на что-то. На что, интересно, они рассчитывают своими куриными мозгами?

Маруся как можно быстрее прошмыгнула мимо группы гумилевофилок, показательно игнорируя их.

– Маленькая дрянь…

Вот так, от любви до ненависти один шаг. Маруся даже улыбнулась. Эти тетки с фантастическими телами и не менее фантастической глупостью вызывали у нее жалость и смех. Как, все-таки, хорошо, что папа любил умных женщин. Правда, и их, как оказалось, было достаточно для того, чтобы каждый раз появляться на людях с новой. Эх, папа, папа...

Маруся вышла на площадку у парома и сразу же увидела свою машину, которая в тот же момент двинулась в ее сторону. Дверца открылась. Маруся с удовольствием забралась в просторный салон и легла на сидение. Потерпеть каких-нибудь десять минут и она дома. В салоне темно и прохладно — самое то после жаркой бессонной ночи. Можно попросить водителя покатать ее часов десять-пятнадцать. Или это будет жестоко? Маруся попыталась сесть. Ей показалось, будто она задела кого-то. Сон как рукой сняло! Маруся испуганно встрепенулась и сразу же открыла глаза. Напротив нее сидела женщина. Ее было очень плохо видно, а по очертаниям в темноте Маруся не сразу смогла опознать кто это. Неужели очередная папина поклонница подкупила водителя и забралась в машину в надежде встретить здесь отца?

– Кто вы?

Женщина молча включила свет. Маруся вгляделась в лицо незванной гостьи и онемела от удивления. Это была мама.

ГЛАВА 3

Подарок

Нельзя сказать, чтобы Маруся обрадовалась. Сначала был шок, все-таки маму Маруся не видела очень давно и помнила больше по фотографиям. Потом появилась нежность и желание броситься на шею. Но потом возникло необъяснимое чувство отстраненности — перед Марусей сидела, в общем-то, незнакомая женщина. Женщина, которая когда-то бросила ее и вот теперь зачем-то снова появилась. Маруся справилась со своими эмоциями и спокойно поздоровалась.

– Привет.

– Привет, Маруся.

Так просто. Будто они расстались несколько часов назад и вот теперь мама заехала, чтобы забрать ее с вечеринки.

– С днем рождения… – Ева попыталась улыбнуться.

Было видно, что она смущена прохладной встречей. Похоже, она представляла ее как-то по другому. Думала, что Маруся сразу же полезет обниматься… Ева все еще считала ее ребенком, для которого мама — главное. Но за те годы, пока ее не было, все изменилось.

– Спасибо.

Разговор не клеился. Маруся просто не знала, что сказать, а Ева, похоже, не могла подобрать правильные слова.

– Ты, наверное, удивлена…

– Да уж, наверное.

– Я понимаю, что ты…

– Зачем ты забралась сюда?

– Нам нужно поговорить.

– А этот цирк… Это обязательно?

Маруся почувствовала, как в ней закипает злость. Непреодолимое желание нагрубить, обидеть, сделать больно. Что это? Детские обиды, которые внезапно всколыхнулись и поднялись со дна, замутняя рассудок?

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь меня видел.

– Ты могла оставить сообщение…

– Не могла.

– Почему именно сегодня?

– Так было нужно.

– Кому?

– Все очень важно. Я понимаю, ты злишься…

– У меня был прекрасный день, прекрасная ночь и прекрасное утро. Я не хотела бы испортить эти воспоминания.

– Ты очень злишься.

– Да. Я ждала тебя. Искала тебя. Ты так часто была мне нужна. Но ты не появлялась, пока тебе самой не понадобилось.

– Я понимаю, что любые оправдания… Маруся… Ты во многом права. Но я надеюсь, что со временем ты сможешь хоть немного…

– Не смогу.

– Ты уже взрослая…

– Рада, что ты заметила.

– Просто выслушай.

– Мам, я не хочу разговаривать. Мне хорошо без тебя.

– Я хочу вернуться в твою жизнь.

– Не вижу смысла. Мне нравится жить вместе с папой.

– Папа у тебя отличный.

– Да, да… Поэтому ты его бросила.

– Маруся, этому нет прощения, но все можно начать заново.

– Ты еще молодая. Роди себе других детей и начинай заново с ними.

– Не хами! – Ева вспыхнула, словно ее задели за живое.

– Я не хочу тебя видеть. Я хочу домой.

Маруся услышала, как сработали замки на дверцах и машина стала набирать скорость.

– Чем скорее мы поговорим, тем быстрее ты отправишься домой. – Ева протянула руку, взяла с сидения марусин коммуникатор и выбросила его в окно. – Ты же не хочешь, чтобы папа волновался?

Некоторое время они ехали молча. Маруся здорово разозлилась от подобной наглости, но сил, а главное, смысла сопротивляться не было. Мама хотела о чем-то поговорить и выбрала для этого такой идиотский способ. Возможно, она боялась папу или кого-то еще, Марусе хотелось верить, что у нее была уважительная причина для того, чтобы похитить собственного ребенка. Через полчаса папа освободится. Еще какое-то время у него займет дорога домой. Если он не обнаружит Марусю дома и не сможет ей дозвониться — весь город будет поднят на уши. Странно, неужели никто об этом не подумал? Сквозь плотные шторки Маруся не видела водителя и поэтому не могла понять, кто сидит за рулем. Неужели это их Олежек? Но как его могли подкупить? Или там вообще другой человек?

– Скоро приедем, – сообщила Ева, выглядывая в окно.

Маруся посмотрела на дома, пробегающие мимо. Этот район был ей незнаком. Судя по всему, они ехали в южном направлении, причем дорога проходила какими-то дворами.

– Там есть тихое местечко, где нас никто не побеспокоит.

– Ты могла бы рассказать мне все сейчас.

– Лучше там.

Маруся пожала плечами. Как ни странно, но больше всего в этой ситуации ее раздражала невозможность отключиться и уснуть. После такой напряженной ночи это было единственное желание.

– Я сейчас очень плохо соображаю.

– Это не займет много времени!

– В Москве навалом тихих местечек!

– Не трать силы зря.

Ева, наконец, взяла себя в руки и теперь выглядела спокойной. Она перестала улыбаться и это заставляло нервничать. Возможно, Маруся неправильно повела себя, когда сразу набросилась с обвинениями и обидой. Возможно, стоило быть более доброжелательной. Хотя бы ради приличия выслушать, что ей скажут, а потом уже занимать какую-то позицию. Но все произошло так неожиданно… У нее не было времени на то, чтобы подготовить правильную реакцию на встречу с мамой, которая исчезла из ее жизни более десяти лет назад, поэтому получилось, как получилось.

Маруся с удивлением осознала, что на самом деле не особо страдала без матери. Она просто привыкла жить без нее. Привыкла решать свои проблемы сама или, на крайний случай, обращаясь за помощью к папе. Маруся не представляла себе, какой была бы ее жизнь, если бы рядом была мама. Еще один человек в семье, который заставляет учиться? Звонит каждый раз, когда ты уходишь из дома? Достает вопросами? Помогает купить платье? Готовит завтрак? Что делают мамы? На примере своих подруг Маруся знала, что мама – это такое надоедливое существо, которое только и делает, что мешает. Другое дело папа! Папы почти никогда нет дома, при этом вокруг есть целая толпа людей, которая в любой момент придет на помощь. Еду привозят домой в неограниченных количествах, платья Маруся любит выбирать сама, а учеба… папа, конечно, тоже ругает за плохую успеваемость, но тратить время и силы на постоянные нравоучения он не любит. Так, пожурит иногда, похмурит брови…

Удивительно, но чем больше Маруся думала о роли мамы в семье, тем больше ей казалось, что мама не была ей нужна

вообще. То есть, конечно, она понадобилась, чтобы Маруся появилась на свет, но потом они прекрасно справлялись и без нее. Правда, папа долгое время страдал и Маруся видела это, но папины страдания стали больше поводом для злости на эту женщину, а не причиной ее любить.

Неправильные, нехорошие мысли. Маму надо любить. Все любят маму. Маруся стала осторожно разглядывать ее, пытаясь думать в другом ключе. Пытаясь найти в себе хоть немного нежности. Они похожи. У нее трогательные морщинки вокруг глаз — значит, она часто смеется. Веселая... Бросила свою семью и веселится! Нет, опять не туда.

– Приехали.

Ева неожиданно быстро перевела взгляд на Марусю, так что та не успела отвести глаза и смутилась.

– Ты очень похожа на меня, – еле заметно улыбнулась Ева, словно читая марусины мысли. – Ничего не бойся.

Маруся вылезла из машины и огляделась. Странный полуразрушенный двухэтажный дом стоял на пустыре, окруженном многоэтажками. Непонятное здание прошлого или позапрошлого века, не пойми как выжившее в эпоху стремительного градостроения. Вокруг дома были высажены деревья, которые словно скрывали здание от чужих глаз.

– Идем... – Ева подошла к Марусе и легонько прикоснулась к ее руке.

Маруся обернулась, чтобы рассмотреть маму при солнечном свете и первое же, на что она обратила внимание, были разноцветные глаза.

– Ты тоже? – с усталой обреченностью вздохнула Маруся.

– Ты сама все знаешь...

Они вошли в подъезд и стали подниматься на второй этаж. Пока Маруся с трудом переставляла ноги, она успела подумать о многом. Успела вспомнить, как еще недавно восходила по сту-

пенькам на трон и была королевой, а теперь... нет, о том, что теперь, лучше не думать. И еще мамины глаза. Значит, у нее есть предмет. Значит, она тоже из этой долбанутой тусовки. А Бунин? Не по этому ли поводу он звонил? И не это ли имел в виду, когда говорил об опасности? Это же очевидно. Как Маруся сразу не догадалась? Но кого слушать? Если Бунин хотел сообщить про маму, значит, она представляет опасность. Хотя Бунин тот еще псих. С другой стороны, он с таким рвением пытался от чего-то предостеречь. От этих мыслей стало страшновато.

– Здесь когда-то была моя лаборатория. Другая лаборатория, – заговорила Ева, открывая дверь в комнату.

– Что значит другая?

Маруся решила не подавать виду, что ее что-то испугало и держаться уверенно. Главное не делать резких движений, слушать и высматривать варианты побега. На всякий случай. Интересно, какой у нее предмет? Маруся вздохнула и стала без интереса рассматривать картинки на стенах.

– Неофициальная... Моя, личная. Я взяла это здание в долгосрочную аренду.

– Папа о ней не знает?

– Может быть, и знает. Но он никогда здесь не был.

– А зачем тебе понадобилась своя лаборатория?

– Папе не очень нравилось, чем я занимаюсь. А мне было интересно. Пришлось пойти на хитрость и соорудить себе это... гнездо.

– Что это за уроды? – Маруся поморщилась, рассматривая иллюстрации, пришпиленные к пробковой доске.

– Это такие... существа.

– Они реальные?

– Ты удивишься, но да, – сверкнув глазами, так как разговор коснулся любимой темы, улыбнулась Ева.

– Я уже ничему не удивляюсь, – равнодушно отрезала Маруся.

Она нашла старый пластиковый стул, смахнула с него пыль и села, уперев локти в колени и обхватив ладонями голову. Сил стоять совсем не было.

– Устала?

– Я не спала всю ночь.

– Да. Послушай... Я хочу рассказать тебе кое-что.

Маруся подняла голову и посмотрела Еве в глаза, пытаясь продемонстрировать, как внимательно она слушает. Голова была тяжелая и постоянно норовила упасть. А глаза предательски слипались.

– Кое-что ты уже знаешь. Ты знаешь про предметы, знаешь про то, что за ними ведется охота. Что-то тебе рассказал Бунин, с чем-то столкнулась сама.

– Ты следила за мной?

– Не совсем так.

– Неважно...

– Предметы – это очень серьезно и опасно. Опасно, в первую очередь, для людей.

Маруся закрыла руками рот и изо всех сил сдержалась, чтобы не зевнуть.

– Хорошо, пропустим вводную часть. Мне нужна твоя помощь.

– Я так и думала.

– Сейчас я буду говорить очень странные вещи...

Маруся кивнула.

– Ты не совсем человек. И я. И папа.

Маруся удивленно подняла бровь.

– Когда-то очень давно, еще до появления людей, на Землю попали существа.

– Эти? – Маруся кивнула на уродливые картинки.

– Нет. Другие. Прекрасные существа. Очень умные и добрые.

– А как они сюда попали?

– Неважно. Допустим, прилетели.

– Инопланетяне?

– Да.

– Отлично.

– Я думала, с твоим объемом информации ты будешь относиться к моим словам с меньшим скептицизмом!

– Я слушаю!

– Эти существа остались на Земле. Они не могли улететь. Но им тут плохо. Арки...

– Арки?

– Мы называем их Хранители-арки...

– Кто мы?

– Об этом потом. Так вот, арки очень высокоразвитые существа. У них есть такие знания и умения, которые нам и не снились. Но здесь, на Земле, они очень слабые. В смысле физически. Они не умирают, но и полноценного существования вести тоже не могут. Когда появились люди, были попытки создать новую расу. Новая раса должна была быть более выносливой и приспособленной для жизни на этой планете, но так же должна была перенять особые возможности арков.

– Не получилось?

– Кое-что получилось. Но все пошло не так, как они рассчитывали. Люди оказались гораздо более агрессивными существами, они фактически уничтожили арков. То есть выбросили их. Арки стали жить... ну словно в параллельном мире. Мы даже не видим их, хотя они есть.

– Ты, случайно, не про прозрачных?

– Да, ты их видела.

– Не самые симпатичные, честно говоря.

– Потому что ты видела не все. Но сейчас не об этом. Новая раса, которую все же удалось создать, была крайне немногочисленна. И она действительно смогла сочетать в себе досто-

инства людей и арков. Определенные способности стали передаваться от поколения к поколению. Даже сейчас можно найти некоторых потомков арков. И ты их знаешь. Это я. И твой папа. И некоторые другие люди...

Маруся поморщилась.

– Папа?

– Тебе не казалось странным, что папа смог добиться удивительных результатов за столь короткое время?

– Папа много работает.

– Он действительно много работает, но без его способностей он не добился бы всего того, что имеет.

– У папы есть предмет?

– Нет. У него есть... он сам. Он сам в некотором роде как предмет.

– Папе бы это не понравилось...

– Мы не об этом! Послушай. Это не самое важное. Самое важное... Теперь самое важное... – Ева стала заметно волноваться. – Как я и говорила, нас, потомков, очень мало. Вероятность того, что потомки встретятся и у них будет ребенок — чрезвычайно мала. Не знаю, есть ли еще такое... я пока не нашла, не сталкивалась, но ты, Маруся... на данный момент ты единственное известное....

– Существо? – Маруся даже улыбнулась.

– Да, – на полном серьезе согласилась Ева, – Ты несешь в себе гены арков в таком объеме, что являешься по сути... Ты наполовину не человек. Ты уникальная.

– Это я уже слышала.

– Это правда.

– Я вынуждена повторить тебе то же самое, что говорила Бунину и всем остальным. У меня нет способностей. Все, через что я прошла, только подтверждает это.

– Все, через что ты прошла, подтверждает, что ты именно то, что есть. Твои способности глубоко в тебе. И они обязательно

раскроются. Ты просто не знаешь о них. Ты не знаешь, что искать. Не знаешь, где искать. Сокровища можно найти только по карте. И нужно знать, что ты ищешь сокровища. Если ты будешь и дальше болтаться в жизни без цели, ты, возможно, ничего о себе не узнаешь...

– А если я не хочу знать.

– Не имеешь права.

– Вот как?

– Ты удивительная. Твоя сила, если ее раскрыть... Это... Ты не представляешь себе!

– К чему все это?

– Что? – Ева нахмурилась, не понимая вопроса.

– К чему этот рассказ? И зачем я тебе нужна?

– Ты нужна не мне.

– Приятно слышать.

– Прости... прости, я сказала глупость. Ты очень нужна мне, просто та задача, которую ты способна выполнить, в тысячи раз важнее, чем...

– Чем что, мама? Очнись! Ты же моя мама. А я твой ребенок. Что может быть важнее?!

– Спасение всего человечества.

– Не интересно.

– Не интересно? – Ева выглядела так, будто ей только что отвесили пощечину.

– Я не хочу играть в ваши игры. Мне это не интересно! Вы постоянно придумываете себе новые задачи и постоянно втягиваете в это меня. Сколько раз я уже слышала — спаси, спаси, спаси... От тебя все зависит! Ничего ни от кого не зависит и от меня тем более. Это ваша личная шизофрения!

– Целый мир погибает. Два мира!

– Уже два!

– И арки, и человечество!

– Я смотрю, с каждым следующим уровнем игра становится все сложнее и сложнее!

– Это не игра.

– Я не буду ничего делать.

Похоже, Ева была в полном отчаянии. Она растерянно смотрела на Марусю, пытаясь подобрать правильный ход, ключик, зацепку. Хоть что-то, что заставит девочку изменить решение.

– Я хочу домой, – твердо сказала Маруся, всем своим видом давая понять, что разговор окончен.

– Да… Конечно. Хорошо…

Ева словно отключилась. Ее сознание улетело куда-то далеко. Она даже не заметила, как Маруся поднялась со стула и направилась к выходу.

– Как мне попасть домой?

– А? Да… Да, прости… Вот, – Ева достала из кармана маленькую красную коробочку, перевязанную лентой, и протянула Марусе. – Это подарок.

Маруся раскрыла коробочку и обреченно заглянула внутрь. Так и есть. Очередной предмет. Это была змейка, которую когда-то она отняла у Юкки. Змейка, позволяющая перемещаться в пространстве.

– Если захочешь… – тихо начала Ева сорвавшимся голосом.

Она прокашлялась и нашла в себе силы вновь посмотреть на Марусю и улыбнуться.

– Если захочешь встретиться — просто зажми ее в кулаке и подумай обо мне.

Маруся достала змейку из коробочки и зажала ее в кулаке.

– Не захочу.

В следующее мгновение она была уже у себя дома.

ГЛАВА 4

Другая правда

Маруся выбежала из комнаты в коридор. Заглянула в отцовский кабинет, на кухню, в гостиную. Папы нигде не было. Сколько она отсутствовала? Это можно было бы рассчитать, знай она время, когда села в машину, но тогда Маруся не догадалась посмотреть на часы. В любом случае, прошло больше чем тридцать минут, гораздо дольше. Скорее всего, папа отправился ее искать, не дозвонившись и не найдя дома. Надо как можно скорее его успокоить.

Маруся прыгнула в кресло, разбудила компьютер и отправила вызов на отцовский телефон.

– Пааа!

На экране появилась фотография Гумилева, а в динамиках зазвучал его взволнованный голос.

– Где ты была?

– Па, я тебе потом расскажу. Не волнуйся, пап...

– Я два часа ищу тебя, весь город на уши поднял!

Кто бы сомневался...

– Пап, я дома. Возвращайся.

– Когда ты вернулась?

– Только что.

– Почему мне никто не сообщил?

Маруся закусила губу. Черт! Она проникла в дом, минуя подъезд, где ее ждали. Не засветилась на камерах слежения... Ну и как теперь это объяснить?

– Я не знаю...

– Что-то случилось?

– Нет… Ничего страшного.
– Ты в порядке?
– Да.
– Точно?
– Точно, пап.
– Я чуть с ума не сошел…
– Не злись… Пожалуйста.
– Поговорим дома.
– Хорошо.
– Только никуда больше не пропадай.
– Не пропаду.
– Я сейчас буду.

Связь прервалась. Маруся с шумом выдохнула и рухнула на стол. Вот так денечек! И почему с ней все время что-нибудь случается?!

Взгляд упал на мигающее сообщение. Открыть или снова удалить не читая? Палец ловко подцепил сообщение и потащил его в сторону корзины, но на полпути будто дрогнул и кликнул по ярко-голубому конвертику:

«Я понимаю, что ты не хочешь со мной разговаривать, но все же надеюсь на твое благоразумие. Тебя разыскивает Ева. Очень надеюсь, что ты прочитаешь это письмо до того, как встретишься с ней. Впрочем, что бы ни случилось — не слушай, что она говорит. Не верь ей. По возможности свяжись со мной. Бунин».

Маруся несколько раз перечитала письмо. Информации было очень мало. Собственно, кроме «не слушай» и «не верь» в сообщении больше ничего не содержалось. Хитрый профессор! Хотел заинтриговать, чтобы Маруся сама вышла на связь или не может писать более подробно?

Маруся услышала, как запищал датчик — кто-то вошел в подъезд. Она переключила монитор на камеру, установлен-

ную перед входной дверью и увидела папу. Быстро удалила письмо, но тут же выскочило новое: «Никому не рассказывай».

– Хорошо, не буду, – ответила Маруся монитору и выбежала навстречу отцу.

– Только обещай, что не убьешь его!

– Не могу!

– Ну папочка!

– Кто это был?

– Ты его не знаешь! Но это хороший мальчик, правда. Он просто пошутил!

– Как пошутил? Похитив тебя с вечеринки?

– Он хотел сделать мне сюрприз!

– И что это был за сюрприз?

Гумилев старался не злиться и даже пытался шутить, но получалось плохо. И наспех придуманного Ромео, который якобы похитил Марусю с вечеринки, он готов был убить на месте.

– Он просто признался мне в любви.

– Просто признался?

– Он стеснялся и поэтому хотел сказать мне об этом наедине. А ты же знаешь, как сложно остаться со мной наедине!

– А отвести в сторону? Письмо написать? Не знаю… пригласить погулять в парк?

– Но это же не романтично!

– А в машине романтично?

– Ему так показалось…

– А телефон?

– Потеряла.

– А по-моему, его выбросили в окно.

– Я случайно выронила его.

– В окно?

Маруся кивнула. Судя по всему, папа в историю не верил, но, похоже, волновало его совсем другое.

– Что ты ему сказала?

– Про что?

– Про признание. Что ты ему ответила?

– Ничего.

– Ты его любишь?

– Па!

– У вас что-то было?

– Мы просто покатались на машине и все.

Гумилев сел за стол, потом дотянулся до холодильника и вытащил пару банок пива. Одну он сразу же откупорил, а вторую приложил ко лбу. Чтобы как-то разрядить атмосферу, Маруся щелкнула пультом и стала переключать каналы, сделав вид, что увлечена просмотром новостей.

– Ты ведь врешь? – неожиданно продолжил разговор Гумилев.

– Не вру!

– Нет, врешь.

– Пап, какая разница, вру я или не вру, – разразилась наигранно гневной тирадой Маруся, – Главное, что я жива, здорова, невредима и дома.

Гумилев вытащил из кармана сигареты.

– Ты же бросил!

– С тобой бросишь...

– Не кури!

– А ты не сбегай.

– Ну я же не специально.

– Еще бы ты специально сбежала. Я бы тебе тогда голову открутил.

– Не открутил бы.

– Знаешь что... – Гумилев сломал сигарету в пальцах и бросил на стол, – если ты будешь так себя вести...

В этот момент его глаза уставились в телевизор и на лице отобразился ужас. Маруся быстро обернулась на экран. Там демонстрировались снимки Маруси и подружек, валяющихся босиком на полу и показывающих неприличные жесты репортерам. Гумилев достал еще одну сигарету и закурил, а Маруся быстро выключила проклятый телевизор и выскочила в коридор.

– Ты куда?

– Можно я пойду спать?

– Это… это что сейчас было? – заикаясь, спросил Гумилев, показывая пальцем на экран.

– Где? – состроив удивленное личико, спросила Маруся.

– Так… Я… – Гумилев поднял вверх указательный палец, потом обессиленно уронил руку вниз и покачал головой. – Иди спать.

Маруся выключила воду в душе и теперь стояла под струей теплого сухого воздуха, который быстро испарял капельки воды с тела. Наконец-то можно идти спать. За последние сутки произошло такое количество событий, что их могло бы хватить на неделю. Организм запутался во времени и поэтому Маруся чувствовала себя так, будто она не спала несколько дней. Казалось, что она уснет, не успев дойти до кровати, ну или сразу же, как только голова коснется подушки…

Однако, как только голова коснулась подушки, ее атаковали самые разные мысли. Каждая из них пыталась завладеть вниманием Маруси, отталкивая другие, но и те, другие, пытались проделать то же самое, так что Марусе чудилось, будто внутри ее головы мысли дерутся, кричат и своими криками мешают спать. Маруся повертелась с боку на бок, легла на живот, потом на спину, потом ей показалось, что в комнате слишком светло и она опустила светонепроницаемые шторы, потом ей стало жарко и она сделала воздух похолоднее, но тут же замерзла

и взяла еще одно одеяло. Потом заныла шея, так что пришлось убрать подушку, а без подушки спать было непривычно. Потом выяснилось, что воздух слишком сушит кожу и поэтому тяжело дышать, потом затекла рука, а потом начался кашель. Все это бесконечное мучение, вкупе с кричащими мыслями довело до того, что Маруся отчетливо услышала, как жужжит техника в доме, хотя она, конечно, работала бесшумно, но именно сейчас, в момент, когда так отчаянно хотелось уснуть, она начала тарахтеть, гудеть, пищать и вибрировать, как неисправная газонокосилка! Маруся села на кровати и с ненавистью посмотрела в сторону панели управления. И что с ней делать? Разбить?

Маруся встала и прошлась по комнате. Спать не получалось, но делать что-либо с такой опухшей головой было бессмысленно. Может быть, стоит поесть и посмотреть какое-нибудь скучное кино?

Маруся вышла на кухню, достала из холодильника упаковку заварных пирожных, вернулась в кровать и щелкнула пультом.

«Желаете посмотреть кино?» – вежливо спросил экран.

«Да».

Экран выдал список жанров — комедия, драма, мелодрама, детектив, боевик, фантастика… Ха-ха. Фантастика!

«Заложники времени», «На ядре», «Внутри меня», «Перемещаясь в пространстве»…

Перемещаясь в пространстве… Зачем врать самой себе и искать причины бессонницы, если причина была одна. У Маруси снова был предмет. Он лежал в красивой красной коробочке, брошенной в ящик стола, убранный с глаз долой и капризно жаждущий вновь прикоснуться к теплой коже, вонзиться своими ледяными лучами в тело, подчиняя, поглощая и предлагая новые невероятные возможности.

Маруся вытащила коробочку и положила ее перед собой. Ну? Взять или не взять? Поиграть или выбросить? Неверо-

ятные возможности это наркотик – в этом Бунин был прав. Кстати о Бунине. Может, быстро смотаться к нему и поговорить? Узнать, что все-таки произошло и почему он так опасается Евы? Нет, не хочется. Нельзя позволять им снова втянуть себя в игру. Если уж с даром невредимости Маруся столько раз находилась в двух шагах от смерти, то с обычной змейкой шансы погибнуть только увеличивались, потому что змейка словно специально манила ввязаться в разные авантюры.

А если просто побаловаться? Перенестись к Лобановой, например, или к Светке? Нет, они спят. Неинтересно. Куда-нибудь к морю? Так, вроде, была недавно. На вершину Эвереста? Можно замерзнуть. На космическую станцию? Скукота... Маруся даже открыла расписание событий, происходящих в данную минуту на Земле. В Испании проходила Ла Томатина — весело, но как-то не хочется, Киргизия приглашала на соколиную охоту, в Бразилии проходил очередной карнавал, теперь они устраивались почти каждый месяц. Открытие археологического музея в Италии, Фестиваль пюре и сосисок (О, боже — пюре и сосисок!) на острове Мэн, начало гонок в Эмиратах, Праздник светлячков в Китае, Приветствие Посейдона в Греции... В списке значились Проводы Лета, Изгнание Дьявола, Метание баклажанов, Съезд Альбиносов и Международная выставка карликовых поросят... Чем больше вариантов Маруся перебирала, тем больше понимала, что хочет именно то, чего она больше всего боялась. Все ее интересы вмиг утратили свою привлекательность, друзья и путешествия показались блеклыми и скучными, а занятия, на которые она потратила последний год — детской глупостью. Хотелось снова оказаться в самой гуще событий, распутывать тайны и разгадывать вековые загадки, хотелось обратно в мир настоящих вселенских злодеев и героев, хотелось в Зеленый город к Бунину, Илье и Носу, хотелось к маме...

Маруся схватила коробочку и бросила на дно ящика. Нет. Это все от недостатка сна, от усталости. Это бред. Никогда и ни за что ни один нормальный человек не захочет рисковать жизнью. Если это происходит — ты не в порядке. У тебя нарушена психика. Или, может, это предмет, сам предмет, так действует и зомбирует, гипнотизирует, заставляет подчиняться себе... Предметы не любят валяться без дела... «А ты любишь», – мысленно ответила сама себе Маруся и направилась в кровать. «Просто ложись и закрой глаза, – продолжала она уговаривать саму себя, – ни о чем не думай, считай овец».

На пятнадцатой по счету овце Маруся вскочила и начала одеваться. Действовать надо было очень быстро, пока, потеряв всякую бдительность, здравый смысл задремал, а когда он очнется, будет уже поздно! Маруся влезла в сарафан и шлепки, затянула волосы в хвост, открыла ящик стола, достала коробочку и вытряхнула змейку на ладонь. К Бунину! Быстро, быстро, быстро! Она даже зажмурилась, словно это могло ускорить процесс, а когда открыла глаза, то буквально нос к носу столкнулась с профессором. Они оба отпрыгнули друг от друга и даже вскрикнули от неожиданности.

– Черт бы... тебя побрал...

Бунин схватился за сердце левой рукой. В правой он держал чашку и, судя по тому, что Маруся столкнулась с ним в коридоре подземной лаборатории, профессор куда-то шел. Возможно, за чаем.

– Извините.

– Никогда больше так не делай.

– Ну я же не знала, где окажусь!

– Пользоваться не умеешь, а уже лезешь.

– К нему инструкция не прилагалась.

– Надо образно, – профессор убрал руку от сердца и очертил ею пространство вокруг себя, – представить помещение.

Если представить конкретного человека, то ты будешь натыкаться прямо на него.

– Откуда же я знаю, в каком вы помещении?

– А позвонить было сложно?

– Ну…

– Мууу… Научись думать, хоть иногда.

Бунин обошел Марусю стороной и направился дальше по коридору, оставив гостью в полной растерянности.

– Вы, вроде бы, хотели поговорить? – крикнула ему вслед Маруся.

Профессор ничего не ответил и скрылся за дверью маленькой служебной кухни.

– Какой же ты все-таки противный… – проворчала Маруся и лениво поплелась туда же.

Когда она зашла на кухню, профессор колдовал над чашкой, высыпая туда разноцветные порошки из маленьких бумажных пакетиков и осторожно перемешивая это все деревянной лопаточкой.

– А если бы я был в душе?

Маруся недовольно поежилась.

– Или еще где…

– Что вы там делаете? – спросила Маруся, чтобы сменить тему.

– Я так понимаю, ты уже встречалась с Евой? – Бунин словно не услышал вопроса.

– Почему?

– Потому что у тебя ее предмет.

Маруся разжала руку и посмотрела на змейку.

– Она точно так же появилась у меня вчера вечером.

– Я встречалась с ней утром.

Профессор налил в чашку кипяток и понюхал получившуюся жидкость. Он казался настолько расслабленным, что Маруся даже усомнилась в том, что именно Бунин собирал-

ся с ней пообщаться. Может быть, это была ловушка? Кто-то пытался выдать себя за профессора или...

– У тебя, кажется, был день рождения?

– Шестнадцать лет, – не сдержавшись, расплылась в улыбке Маруся.

– Шестнадцать лет, а ума нет, – тихо пробурчал профессор.

Маруся сделала глубокий вдох, чтобы проглотить очередное оскорбление.

– Я пришла, чтобы узнать, о чем вы хотели меня предупредить.

– А какая теперь разница?

– Какая разница?

– Все равно ты все сделала не так.

– А как я должна была...

– Например, ты должна была ответить на мой звонок.

– У меня были люди.

– Не оправдание.

– Я не хотела...

– Теперь я не хочу.

– Но...

– Отдай мне предмет и топай домой.

– Я уже отдавала вам змейку, но она опять оказалась у меня.

– Разумеется! Ее же украли.

– А, может, вы специально подослали ко мне маму, отдав ей змею?

– И какой в этом смысл?

– Не знаю, – честно созналась Маруся.

– Вот и я не знаю... – профессор развернулся прямо к Марусе и посмотрел ей в глаза. – Отдашь сама или отнять силой?

Маруся даже не нашлась, что ответить.

Бунин же, как ни в чем не бывало, поднял руку и посмотрел на часы.

– Завтракать будешь?

– Завтракать?! Вы издеваетесь?

– Проявляю несвойственную мне вежливость.

– Пытаетесь отравить?

– Не проверишь, не узнаешь.

Маруся зависла. Профессор умел вывести из себя неожиданным поведением. Вот только что он был серьезен как никогда и тут же мог начать рассуждать о каких-нибудь совершенно необязательных и никакого отношения к делу не имеющих вещах, как, например, заваривание чая или вестибулярный аппарат у насекомых. Возможно, таким образом он специально заставлял собеседника потерять нить разговора, контроль над эмоциями и даже цель, ради которой разговор затевался, и потом, словно хищник, внезапно нападал из укрытия, заставляя вас думать о том, о чем вы вовсе не хотели думать, говорить те вещи, о которых вы собирались молчать и даже совершать поступки, за которые потом было страшно или стыдно.

Вот сейчас он выглядел совершенно безобидным, даже уютным, в своем очередном махровом халате со свежими следами зубной пасты на груди и в тапочках на босу ногу. У него был заспанный вид, взъерошенные волосы и помятая щека с отпечатком мелкой решетки — судя по всему, он положил голову на металлический сетчатый стол, да так на нем и уснул. Бунин казался трогательным сумасшедшим гением, кем он, в общем-то, и являлся…

– Ну чего ты встала как вкопанная? – трогательный гений оттолкнул Марусю, загородившую ему проход, и направился к холодильнику.

– Я могу идти домой? – рассерженно спросила Маруся.

– Валяй!

Бунин кивнул, отпил свое зелье и страдальчески скривил рот, словно это было одновременно самое кислое и горькое вещество на свете.

– Вы отправили мне миллион звонков и сообщений ради того, чтобы сказать «валяй»?

– А еще я предложил тебе завтрак, – ответил Бунин, спрятавшись с головой за дверцей холодильника.

Он определенно издевался. Мстил за вчерашнее марусино молчание? За сброшенные звонки и неотвеченные сообщения? Но он же не маленький ребенок…

– Хорошо. Я поняла, что вы играете со мной в какую-то непонятную игру. И, наверное, у вас есть какая-то цель. Давайте не будем морочить друг другу голову и вы просто скажете, что вам нужно?

Бунин неожиданно громко рассмеялся и даже захлопнул дверцу.

– Я рад, что ты не изменилась. Хотелось проверить тебя.

– На что?

– На любопытство.

– Ооооо!

– Ты снова примчалась, не спала. Не спала ведь?

– Нет.

– Ты все такая же одержимая, несмотря на то, что тебе пришлось пережить.

– Я стараюсь не вспоминать об этом.

– Но ты помнишь?

– К счастью для вас, я помню очень мало. Но я точно помню, что после нашей последней встречи я не хотела вас больше видеть.

– А когда была наша последняя встреча?

Бунин хитро прищурился и пристально посмотрел на Марусю.

Ответить было нечего. На самом деле, Маруся не знала, что случилось с ней после того, как она ввязалась в эту эпопею

с ящеркой. Какими-то смутными обрывками вспоминался Нестор, Чен, Шанхай, Нижний Новгород и авария... Маруся помнила, как ей было плохо, как от нее отвернулись друзья, потом какие-то совсем уж дикие то ли воспоминания, то ли галлюцинации...

– Ты помнишь что-нибудь про орла?

– Про орла?

– Предмет... Ты видела его? Помнишь?

– Он кажется... я...

– Судя по всему, именно он оказал на твой мозг разрушительное действие, вступив в реакцию с ящеркой.

– А что он делает?

– Он отдает приказы, которым невозможно сопротивляться.

– И что мне приказали?

Бунин поджал губы, словно боясь сболтнуть лишнее, потом удивленно поднял брови, насупился и будто бы даже улыбнулся. Казалось, что профессор сам с собой вел внутренний диалог. Наконец он снова посмотрел на Марусю.

– Ты несколько дней пролежала в коме. Слишком много предметов вокруг, слишком много переживаний, слишком много воздействия естественных и противоестественных сил на детскую психику. Человек, который все это время находился рядом с тобой и выхаживал тебя, возвращая в сознание, стоит сейчас перед тобой и ты говоришь, что не хотела меня больше видеть?

– Откуда я могу знать, что вы говорите правду?

– Действительно... Ведь очнулась ты в обычной городской клинике...

– Папа сказал, что у меня было сотрясение мозга.

– И ты не пыталась потом общаться с ребятами?

Не пыталась. Маруся сохранила в памяти этот момент. Момент, когда она впервые захотела связаться с Ильей и Носом,

но факт того, что она не помнила ничего, что с ней происходило за довольно продолжительный период, какое-то необъяснимое чувство стыда и еще, конечно, то, что сами парни никак не пытались связаться с ней первыми — заставлял ее отказываться от этой мысли. Она почти год сдерживала все порывы написать или позвонить в Зеленый город и решилась только под предлогом дня рождения, подумав, что в такой день они не смогут наговорить ей гадостей (если вдруг они собирались это сделать).

– Я не сделал тебе ничего плохого. И, заметь, не трогал тебя весь год и не искал с тобой встречи, хотя, не буду врать, ты очень интересный экземпляр.

– Вы говорите, как моя мама… правда, она назвала меня «существом».

– Твоя мама права, хоть и сошла с ума. Собственно, это и послужило причиной для того, чтобы снова тебя побеспокоить.

Маруся с недоверием посмотрела на Бунина. Говорил ли он правду или врал — выяснить это сейчас было невозможно. Она действительно практически ничего не помнила и в голове у нее остались не столько воспоминания событий, сколько эмоции. Например, вспоминая Илью, Марусе становилось стыдно, а вспоминая Алису — противно, Нос вызывал смутное чувство жалости, а Бунин яркое, словно шкурка ядовитой жабы, ощущение страха и опасности. После пробуждения в больнице Маруся стала еще сильнее любить папу и отчего-то была обижена на маму. А еще ее немного смущали здорово стертые ступни ног… Не самый распространенный симптом сотрясения мозга.

Бунин поставил чашку в мойку, заметил пятно зубной пасты на халате и попытался оттереть его ногтем. Потом он снова залез в холодильник и достал из него самые обыкновенные сосиски. Маруся знала про сосиски, но никогда их не пробовала.

– Будешь?

Маруся нерешительно пожала плечами.

– Дешево и сердито…

Бунин переложил сосиски в тарелку и поставил в огромный стеклянный шкаф, явно не предназначенный для использования на кухне. Сразу после закрытия герметичной дверцы в шкафу, словно яркая фотовспышка, сверкнул свет, сосиски раздулись и покрылись золотистой корочкой. Бунин открыл дверцу, осторожно вытащил тарелку и поставил ее на стол. Шесть румяных сосисок шипели, свистели, шкворчали и даже слегка подпрыгивали на гладкой поверхности стекла. Кухня мгновенно наполнилась одуряющим запахом, так что Маруся даже пожалела, что никогда не пробовала это прекрасное блюдо.

– Вилок нет, есть придется руками.

Удивительно, все-таки, устроен человек. Он может не отдавать себе отчёт в том, что голоден, но если пучки света, отраженные от вкусной еды, попадают на сетчатку глаза, а пучки молекул, испускаемые вкусной едой, попадают в эпителий носа и все это, объединяясь, перемешиваясь и преобразуясь в электрический сигнал попадает в мозг, то вот уже у вас полный рот слюней и вы хватаете пальцами горячущую сосиску, и отправляете ее прямиком в рецепторы вкуса. Другими словами, сосиска отправляется в рот. Ее тонкая, но упругая оболочка сначала слегка продавливается, а потом отчаянно трескается под натиском зубов, брызгаясь на эти ваши рецепторы вкуса прозрачным соком. Но главное даже не это. Главное, что пока происходит весь этот фантастический процесс, и на время, пока происходит этот фантастический процесс, вы забываете обо всем. Маруся даже подумала, (думать было сложно, но где-то между первой и второй сосиской она уловила момент, чтобы быстренько подумать), что перемирие животных на водопое это вовсе не проявление благород-

ства, а вот это самое (тут началась вторая сосиска и мыслительный процесс прекратился), в общем удовольствие, которое временно вытесняет из головы все другие мысли.

– Вообще-то, – облизывая пальцы, внезапно заговорил Бунин, – я рассчитывал, что ты съешь всего пару.

Маруся очнулась и протянула профессору надкушенную, четвертую по счету, сосиску.

– Теперь к делу! – бодро провозгласил Бунин, отодвигая тарелку и усаживаясь на край стола. – вчера, как я и говорил, появилась твоя мама. Если честно, это было крайне неожиданно, потому что… возможно, ты знаешь, я не видел ее более десяти лет и все это время пытался найти. Но тщетно. Мне не помогали ни знания, ни связи, ни даже магия. Теперь можешь представить, что я ощутил вчера вечером, когда она внезапно свалилась на меня так же, как и ты, в коридоре.

Маруся кивнула.

– Ева была необычайно любезна, мила и вела себя так, как будто вернулась из увлекательного путешествия, так что я даже подумал, что она была одурманена или находилась под воздействием предмета, который стирал временные границы, и эти десять лет пролетели для нее, как пара недель, но все оказалось не так хорошо… Она прекрасно отдает себе отчет в том, сколько времени пропадала и, кроме того, не собирается возвращаться. Ее любезность оказалась всего лишь маской, а горящие глаза были следствием безумия, а не радости от долгожданной встречи. Твоя мама больна. Больна тяжело и на всю голову.

Бунин замолчал, словно отвлекся на какие-то свои мысли, которые решил не озвучивать, после чего снова заговорил.

– Ты что-нибудь знаешь про секты?

– Слышала.

– Настоящие секты. Впрочем, ты ведь сталкивалась с Нестором.

Маруся снова кивнула.

– У Нестора была мощнейшая секта, но во главе нее стоял человек. Довольно харизматичный, но все же человек, который обладал магическим предметом. Во главе секты, в которую попала твоя мама, и не просто попала, а даже в некотором роде, является одним из ее идеологов, находятся не люди. И предметов там столько…

– Не люди?

– Не люди.

– Она рассказывала про них.

– Тогда не задавай глупых вопросов, если сама все знаешь.

– Ну просто это… это не та информация, в которую веришь.

– Ты видела их, сталкивалась с ними, разговаривала с Евой и ты до сих пор не веришь?

– Не укладывается в голове.

Профессор посмотрел на Марусю, как на идиотку, потом сделал глубокий вдох и продолжил:

– В общем, это плохие… плохая организация. Я много лет посвятил изучению этой расы, если ее так можно назвать. Они жестоки и ненавидят людей. В чем я их, в общем-то, поддерживаю, но! Ева убеждена, что они спасают мир. А это не так. Их цель — уничтожить нас, потому что когда-то мы отняли у них Землю.

– Про это она тоже говорила.

– Отлично.

– Но не про то, чтобы нас уничтожить.

– Потому что она думает не так. Потому что она десять лет засоряла свою голову не тем и слушала не тех. Твоя мама феноменально умный человек с живым воображением, с тонкой настройкой — она умудрялась вникать в такие дебри науки, в которые даже мне вход закрыт, она находила общий

язык и понимание с существами, непригодными для понимания, и несомненно обладала качествами, невероятными для обычного человека...

– Так, может, тогда она лучше вас знает правду?

– К сожалению, нет. Она стала жертвой собственного таланта. В стремлении понять, принять и подружиться с чужой цивилизацией, потеряла контроль над собственным сознанием, над чувством самосохранения, над материнскими инстинктами, в конце концов... Я думаю, с этим ты не будешь спорить?

Маруся покачала головой.

– Она бросила семью, ребенка, друзей, коллег, работу, бросила всю эту земную жизнь, желая разобраться в другой, чужой жизни, и настолько погрязла в этом, что сама уже стала не совсем человеком. То есть, физически, физиологически, она все еще человек, но ее сознание безвозвратно изменилось.

Маруся отчетливо ощутила пределы участка мозга, отвечающего за поглощение информации. Как если бы в коробку из-под обуви пытались засунуть слона. Коробку распирало и она явно была не приспособлена к получению и перевариванию такого объема информации. Нет, конечно, если размышлять об этом, как о чем-то отстраненном, то может показаться, что это не такой уж большой объем, но если представить, что все это касается лично вас и ваших ближайших родственников, происходит нечто совсем другое. Даже микроскопический кусочек информации тянет за собой по цепочке все воспоминания, связанные с этими людьми, переживания, чувства, то, что Маруся когда-то слышала или думала про них. Все это умножается, перемножается и с неимоверной скоростью увеличивается в объеме и массе. Голова становится тяжелой и поток сознания будто бы блокируется, оставляя вместо широкого канала узенькую щель, сквозь

которую, по одному, просачиваются факты, перерабатываются, классифицируются и складываются в папки, папки в коробки, коробки в ящики, а ящики в гигантский многоэтажный шкаф. Потом, когда все будет разложено и отсортировано, понадобится еще время для того, чтобы перечитать эти файлы, обдумать и привести их к общему знаменателю. То есть выработать какое-то свое мнение. Например, что все это полный бред. Или что все это правда. Или понять, кто именно тебе врет. Или не врет. Понять и принять решение. Спасать? Бежать? Забыть? Что делать?

– Заметь, что я не прошу тебя влезать во все это, предпринимать какие-то действия или спасать мир, – улыбнулся Бунин. – Я всего лишь хочу предостеречь тебя...

– От чего?

– Именно от каких-либо действий.

– Она просила меня помочь. Сказала, что я им нужна.

– Несомненно нужна. Тебя хотят использовать как деталь в бомбе, которая все уничтожит.

– Мне очень не нравится все, что вы мне сейчас рассказали, но, к сожалению, это похоже на правду. То есть... это как-то перекликается с тем ощущением, которое было у меня после разговора с мамой.

– Какого ощущения?

– Что я всего лишь деталь.

Бунин ловко спрыгнул со стола и одернул халат.

– Ты мутант, своего рода посредник между ними и нами. Тебя можно использовать самыми разными способами и поэтому ты представляешь большую опасность.

– Насколько большую?

– Настолько, что гораздо правильнее было бы тебя убить.

«Ну что, ты этого хотела?» – услышала Маруся свой собственный голос, обращенный к самой себе. «Гулять и путешествовать, значит, было скучно... ну на вот, повеселись...».

«С другой стороны, – рассуждал уже какой-то другой внутренний голос, – предупрежден, значит, вооружен».

– Во мне редко что вызывает какие-либо.... – неожиданно тихо начал говорить Бунин и запнулся на полуслове.

Маруся посмотрела ему в глаза.

– Мне жалко тебя. Ты не самая умная, но хорошая... И хорошенькая девочка ни в чем, в общем-то, не виновата. Но так получилось, что пока на Земле идет эта война, а идет она уже не одно тысячелетие, ты всегда будешь мишенью. Кто-то захочет тебя использовать, кто-то захочет убить и это никак не зависит от твоих действий. Я тоже могу использовать тебя и мне, наверное, была бы полезна твоя помощь. А иногда мне хочется разрезать тебя на мелкие кусочки и посмотреть, как ты там устроена, — Бунин неприятно захихикал, как сумасшедший. – Ладно, ладно, шучу. Прости! Но, как ученому, интересно. Окей... Что-то я не то говорю.

– Что мне делать?

– Отдай мне предмет. Не потому даже, что он мне нужен, а потому что он не нужен тебе. Отправляйся домой, я даже могу дать тебе машину. Живи, получай удовольствие...

– И жди, когда тебя убьют? – продолжила мысль Маруся.

– Все рано или поздно умирают, – спокойно отреагировал Бунин. – Этим ты не отличаешься от обычного человека.

На душе было паршиво. И если бы Бунин не пошутил про «разрезать на мелкие кусочки», Маруся, наверное, обняла бы его и расплакалась, но после неожиданного откровения от этого человека хотелось держаться на расстоянии. Зато внезапно очень захотелось увидеть ребят. В какой-то прошлой жизни, о которой Маруся так мало помнила, они были теми, на кого можно было положиться в тяжелую минуту.

– А где Илья и Нос? – неожиданно спросила Маруся.

Бунин пожал плечами, снял махровый халат, взял со спинки стула более праздничный, но не менее грязный халат из китайского шелка и направился к выходу.

– Они ведь здесь?

– Ты, кажется, не поняла ничего из того, что я тебе сказал…

– Я все поняла, – Маруся бежала по коридору вслед за Буниным и отчего-то оправдывалась, как ребенок, – я не буду втягиваться. Я просто хочу…

Бунин резко остановился, пытаясь поймать рукой убегающий рукав.

– О чем ты хочешь с ними поговорить?

– Ни о чем!

– Да что б тебя! Помоги!

Маруся придержала рукав, пока Бунин не продел в него руку, и даже поправила завернувшийся внутрь воротник.

Они вышли на улицу и Маруся прикрыла лицо от яркого солнечного света, который больно резанул уставшие от недосыпа глаза.

– Я думаю, что в это время они работают и лучше их не отвлекать.

– Я на минуточку.

– Тебе вызвать машину?

– Я не собираюсь ничего…

– Ты отдашь мне предмет?

– Отдам!

– И поедешь домой?

– Да!

– С ребятами поговоришь потом.

– Но почему потом?!

Бунин снова остановился и нахмурил лоб, словно принимая какое-то важное решение. Маруся достала из кармана змейку и протянула ему. Бунин перевел глаза на марусину

ладонь, осторожно двумя пальцами взял змейку, подбросил в воздух и поймал в кулак.

– Ну хорошо… Идем.

Зеленый город здорово изменился. Здесь по-прежнему было много деревьев, растений и клумб, по дорожкам бегал старенький трамвай, но добавились какие-то новые необычные объекты. Практически сразу на выходе из подземной лаборатории располагался испытательный полигон. Он был похож на небольшую взлетную полосу, покрытую отполированными до зеркального блеска металлическими пластинами. Внутри некоторых пластин были вмонтированы дисплеи, на которых отображались незнакомые показатели, а если присмотреться повнимательнее, то можно было увидеть, как вдоль полосы тонкими дорожками выстроились ряды тончайших и практически незаметных для глаза прозрачных иголок, между которыми, то здесь, то там, пробегали такие же маленькие и незаметные искры. Как раз в тот момент, когда Маруся и Бунин проходили вдоль полигона, из небольшого ангара выкатилась плоская, как круглый поднос, штуковина с испуганным кроликом на борту. Штуковина плавно пролетела в десяти сантиметрах над поверхностью, потом с грохотом упала на полосу и задребезжала под истеричное дерганье ушастого пилота, закрепленного на ней обычным широким скотчем. Бунин резко остановился, неожиданно быстро перепрыгнул через сетчатый забор и поднял летающую тарелку в руки. Только сейчас Маруся обратила внимание на двух пацанов, наблюдающих за происходящим из ангара. Знакомые лица! Это были те самые два ученика, которых Маруся встретила здесь во время своего первого посещения. Мальчишки, которые пытались утилизировать отходы мамонта.

– Кто выпустил кролика? – громко и крайне сердито закричал Бунин.

Пацаны исчезли за дверью.

– Кто… Так! Быстро сюда!

Дверь медленно приоткрылась и из-за нее высунулась рыжая голова.

– Степан Борисович…

– Сюда!

Бунин размотал скотч и вручил кролика в руки Марусе, а сам начал внимательно изучать летательный аппарат. Потом поднял глаза и посмотрел на горе-учеников.

– Быстро, быстро!

Мальчишки сделали несколько шагов из своего укрытия, но затем, взвесив потенциальную опасность, не сговариваясь, одновременно переглянулись и остановились на безопасном расстоянии.

– Я же тебе говорил, что он слишком жирный! – зашипел на рыжего взволнованный сообщник.

– Ничего он не жирный!

– Да он тонну весит!

– Ничего не тонну! Я его на диете держал.

– Крысу надо было…

Маруся с трудом удерживала взбесившегося зверя, который отчаянно рвался наружу и царапался.

– Я его не… ой! – Маруся вскрикнула и выпустила кролика.

Животное несколькими длинными прыжками пересекло дорогу и уперлось мордой в сетку.

– Лови его!

Рыжий бросился за кроликом и буквально упал на него, придавив несчастного испытателя своим весом.

– Держу!

– Вы бы еще корову посадили!

– Степан Борисович…

– Что, Степан Борисович? – передразнил Бунин.

– Но он летал! Честное слово летал!

– Да я уж видел…

– Нет, правда. Тут плохо летал, а внутри летал.

– А ты какое напряжение пустил?

Рыжий поднялся с земли и, прижимая кролика локтем к боку, другой рукой вытащил из кармана шорт электронный блокнот.

– Вооот…

– Прекрасно!

Бунин огляделся по сторонам, раздумывая, куда бы лучше положить тарелку, и в итоге снова всучил ее Марусе.

– Очень интересно… – профессор взял у рыжего блокнот и начал быстро пролистывать его пальцем. – И что, летала?

– Внутри летала, а на улице я только сейчас решил…

– А я ему говорил, что на улице не полетит! – крикнул со своего места второй ученик.

– Но ведь она же пролетела…

– Метров пять пролетела… – тихо пробурчал Бунин. – Хотя кролик, конечно, жирноват.

– Я его на диете держал, – повторил рыжий.

Бунин скептически осмотрел кролика и покачал головой.

– Крыса пролетела дольше.

– Сегодня жарко.

– А у меня вчера вообще ни разу не упала! – в очередной раз выкрикнул второй мальчишка.

– Зато у тебя крыса насмерть замерзла.

– Ну так она ж от этого легче не стала!

– Ну знаешь… – Бунин встрепенулся от возмущения, – с таким подходом тебе в этом классе делать нечего!

Маруся ни слова не поняла из разговора, поэтому стала рассматривать тарелку. Она действительно была похожа на старинный медный поднос — такие подносы Маруся видела

в музее. При более внимательном изучении обнаружилось, что тарелки две и они как бы вставлены одна в другую, причем между ними существовала еще какая-то прослойка из колючего, словно кристаллизовавшегося, материала, похожего на металлическую стружку с пластилином. Маруся попробовала отковырять кусочек стружки ногтем, но сразу же получила по рукам.

– Ай!

– Ты что, не можешь просто постоять и подержать?

– Я же ничего…

– Ты хоть знаешь, что это такое?

– Летающая тарелка?

– Это высокотемпературный сверхпроводник! Смотри!

Бунин быстро выхватил у Маруси поднос и запустил его вдоль металлической дорожки. Поднос, или что там это было, плавно полетел по воздуху, постепенно ускоряясь.

– Давай обратно! – крикнул Бунин второму ученику.

Ученик вытянул руку с пультом и Маруся увидела, как поднос изменил направление и начал двигаться обратно, пока не прилетел в руки к Бунину.

– За счет разницы в напряжении можно регулировать его скорость и направление. Видишь эти иголки? Пластины тоже сделаны из сплавов разной проводимости…

– Угу…

– Сейчас мы работаем над тем, чтобы тарелка могла перевозить пилотов, – пояснил Бунин. – Крысы уже летают.

– Зачем? – наморщила лоб Маруся.

– За пивом… – огрызнулся Бунин.

Маруся опустила голову и быстро взглянула на мальчишек, которые прыснули от смеха.

– Это, между прочим, большой прорыв. Нобелевская премия!

– Не сомневаюсь…

– Ты, все-таки, очень глупое существо, Гумилева, – с отчаянием вздохнул профессор.

– На детях гениев… – с не меньшей тоской искренне вздохнула в ответ Маруся.

– Идем.

Бунин выхватил поднос из рук Маруси, отдал рыжему и пошел дальше. Маруся виновато улыбнулась юным ученым и пошла следом за профессором.

– Твой отец бы… твой отец бы вообще, не знаю, что отдал бы за такую разработку.

– Угу…

Бунин обернулся к мальчишкам.

– А вы дуйте обратно и это… Киселев, пришли мне свои расчеты на почту. Есть там пара интересненьких мест…

Маруся шла по дорожке и смотрела себе под ноги. Какие-то совсем мелкие дети проводят сложнейшие эксперименты, которые тянут на нобелевскую премию, делают расчеты, которые интересны настоящему взрослому профессору, заставляют летать крыс… Да пусть хотя бы и крыс. А что она? До сих пор не понимает, как электричество проходит по проводам и заставляет гореть лампочку! Наверное, это такой побочный эффект ее необычности! То есть какие-то сверхчеловеческие способности вытеснили обычные человеческие способности, дающие возможность понимать школьный курс физики. Ну да… Слабоватая отмазка. Скорее всего, дело в обычной лени, но как же неприятно себе в этом признаваться.

– А такое видела? – прервал марусины душевные страдания профессор и указал в сторону обычной садовой скамейки.

– Скамейка?

– А рядом?

Маруся внимательно присмотрелась. Обычная скамейка, рядом кусты и фонарь. И кусты, и фонарь тоже казались абсолютно обычными.

– Ничего не замечаешь?

– А что я должна заметить?

Бунин выглядел, как довольный ребенок, сумевший обмануть взрослого.

– Там стоит холодильник с минеральной водой.

Маруся снова посмотрела в сторону скамейки, а потом на профессора.

– Подойди, подойди… Вблизи его видно.

Маруся подошла ближе к кустам и действительно увидела какие-то смутные очертания. Как будто кусты в этом месте немного выступали вперед, словно они были фотообоями, натянутыми на шкаф. Но фотообоями живыми, потому что сквозь них просматривались корпуса и даже было видно, как от ветра шевелятся листики на ветках.

– Шкаф-невидимка! – с гордостью сообщил Бунин. – Совершенно уникальное покрытие…

– Вот это круто… – восхитилась Маруся.

– С десяти метров и не разглядеть…

– А почему шкаф?

– Шкаф стоял в лаборатории, вот на него и натянули.

– Эээ… А нельзя было на что-то более полезное… натянуть?

– Да какая разница! – воскликнул профессор, протянул руку и открыл дверцу невидимого шкафа.

Выглядело это более чем необычно, словно в пространстве образовалась дыра, заполненная светом и маленькими прозрачными бутылками с водой.

– Хочешь?

Маруся кивнула и взяла из рук Бунина одну бутылку.

Бунин захлопнул шкаф.

– Очень смешно, когда кто-нибудь на него натыкается, – засмеялся профессор.

– А костюм такой сделать можно? – поинтересовалась Маруся.

– Конечно, можно. Только пока он получится очень дорогой и будет похож на шкаф.

– В смысле?

– Ну... в смысле на шкаф, – профессор нарисовал в воздухе прямоугольник, – у нас пока не получилось сделать гибкие материалы.

– Какой же это тогда костюм?

– Ну, знаешь ли, когда приспичит, и не в такой залезешь.

Маруся не стала спрашивать, каким образом можно передвигаться в костюме невидимого шкафа, так как это грозило очередным обвинением в глупости, и благоразумно промолчала.

Бунин достал телефонную трубку и – где он только брал эти доисторические модели? – и набрал номер.

– Илья должен быть в библиотеке. Готовит доклад... – сказал он Марусе. – Хм... Не отвечает... наверное, отключил телефон, чтобы не отвлекали. Ну хорошо...

– А Нос?

Бунин набрал следующий номер.

– Нос абсолютно точно в координационном центре. Там полетела система... И тоже не отвечает...

– Но мы ведь можем зайти?

– Ну, наверное, можем.

Бунин и Маруся отправились дальше.

– Очень странно, – как бы сам себе сказал профессор.

– Что?

– Очень, говорю, странно, что не отвечают.

– Вы же сами сказали, что они могли отключить телефоны.

– Теоретически, да...

Марусе показалось, что профессор обеспокоен и это было что-то более серьезное, чем неотвеченные вызовы. Он снова и снова набирал разные номера и с каждым разом становился все мрачнее.

– Никто не отвечает. Вообще никто.
– Вас что-то пугает?
– Это Ева.
– Мама? При чем тут мама?
– Она увела их.
Маруся отчего-то улыбнулась. Видимо, слова профессора прозвучали настолько параноидально, что невольно вызвали такую реакцию.
– Вчера она просила отдать их.
– Как это — отдать?
– Отдать в их организацию.
– Зачем?
Бунин достал из кармана папиросы и закурил.
– Потому что они тоже полукровки.
– Ребята?!
– А ты думаешь, откуда у них такие способности?
– Так у вас здесь что...
– Да, да... ты все правильно понимаешь. Лагерь для полукровок.
– Вы находите их и собираете здесь?
– Это лучшие мозги на этой планете. Причем молодые.
– А они это знают?
– Разумеется, нет. По крайней мере — не знали, пока не появилась твоя мать.
– А зачем они нужны ей?
– Как и ты. Винтики в системе, которая все уничтожит.
– Тогда почему они пошли за ней?
– Подожди...
Бунин погрузился в свои мысли.
– Какой же я идиот...
– Что случилось?
– Она не могла увести их так просто за один вечер... она давно с ними общалась. Нужно было время. Как я упустил?!

– Но они ведь так любили вас… Я не верю, что можно было…

– Любили! – горько усмехнулся профессор, – ты же не знаешь, что она им наговорила. Вполне возможно, они думают, что спасают меня или останавливают от какой-то фатальной ошибки!

Профессор скорчил рожу и изобразил в воздухе нечто, символизирующее фатальную ошибку.

– А вы делаете какую-то ошибку?

– Я все делаю правильно, — твердо ответил Бунин. – Я только кажусь сумасшедшим, но поразумнее всех, тут вместе взятых.

Он снова взялся за телефон, словно хотел убедиться в своей правоте или наоборот, опровергнуть неприятную догадку.

Маруся опустила глаза и увидела валяющийся на земле электронный ключ. Она наклонилась, чтобы поднять его и в этот момент ощутила легкий толчок, который шел откуда-то из-под земли. Маруся замерла, потом медленно подняла голову и взглянула на профессора. Бунин тоже почувствовал колебание почвы и поэтому оторвался от телефона, вытянув руку в сторону, словно пытаясь удержать равновесие.

– Что это было? – тихо спросила Маруся.

Бунин опустился на колени и приложил голову к земле, откуда сразу же донесся следующий, более сильный, толчок.

– Землетрясение?

– В Нижнем? – с недоверием спросил Бунин.

В третий раз земля вздрогнула настолько ощутимо, что Маруся тоже упала на коленки и схватилась руками за траву.

– Там что-то есть… – испуганно сказала она, кивая вниз.

– Есть, – кивнул Бунин. – И знаешь, что там?

Маруся мотнула головой.

– Хранилище.

– Хранилище чего?

– Предметов.

– А что там могло…

Маруся не успела закончить свой вопрос, как земля начала трескаться и крошиться. Только что твердая глинистая поверхность, рассыпалась на мелкие кусочки и дрожала, словно изнутри кто-то перемалывал ее в гигантском блендере.

– Это они… – упавшим голосом сказал профессор. – Они пришли забрать у меня все.

Маруся видела, как земля словно бы закипает, бурлит и перекатывается мелкими волнами. Она стала настолько зыбкой, что руки и коленки начали быстро проваливаться внутрь, но тут же выталкивались обратно и от этой тряски становилось настолько жутко, что Маруся отпрыгнула в сторону, дальше и дальше, как несчастный ушастый кролик, добралась до твердого покрытия, которое выглядело более надежным, и распласталась на нем, боясь сделать лишний вдох.

– Сюда! – крикнула она профессору и даже схватила его за ногу, дергая в свою сторону. – Сейчас все рухнет.

Бунин быстро перебрался на дорожку, которая тоже поддалась вибрации и стала неприятно скрежетать, как песок на зубах, но все же казалась более устойчивой по сравнению с обезумевшей землей.

Следующий толчок оказался настолько мощным, что вся измельченная почва стекла куда-то вниз, как селевой поток, плюясь обрезками корней, растений и мелких камешков, с жуками, мошками, букашками и прочими обитателями подземного и наземного царства.

– На дерево! – скомандовал Бунин. – Быстро лезь на дерево!

Они одним рывком подскочили и добежали до ближайшего дерева. Никогда в жизни Маруся не лазала по деревьям,

однако сейчас какой-то дикий и древний инстинкт сам толкал руки и ноги, заставляя хвататься за любые выступы и взбираться со скоростью кошки. Бунин не отставал, иногда хватая Марусю за пятки и заставляя ползти еще быстрее.

– Падает!

Маруся услышала свой крик. Дерево накренилось и начало падать в сторону другого дерева, которое пока еще стояло на месте.

Не успев ничего сообразить и сказать друг другу, оба одновременно прыгнули и зацепились за ветку старой яблони.

– Давай выше! Выше! – скомандовал Бунин.

Смотреть вниз не было ни времени, ни сил. Там происходило что-то страшное, с отвратительными, режущими ухо звуками, и в какой-то момент Марусе даже показалось, что спастись невозможно, но именно в этот миг раздался треск. Треск, с которым ломается толстая сухая ветвь. Маруся резко обернулась и увидела профессора, падающего вниз. Первым желанием было прыгнуть следом за ним, потому что так быстрее. Быстрее, но неразумно! Маруся стала спускаться, осторожно перебирая руками и ногами и прижимаясь к стволу, больно обдирая ладони, бедра и даже живот. Бунин что-то кричал, но его голос тонул в общем шуме и заглушался стуком сердца, которое, казалось, разделилось на две половинки и прильнуло к барабанным перепонкам, оглушая своим «бум-бум-бум».

– Я иду! – закричала Маруся, скорее для того, чтобы просто услышать свой голос.

Когда она снова посмотрела вниз, профессора уже не было. Маруся прищурилась, вглядываясь в облако пыли, и, схватившись обеими руками за ветку, перекинула тело на другую сторону ствола, чтобы осмотреться внимательнее. Отсюда Бунина было видно. Он пытался выбраться на крупный осколок асфальта. Однако часть его тела скрылась под зем-

лей, словно ее затянуло в трясину. Не соображая, что делает, Маруся спрыгнула на этот ненадежный островок, схватила Бунина за подмышки и потащила вверх. Когда Бунину удалось закинуть на асфальт одну ногу, Маруся отпустила его и повалилась навзничь.

– Ты идиотка! – заорал на нее профессор. – Господи! Какая же ты тупая!

Маруся удивленно подняла голову и посмотрела на Бунина.

– Теперь мы оба сдохнем!

– Не сдохнем!

Бунин забрался на кусок асфальта, встал на колени, схватил Марусю за руку и вложил в ее ладонь змейку.

– Переносись! Быстро!

– А вы?

– Быстро, я сказал!

– Давайте попробуем вместе. Держитесь покрепче!

– Откуда ты вообще такая…

– Держитесь!

Вместо этого Бунин резко схватил Марусю за волосы и отшвырнул в сторону. В шее хрустнуло. Маруся вздрогнула от этого щелчка — не хватало еще нелепо погибнуть от перелома позвоночника. Но не успела она возмутиться, как рядом рухнуло дерево. Бунин пытался спасти ее голову! Словно обезьянка, Маруся схватилась за дерево и на четвереньках поползла по нему в сторону вздымающихся корней. Ствол относило вправо, ровно туда, где земля еще оставалась твердой и только начала трескаться. Если успеть перепрыгнуть туда до того, как дерево затянет вглубь, можно попытаться убежать на безопасное место. Марусе казалось, что она не ползет, а бежит на четырех пружинящих лапах, словно настоящий зверь, несется, отталкиваясь ладонями и ступнями от колючей коры… Прыжок – и твердая поверхность больно

бьет в локти, сразу же уходя и проваливаясь. Нет, нет, нет. Еще прыжок, быстро. Кажется, будто бежишь на месте, так как уходящая почва гасит все усилия и уносит назад, все дальше отдаляя от цели. Бежать вперед, чего бы это ни стоило, как на эскалаторе, идущем вниз, обгоняя и перегоняя его, на последнем дыхании, из последних сил.

Тело распухло от ударов, и каждое движение отдавалось острой болью. В горле першило от пыли и крика, глаза слезились, нос не дышал, а сердцебиение в ушах переросло в один сплошной шум. Маруся почувствовала, как из глотки вырвался животный вой, и этот густой и плотный звук, словно канат, протянутый из самого ее нутра до зеленого, нетронутого стихией газона, выдернул ее вперед, как рыбу, пойманную на крючок тугой и крепкой леской, вытянул и оставил лежать почти бездыханную на горячей сухой траве. Земля здесь тоже дрожала и вибрировала, но, по крайней мере, оставалась на месте. Надолго ли? Превозмогая боль и усталость, Маруся подняла голову и стала искать глазами профессора. Он все еще карабкался по стволу поваленного дерева, которое теперь относило в обратную сторону. Но самое странное было не это. Странным было расстояние, которое сейчас отделяло их. И тут же в голове сверкнула догадка — предмет. Маруся совершенно забыла про него, но он был с ней и помог перепрыгнуть те несколько метров, что отделяли Марусю от спасительного газона. Змейка-змейка... Спасибо, что спасла. Теперь надо было как-то спасти Бунина. Но как? Маруся в отчаянии смотрела по сторонам в поисках чего-то, что можно было бы кинуть профессору... Веревку? Доску? Ветку? Маруся подпрыгнула и повисла на ветке ближайшего дерева, но она и не собиралась ломаться. Ну конечно, когда так нужно... Что еще? Скамейка! Скамейка была деревянная и длинная, к тому же выглядела не такой уж тяжелой. Маруся со всех ног побежала к ней, пока не наткну-

лась на что-то невидимое, что больно ударило в лоб и отбросило назад. Чертов шкаф! Маруся схватилась за лицо, а когда убрала руки, увидела на них кровь. Отлично, разбила нос и губу. Все-таки у профессора было очень дурацкое чувство юмора. Настолько дурацкое, что на мгновение даже расхотелось его спасать. Но как же его, негодяя, бросить? Маруся схватилась за скамейку обеими руками и быстро потащила ее в сторону бурлящей земли. Дотащив до края клокочущей земляной реки, перевернула скамейку ножками вверх, нацелила в сторону профессора и толкнула ее вперед, как лодку по воде, практически точно достав до нужного места.

– Встаньте и быстро бегите! – крикнула Маруся Бунину.

Бунин послушно выпрямился и, перескочив на плоскую дощечку скамьи, побежал по ней до самого конца, потом расправил руки ласточкой и нырнул навстречу Марусе. Он не допрыгнул совсем немного, успев схватиться руками за торчащие из земли корни, но тут уже на подмогу подбежала сама Маруся. С какой-то неимоверной и непонятно откуда взявшейся силой она схватила профессора за плечи и потянула на себя. Через минуту они уже лежали рядом, согнув ноги в коленях и глядя в небо.

– Я, наверное, должен сказать тебе спасибо, – наконец проговорил Бунин.

– Наверное, – ответила Маруся, стирая кровь с лица.

– Ты, все-таки, очень глупая, Гумилева.

И отчего-то, именно на этой фразе, Бунин и Маруся рассмеялись.

Через десять минут они уже сидели в столовой и пили компот. Бунин выглядел растерянным и неподобающе веселым. Говорят, что когда человек теряет часть «нажитого непосильным трудом», он очень тяжело переживает, а когда теряет все — включается какая-то защитная реакция, меняется взгляд

на мир, происходит переоценка ценностей и отношение становится гораздо легче. Правда это или нет, но в случае с Буниным все произошло именно так. Он улыбался людям, которые подходили к нему с вопросами, шутил, общаясь со службой безопасности, рассказывал анекдоты Марусе и абсолютно ничем не напоминал человека, пережившего катастрофу.

– Собери всех в лекторской, – сказал он администратору, – если тут кто-нибудь еще остался.

Потом отпил свой компот и подмигнул Марусе.

– Двенадцать человек из младшей группы? Впору переименовывать нашу школу в детский сад. Да… Нет, этих не надо, пусть занимаются. Кого собирать… Да никого уже не надо собирать.

У него зазвонил второй телефон и он, прикрыв одну трубку, ответил в другую:

– Да. Ничего не нашли. Какое заявление… на что?

К нему подошел начальник службы охраны, сел рядом, сжимая кулаки и хмуря брови.

– На месте хранилища остался котлован. Не сохранилось вообще ничего. Стены перемолоты в щебень. Оборудование уничтожено.

– Ну что ж… прекрасно.

– Разрушен только этот участок. Все остальные объекты не пострадали.

– А люди?

– Выясняем.

– Хорошо.

– Вы можете как-то объяснить, что произошло?

– Например, как?

– Возможно ли, что… – начальник охраны сморщил лоб до такой степени, что линия волос почти соприкоснулась с бровями, – произошло… смещение тектонических плит?

– Смещение плит?

– Землетрясение? Техногенная катастрофа?

– Вы сами-то в это верите?

– Ну а что же это?! – крикнул начальник охраны, ударив кулаками по столу так, что расплескался компот.

– Кроты? – улыбнулся Бунин.

– Завязывайте с этими вашими шуточками! – начальник выглядел здорово раздраженным. Его сильно злило, что он не понимает происходящего. – Почему уничтожен именно этот объект? Что находилось в хранилище?

– Ничего серьезного.

На этих словах Маруся внимательно всмотрелась в лицо Бунина. Он отвечал очень спокойно и уверенно. Как он мог держаться? Хотя, с другой стороны, что ему оставалось? Рассказывать полицейским про магические предметы?

– А точнее?

– Крупа, консервы.

– Вы издеваетесь?

– Нет. Хранилище было построено по плану, но хранить в нем было нечего. Все документы переведены в электронный вид и находятся совсем в другом месте. Все разработки мы продаем. В хранилище завезли крупу и консервы на случай ядерной войны.

Теперь лоб начальника охраны пополз вверх, придавая его лицу вид изумленный, возмущенный и окончательно поверженный.

– Расслабьтесь, Гена. Тут нечего искать.

– Это моя работа.

– Выпейте компот и займитесь восстановлением.

Громоздкий и тяжелый Гена послушно взял стакан компота и закинул его в глотку.

– Нам всем сейчас очень не хватает витаминов… – произнес непонятную фразу Бунин.

– Последний вопрос.

– Да.

– Подземный город – это ведь ваша разработка? И, насколько я слышал, делали ее по заказу военных?

– Все так.

– А за разработку конкретно хранилища вам даже выдали премию… Шестнадцать степеней защиты, если я не ошибаюсь.

– И?

– Зачем надо было делать хранилище с шестнадцатью степенями защиты, если в нем нечего хранить?

Бунин на секунду замолчал, потом пожал плечами и улыбнулся.

– Бардак.

– В смысле?

– Бардак в стране. Делаем то, что не нужно, а что нужно – не делаем.

Начальник Гена изменился в лице.

– Ну знаете… Не знаю, в какой такой вашей стране бардак, а у нас в стране бардака нет.

На этих словах громила встал из-за стола и вышел из столовой.

Бунин быстро схватил Марусю за руку. Она даже вздрогнула от неожиданности.

– Я пытался тебя обмануть… окей, окей… я свинья. Об этом как-нибудь потом. Предмет нужен тебе. По крайней мере, он хоть немного увеличивает твои шансы на спасение. У меня больше ничего нет. И да, теперь мы все в еще большей опасности…

– Вы так быстро говорите, я не понимаю половину слов…

– Сваливай отсюда. Быстро. Я свяжусь с тобой, как только будет что-то известно. Сиди тихо, никуда не высовывайся. При малейшей опасности используй предмет. Сделай все,

чтобы сохранить себе жизнь. Сейчас ты, возможно, последний шанс на спасение.

– Где-то я это уже слышала, – со вздохом сказала Маруся.

– Дааа, я понимаю, что говорю то же самое, что Ева. Понимаю, что у тебя едет крыша от всех этих раскладов, но! Ты сама была свидетелем того, что сейчас случилось. Нестор, похоже, лишился всего еще раньше, а теперь пришел и мой черед. Они забрали предметы, а потом просто перемололи все в труху, уничтожив следы. Они нападают. Нападают, понимаешь? Мы еще не знаем, все ли выжили в этой мясорубке. Это похоже на то, что рассказывала твоя мамочка? Похоже на добрых инопланетян?

– Нет.

– Не будем устраивать долгие проводы.

Маруся понимающе кивнула и зажала в руке змейку. Надо было представить свою комнату, а лучше сразу кровать.

ГЛАВА 5

Разоблачение

На этот раз уснуть получилось сразу. Хотелось пойти в душ, смыть с себя тонну песка и грязи, переодеться во что-нибудь чистенькое, розовенькое и с зайчиками, но как только тело упало на кровать, а оно именно упало, силы кончились и Маруся мгновенно отключилась. Сон был недолгим, потому что где-то в глубине подсознания засела мысль, что встать надо одновременно с папой, чтобы он, не дай Бог, ничего не заподозрил. Это, конечно, было смешно, потому что, когда Маруся наконец проснулась и попыталась встать, тело заявило о своих повреждениях в полный голос, заставляя чуть ли не в этот самый полный голос кричать от боли.

Маруся сунулась было в свою ванную комнату, так удобно расположенную сразу в спальне, но не тут то было! Да, да, неделю назад кое-кто, а именно сама Маруся, в очередной раз решила поиграть в дизайнера интерьеров и снесла в своей любимой ванной все, что только можно, оставив на стенках лишь печальные островки янтарной мозаики, да нелепо торчащие трубы. Но самое грустное было не это. Самое грустное, что именно на этом, восьмом по счету ремонте, папа сломался и отклонил все просьбы о совместном восстановлении былой роскоши. Папа сказал, что пора нести ответственность за свои поступки и научиться, наконец, доводить дела до конца. Демонстративный отказ от ужина ни к чему не привел — папа умел быть упрямым, так что в конце концов Маруся привыкла пользоваться другими ванными комнатами, устроив в своей разрушенной склад «ненужных вещей, которыми не хочется захламлять шкафы, но жалко выбросить».

Это не было проблемой до сегодняшнего дня. Так как именно сегодня Маруся меньше всего хотела попасться папе на глаза, при этом больше всего на свете она хотела залезть под душ. Можно было бы воспользоваться змейкой… но «хорошая мысля приходит опосля» – про змейку Маруся вспомнила уже в коридоре, да и как-то не привыкла она перемещаться таким образом, тем более внутри квартиры. Это казалось таким же идиотизмом, как, например, использование автомобиля для того, чтобы доехать от одного подъезда до другого.

Маруся быстро прошмыгнула в ванную, закрыла дверь и встала перед зеркалом. Вид был такой, будто ее сбросили с горы — хорошо, что без переломов.

Она включила воду, осторожно залезла под душ и наблюдала, как по белоснежному керамическому полу стекает грязная рыже-коричневая вода с ошметками корешков и растений. Волосы отказывались промываться, превратившись в прическу столетнего растамана. Маруся вылила на них литр шампуня и кондиционера, нанесла маску, спрыснула всеми возможными сыворотками и эмульсиями, даже безжалостно драла их расческой, вычесывая мелкие деревянные щепочки и семена, но они все равно казались грязными и неживыми. Впрочем, это было неудивительно, учитывая, что и сама Маруся выжила с трудом.

После часового ритуала приведения себя в порядок Маруся еще раз скептически осмотрела себя в отражении. От переносицы под оба глаза поползли фиолетовые разводы, губа распухла, локти и коленки сбиты до кости, а количество ссадин такое, что и не сосчитать.

– Муся? Ты встала?

Папа…

– Да!

– Все нормально?

– Да!

– Завтракать будешь?

Маруся посмотрела на часы. Семь вечера. Самое время для завтрака!

– Я хотела еще поспать…

– Я тут подумал…

– Угу…

– Ну выйди! Я хочу с тобой поговорить о вчерашнем.

– Па! Я очень устала… Можно потом?

Когда потом? Будто синяки пройдут за несколько часов… И что придумать? Уехать без предупреждения куда-нибудь подальше? Но папа все равно найдет, как связаться, а с видеофонами спрятать лицо не получится. Если только нанести в три слоя тональный крем.

– Хорошо… Я отъеду ненадолго…

– Окей.

– Ляжешь спать?

– Да.

– Ну пока.

– Пока!

Маруся подождала, пока папа уйдет, и на цыпочках вылезла из ванной. По закону подлости именно в этот момент папа снова вышел в коридор и натолкнулся на любимую дочку.

Он даже ничего не сказал, просто смотрел на Марусю, закутанную в длинное желтое полотенце, и на его лице было столько эмоций, что Марусе, как никогда сильно, захотелось провалиться сквозь землю.

– Я упала, – не дождавшись вопроса, сказала Маруся.

– Упала… – каким-то отстраненным и механическим голосом повторил папа.

– Поскользнулась в ванной.

Папа переводил взгляд с марусиных глаз на нос, потом на коленки, предательски торчащие из под полотенца, потом

опять на глаза и, видимо, пытался нарисовать себе картину «марусиного падения». Падения во всех смыслах.

– Маруся... – наконец заговорил он.

– Ничего страшного. Просто неудачно ударилась, – быстро затараторила Маруся, испугавшись вполне закономерных вопросов, ответы на которые она дать не могла.

– Где ты была?

– В душе.

– Нет... Где ты была?

– Там очень скользко, а меня ноги не держали.

– Что с тобой происходит?

– Переходный возраст.

– Ну да, ну да...

В гневе папа пребывал в двух состояниях. Либо он выходил из себя, либо уходил в себя. Первое было не таким уж страшным, особенно если иметь некоторый опыт и не пугаться чрезмерно громкого голоса, ударов кулаком по столу и обещаний отправки на необитаемый остров в закрытую школу. Второе же состояние было куда более неприятным. В этом состоянии папа молчал, скучал, закрывался и выглядел как человек, монументальная жизнь которого была разрушена из-за одной незначительной ошибки, допущенной в молодости, и этой ошибкой была Маруся.

Конечно же папа ее любил. Папа любил ее больше всех на свете. Папа просто жить не мог без нее — но это и было для него самым страшным. Привязанность к маленькой глупой девчонке, которая постоянно влипала в неприятности, рушила самые грандиозные планы, создавала проблемы и при этом являлась смыслом жизни – беда даже для самого сильного человека.

Вот и сейчас папа «ушел в себя». Он прошел мимо Маруси, зашел в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Маруся ненавидела расстраивать его, поэтому на душе было очень погано и хотелось быстро все исправить. Но как? Маруся подошла к двери и тихонько поскреблась в нее ногтями.

– Пааа...
– Да.
– Хочешь, поговорим?
– Можно потом?
Бедный, бедный папа!

Папа уехал. Маруся сидела в своей комнате и рассматривала ноги. Не самое увлекательное занятие, но чем заняться еще, она не знала. Зато под рассматривание синяков очень хорошо думалось.

Маруся вспоминала все, что произошло этим днем. Произошло много чего непонятного, но были моменты, которые смущали сильнее других. Например, почему уехали ребята? В той картинке, которая выстроилась в голове у Маруси, правда была на стороне Бунина. Он действительно был не дурак, и это, кстати, являлось основной причиной, почему ученики его любили и ценили, несмотря на отвратительный характер профессора. В преданности мальчишек Маруся не сомневалась — они относились к Бунину как к отцу и готовы были рисковать ради него всем. Что такое можно было им сказать, чтобы заставить переменить свою позицию?

А если дело вообще не в этом? Если их никуда не увели, а... А что? Убили? Странно. Нет. Нет смысла. Если только кто-то не хотел уничтожить всех полукровок. Но тогда уничтожили бы вообще всех, а на деле пропали только взрослые ученики, получившие прекрасное образование и уникальный опыт... В этом все сходится — новой организации нужны хорошие мозги.

Был еще вариант, что их увели силой. Или при помощи предмета. Или еще каким-то обманом. Увела, получается, мама. Почему же она не смогла увести Марусю, если Маруся ей так нужна? Пожалела? Не похоже.

Она дала Марусе предмет. Предполагала, что Маруся сама появится у нее, чтобы получить ответы на вопросы?

Хитрый план? Тонкий ход? Да чего уж там... расчет был верный. Вопросы появились и ответы, иначе как из разговора с мамой, получить было невозможно. Маруся снова ощутила неприятную маяту, когда одновременно хотелось двигаться дальше, рыть, копать, узнавать... и в то же время не хотелось вообще никуда вмешиваться. Не хотелось расстраивать папу, да и Бунин просил сделать все, чтобы сохранить себе жизнь — не будет ли это прямым нарушением его указаний? Насколько рискованно отправиться к маме? Могут ли ее там убить, похитить, одурманить? Змейка работает быстро — такое ощущение, что между переносом из одного пространства в другое проходит доля секунды. Достаточно только успеть подумать о том, что надо переместиться, как твое тело уже преодолевает любые расстояния. Это хорошо. Если держать ее всегда наготове — вероятность влипнуть в неприятности становится близка к нулю. Значит, прежде чем подвергать себя очередной опасности, надо что-то придумать, чтобы закрепить ее максимально надежно...

Маруся положила змейку на подушку и стала изучать ее. Гладкая, скользкая, извивающаяся и кусающая себя за хвост... Перевязать ее веревкой было бы слишком ненадежно — веревка могла развязаться. Засунуть в обувь? Тоже не вариант... Маруся встала и прошлась по комнате в надежде, что ее осенит. Она пересматривала разные вещи, перебирала мелочь в ящиках, сумки, заколки, штаны с карманами. Неожиданно взгляд упал на пояс. Это был длинный пояс из тончайшего эластичного материала, похожего одновременно на ткань и на силикон. Он умел плотно прилегать к любому материалу, не скользил, не сползал и намертво фиксировал любые смелые драпировки. Пояс Маруся любила, кроме того, она почему-то ни разу не встречала ничего подобного в магазинах, но сейчас он показался самой подходящей вещью для хранения змейки. Отки-

нув сомнения и глупую девчачью жалость, Маруся взяла ножницы и смело щелкнула лезвиями. Словно живой, пояс дернулся, будто сжавшись от боли. Полученный отрезок Маруся несколько раз растянула в руках, потом положила его на стол, достала из сумочки упаковку пластыря «Стоп-Адреналин», вытащила одну пластинку и сорвала с нее зубами защитный целлофан. Казалось, будто Маруся проводит сложную хирургическую операцию. Со стороны смешно, но на самом деле, ощущения были схожие. Сделать все надо было очень четко и аккуратно.

Маруся вытянула левую руку ладонью вверх, правой рукой взяла змейку и положила ее на запястье, найдя такое положение, в котором предмет максимально плотно прилегал к коже, нигде не торчал и не мешался. Теперь нужно было наложить пластырь. Широкими липкими краями он отлично зафиксировал змейку, практически полностью скрывая ее под собой. Прекрасно... Теперь пояс. Маруся взяла отрезок и в несколько слоев обмотала его вокруг запястья. Рука оказалась довольно непривычно сжата, но не перетянута, а главное, змейка теперь была надежно защищена. Маруся помахала руками, сгибая и разгибая их, проверяя повязку на прочность. Все было хорошо. И даже стильно. На руке пояс выглядел как ярко-голубой браслет. А к ярко-голубому браслету подойдет такое же платье. Маруся зашла в гардеробную комнату и начала быстро перебирать вешалки. Вот оно! Невесомое, удобное, с большими карманами, похожее на «юбку, натянутую до ушей», как называл его папа. Маруся быстро переоделась и в тот момент, когда она посмотрела на себя, кривляющуюся в зеркале, она вдруг поняла, для кого одевается. Она собиралась вовсе не к маме. Она хотела увидеть ребят. Хотела увидеть Илью и снова поразить его. «Видимо, своими синяками», – перебило само себя вредное и противное второе я.

Маруся схватилась правой рукой за запястье и попыталась представить помещение. Неважно, какое. Абстрактное. Стены, пол, потолок... Мама.

Это действительно напоминало абстрактное помещение. Стены, пол, потолок, словно нарисованные тонкой линией в воздухе. Полностью белая светлая комната, описать которую казалось невозможным, настолько необычной она была. Как будто этот белый свет был приглушенным и в то же время ярким, как будто он рассеивался по каким-то неведомым законам физики, одновременно сияя, но бережно обволакивая, не раздражая и не просачиваясь сквозь ресницы. Сотканная из тумана комната, границы которой очерчивались лишь легким затемнением в углах. И здесь была мама. Мама лежала посреди этой комнаты, зависнув в воздухе.

Раньше, в старину, такие фокусы показывали в цирке. Важный, как пингвин, мужчина во фраке предлагал своей помощнице лечь на три стула, потом по очереди вынимал эти стулья из-под нее, заставляя всех вскрикивать от удивления, так как тело не падало. А потом кто-нибудь приносил ему блестящий обруч, и великий маг проводил им из стороны в сторону, демонстрируя отсутствие какой-либо поддержки, тросов и веревок...

Здесь тоже не было ни тросов, ни веревок. Просто мама, как будто спящая, одетая в обычную футболку и брюки. Босиком. Волосы мягко развевались в разные стороны, как если бы они были под водой, змеились, трепетали, переплетались и вздрагивали, подхватываемые невидимым потоком. Какие длинные...

Маруся замерла от восхищения. Страшно было спугнуть такую красоту. Нарушить покой. Покой. Если бы покой можно было собрать в нечто единое, целое и материальное, он, наверное, выглядел бы так. Если бы только у покоя была форма, цвет и запах. А запах был. Похожий на запах воздуха после дождя, но сухой, не влажный, не тяжелый. Он быстро наполнял легкие, вызывая слабость. Маруся почувствовала, как

тело стало таять, он стало мягким, вязким и тягучим, как сироп, постепенно растворяясь, насыщаясь кислородом, теряя всякую материальность. В голове рисовались образы чего-то сладкого — ягодный мусс, состоящий из миллиарда пузырьков, суфле, подушечки зефира, легкая пенка. Маруся опустила глаза вниз. Как понять, что это низ? Странный вопрос, но единственным ориентиром в этом пространстве оставалась мама. Но что, если она не лежит, а стоит? Или висит вниз головой?

Легкое головокружение и сдавливание в груди. Хочется сделать глубокий вдох. Очень глубокий. Маруся расправила легкие, наполняя их до краев и выше. Ступни оторвались от пола и тело очень медленно стало подниматься, постепенно опрокидываясь на спину. Невозможное, неземное удовольствие. Вся боль исчезла вместе с самим ощущением тела как такового. Мысли, страхи, волнение — все растворилось. Маруся почувствовала, как волосы рассыпаются и струятся, обвеваемые легкими незримыми потоками... Еще чуть-чуть и вот уже она лежит рядом с мамой. Если протянуть руку, можно прикоснуться к ее руке. Маруся попыталась сделать легкое движение кистью. Тело качнулось. Маруся ощутила что-то круглое и гладкое, невидимый, но явственно ощутимый и источающий тепло гироскоп, маленькое солнце под солнечным сплетением. Откуда он взялся?

Стало понятно, что именно он держит Марусю, обеспечивая равновесие внутри невесомости. Чудо.

Маруся осторожно повернула голову и посмотрела на маму. Мама ровно и глубоко дышала. Ее голова была слегка откинута назад, подбородок приподнят. Почти белая кожа. Бледные приоткрытые губы. Длинные ресницы, темные у основания и выгоревшие на кончиках. Маруся так увлеклась изучением ее лица, что не заметила, как уснула.

Когда она проснулась, мама все также лежала перед ней, но ее лицо было обращено в сторону Маруси, а глаза открыты. Наверное, в другой ситуации Маруся испытала бы от этого какие-то острые эмоции, но здесь никаких эмоций не было. Было только умиротворение. Мама улыбнулась и Маруся улыбнулась ей в ответ.

«Как ты?» – услышала Маруся мамин голос.

Голос прозвучал в голове, при этом губы мамы остались неподвижными.

«Попробуй ответить».

Маруся напрягла голосовые связки.

«Нет. Так же».

Так же? Как так же? Что это? Телепатия?

«Нет», – мама улыбнулась еще шире.

Маруся растерялась. Она догадалась о ее мыслях или смогла услышать?

«Я слышу», – ответила мама.

– Как это получается? – уже вслух спросила Маруся и почувствовала, как ее тело качнулось от произнесенных слов, как если бы она сделала резкое движение, лежа на воде.

«Не шуми. Упадешь».

«Ты читаешь мои мысли?»

«Нет. Мы просто разговариваем».

«Разговариваем мысленно?»

«Это не мысли. Есть вещи, которые ты проговариваешь, не произнося вслух. Не слыша звука собственного голоса, ты, тем не менее, можешь слышать эти слова внутри головы. Понимаешь?»

«Да».

«И таким образом мы можем общаться. Твое сознание как океан. Есть то, что на поверхности. Это видно тебе и другим, кто захочет увидеть. Есть более глубокий слой, состоящий из разных подводных течений. На одном уровне идет мысли-

тельный процесс, отвечающий за то, что на поверхности. Он формирует и формулирует твое потоковое сознание. Внутренний диалог. Другой, более глубокий слой, анализирует все то, что происходит вокруг, на что ты обращаешь внимание и что учитываешь в момент, когда ведешь внутренний диалог. Следующий слой анализирует то, на что ты даже не обращаешь внимание. Следующий вызывает из памяти образы прошлого и собирает новые. Самый глубокий слой – быстрое течение, которое даже ты сама не сможешь уловить и разобрать. Там одновременно протекает миллион разных процессов, которые могут быть вообще никак не связаны с тем, что с тобой происходит».

Маруся попыталась представить это все в воображении.

«Мы можем общаться на самом поверхностном уровне. Я слышу, что ты проговариваешь, но не слышу, о чем ты думаешь. Это нам не дано».

«Мы умеем это, потому что полукровки?»

«Да».

«А они что умеют?»

«Они умеют нырять глубже».

«До самого дна?»

«До дна не доплывет никто».

«Что это за место?»

«Наша база».

«А эта комната?»

«Комната отдыха».

«Мы можем выйти и поговорить?»

«Говори здесь».

Маруся поймала себя на том, что боится разговаривать. Боится проболтаться и выбросить на поверхность мысли, которые она не хотела бы озвучивать. Свои подозрения, страхи.

«Не бойся».

«Ты ведь все слышишь!»

«Спрашивай. Чем больше ты думаешь об этом, тем больше информации выплескивается на поверхность. Лучше формулируй вопросы».

«Я не хочу здесь разговаривать».

«Ну хорошо».

Ева слегка приподняла вытянутые руки. Ее тело качнулось, опрокинув голову назад. Тогда она стала плавно опускать руки, сгибая их в локтях и в то же время вытягивая и опуская вниз ноги. Тело поплыло, разворачиваясь в нужном направлении.

«Повторяй за мной. Только очень медленно».

Маруся послушно приподняла руки, но, видимо, сделала это более резко, чем нужно, и чуть не перекувыркнулась.

«Тихо! Замри! Не делай никаких лишних движений».

Теперь маму даже не было видно. Если Маруся правильно представляла себе свое положение в пространстве, то по отношению к полу она находилась вниз головой.

Ева неожиданно появилась рядом, положила одну руку на живот Марусе, а другую подставила под спину. Так держат малышей, которые учатся плавать... Марусю накрыло волной любви и нежности. Неожиданно. Только что был страх, но он сменился прямо противоположным чувством. От маминых рук становилось спокойно и уверенно. Они осторожно разворачивали ее неуклюжее тело, корректируя его и направляя.

«Теперь медленно... медленно, слышишь? Опускай ноги».

Маруся стала опускать ноги и, все еще придерживаемая мамой, наконец-то встала.

«Вот и умничка».

«Почему тебя раньше не было рядом?» – не удержалась от вопроса Маруся.

Ева опустила глаза и отвернулась к стене. Белый свет начал меркнуть и комната постепенно превратилась в совершенно обычное пустое помещение. Маруся даже увидела выход в ко-

ридор, не закрытый никакой дверью. В тело вернулось ощущение непривычной, после невесомости тяжести.

– Может немного подташнивать, – сказала Ева.

– Да, чувствую...

– Пройдет через десять минут.

– Все болит, – пожаловалась Маруся.

– Я заметила. Что с тобой случилось?

– Упала, – ответила Маруся и стала следить за реакцией мамы. Она до сих пор может слышать, что у нее в голове или это было возможно только в комнате отдыха?

– Тебя никто не бил?

Маруся вздохнула с облегчением. Либо мама мастерски притворялась, либо действительно не умела читать мысли.

– Никто не бил. Просто неудачно приземлилась.

– Я один раз умудрилась ударить себя дверью, которую сама и открывала. Рассекла бровь. Видишь шрам?

Ева убрала с лица длинную челку и приблизила лицо к Марусе.

– Круто.

– Могу подлечить тебя. Хочешь?

– Опять ваши инопланетные чудеса?

– Наши, – кивнула Ева и протянула руку в сторону прохода. – Идем...

Маруся вышла в коридор и в очередной раз обомлела от удивления. Через огромные окна, сплошной полосой тянущиеся вдоль всего коридора, виднелась пустыня. Заходящее солнце заливало бескрайние дюны насыщенным цветом спелого абрикоса, резко обрывающимся на ребрах вершин и уходящим в контрастную черную тень. Никакой растительности и строений. Только тяжелый от жары ветер, лениво ползущий по песку и оставляющий на нем разводы. Иногда он подхватывал небольшие горсти пыли, завихряясь поднимал их в воздух и безразлично бросал в стены

базы. Маруся присела на корточки и приложила ладонь к горячему стеклу.

– Как красиво…

– Да, очень, – согласилась Ева, подойдя к Марусе и положив руку ей на плечо.

– Где мы?

Ева ничего не ответила, и Маруся задрала голову, чтобы увидеть ее лицо.

– Это что, Африка?

– Это иллюзия, – уклончиво ответила Ева.

Наверное, они скрывались, поэтому и забрались так далеко от человеческих глаз… Но почему она не рассказывает Марусе? Не доверяет? Маруся встала и, сморщившись от боли, схватилась за коленки.

– Это будет долго заживать, – сказала Ева.

– Да уж я думаю…

– Разреши помочь тебе.

– Мам… – Маруся резко замолчала, оглушенная этим словом. «Мама». Она не произносила его так много лет. Слово обожгло внутри и отчего-то заставило кровь прилить к лицу, вызвав нездоровый румянец.

– Я хочу, чтобы мы подружились, – очень спокойно сказала Ева, взяв Марусю за руки. – Понимаешь? Я не прошу тебя любить меня как маму. Наверное, лучше признаться в том, что твоя мама умерла.

Маруся заглянула Еве в глаза. Что-то было не так. Внутри этого холодного спокойствия бушевало такое же пламя, как и внутри Маруси, но что за огонь это был? Любви? Стыда? Одержимости?

– Я буду твоим другом. Я стану твоим лучшим другом. Я стану лучше, чем мама.

– Можно мы не будем пока говорить об этом? – невнятно попросила Маруся. Она чувствовала себя очень подавленной.

– Конечно. Я просто хотела сказать. Я понимаю, что одного моего желания будет мало, но...

– Пожалуйста!

– Ты можешь называть меня по имени.

– Хорошо.

– Все нормально?

– Да. Нормально.

– Давай зайдем ко мне и подправим твои коленки, – очень осторожно улыбнулась Ева.

– И локти, – поддалась на уговоры Маруся.

Ева пошла по коридору и потянула за собой Марусю.

– Это совсем не больно и не страшно. Когда-нибудь у всех людей будет такая же возможность и больше никто не будет страдать из-за поврежденных покровов.

«Поврежденные покровы». Смешно. Все смешно. Слишком много хорошего и приятного. Слишком много улыбок. Может быть, это и есть магия, одурманивание, гипноз? Может быть, именно так Ева увела ребят из школы? Заманивает в свой искусственный рай?

Маруся словно очнулась. Она совсем не за этим перенеслась сюда. Не для того, чтобы спать в невесомости и любоваться пустынным пейзажем, не для того, чтобы залечивать раны и не для того, чтобы становиться лучшей подругой женщине, которая когда-то была ее мамой...

«Лучше признаться в том, что твоя мама умерла». Почему она так сказала? Может быть, это вообще не мама? Может быть, это другой и чужой человек. Инопланетянин, принявший облик мамы? Ее голос. Не оттого ли она так спокойна и даже немного холодна. Не потому ли умеет мысленно общаться и левитировать? Возможно, это робот, клон, чудовище или ужасный монстр с щупальцами и страшной пастью. Что?! Что может доказать, что это — мама? Маруся видела такие слу-

чаи в кино. В кино все было просто и однообразно. Герой вспоминал что-то, что мог знать только он и тот второй человек, в правдивости которого он сомневался. Но Маруся ничего не помнила.

Видимо, Маруся очень изменилась в лице, потому что, когда Ева в очередной раз обернулась к ней, она так резко остановилась, что Маруся чуть не налетела на нее.

– О чем ты думаешь? – спросила Ева.

– Что?

– Ты выглядишь рассерженной.

– Да? Нет…

– Тебя что-то смущает?

– Меня все смущает, – искренне призналась Маруся.

– Хочешь домой?

– Да.

– Но мы ведь собирались поговорить.

Уйти или остаться? Глупо сбегать вот так, не получив никаких ответов, да и подправить внешность было бы не лишним — все лучше, чем пугать папу шрамами по всему телу. Маруся постаралась успокоиться. В конце концов, главное, что она пока контролировала себя. Чувствовала, как ее пытаются обмануть и, значит, была в относительной безопасности.

– Да, да. Конечно.

Они дошли до конца коридора и Ева вызвала лифт.

– Жилой комплекс находится под землей.

– Чем-то похоже на подземный комплекс Бунина.

Ева пожала плечами.

– Может быть.

Двери лифта открылись и Маруся зашла внутрь.

– Хочу попросить тебя кое о чем… – начала Ева, зайдя следом за ней.

– Да.

– Расслабься. Ты очень напряжена.

– Ну извини.

– Я не буду пытаться переубедить тебя, хочу, чтобы ты сама все увидела и приняла решение.

Маруся кивнула.

– Обитатели базы, те, кого ты увидишь, очень… можно сказать, нежные существа. Ранимые.

Маруся вспомнила нападение на Зеленый город и ухмыльнулась. Нежные, ничего не скажешь.

– Они не знают зла и не понимают его. Как дети.

– А разве дети добрые? – ехидно спросила Маруся. Почему-то ей очень хотелось задеть Еву.

– Ну хорошо, как добрые дети, – не реагируя на колкости, ответила мама.

– Я должна вести себя как-то по-особенному?

– Нет. Достаточно просто улыбаться.

– Ты считаешь, что улыбки достаточно для того, чтобы считаться добрым?

– Не обижай их, пожалуйста. Мне можешь говорить, что угодно. А им не надо.

– Иначе что?

– Ничего.

– Они могут как-то агрессивно отреагировать?

– Да Бог с тобой, какая агрессия! Я же говорю, они даже не знают, что это такое.

Лифт остановился и распахнул двери.

«Привет», – Маруся услышала в голове незнакомый мужской голос.

Она перевела взгляд с Евы на того, кто ждал их в коридоре жилого комплекса. Это был молодой парень, если парнем можно было назвать инопланетянина. Однако этот инопланетянин был очень неплох собой. Не в марусином вкусе, но безусловно красивый своей нечеловеческой красотой. Он был не-

много выше Маруси, худой и как будто высушенный длительным обезвоживанием, так что черты его лица казались тщательно вылепленными. Белая и полупрозрачная, как воск, кожа с явным серо-голубым оттенком, известными Марусе синими жилками на висках, руках и шее. Большие, проваленные вглубь глаза, невероятно светлые, с вкраплениями белых точек, создающими фантастический эффект свечения. Этот эффект еще сильнее подчеркивали темные тени, похожие на растушеванный грим и делающие взгляд еще более драматичным и пронзительным. Маруся подумала о том, что его лицо похоже на карандашный набросок, где что-то лишь едва обозначено тонким штрихом, а что-то ярко прорисовано жирными мазками угольного грифеля. Тонкий нос, острый подбородок, четко очерченные бледные губы. Высокий лоб. Голова покрыта чем-то вроде трикотажного покрывала, завязанного сзади узлом и свисающим длинными складками на спину. Одет он был в облегающую тело черную водолазку и широкие бежевые штаны, перехваченные на бедрах тканным поясом. Слишком хрупкий и женственный. И, действительно, нежный.

«Нам надо залечить твои раны», – продолжил он безмолвное общение.

«Откуда он знает?» – Маруся посмотрела на Еву.

«Я позвала его», – так же мысленно ответила она ей.

– Это Эем. Он мой друг, – ласково проговорила Ева, почтительно склоняя голову перед парнем.

– Привет, – вежливо поздоровалась Маруся.

Эем вытянул руку и провел по волосам Маруси.

– Извини, если отвлекла тебя, – сказала Ева.

– Я был не занят.

«Что он делает?» – мысленно спросила Еву Маруся.

– Глажу тебя по волосам, – улыбнулся Марусе Эем.

Маруся страшно смутилась, словно ее застали врасплох.

– Я научу тебя, как прятать слова от чужих, – успокоил Эем.

– Прости.

– Ничего страшного.

– А зачем ты гладишь меня по волосам?

– Очень мягкие, – просиял Эем.

Все-таки он был очень странным.

– Пойдем.

Они зашли в комнату, очень похожую на ту, в которой Маруся нашла маму. Здесь тоже не было никакой мебели и окон, только светлые стены и легкая дымка.

– Ложись.

– Куда? – не поняла Маруся.

– На пол.

Маруся с сомнением посмотрела на Еву, но та кивнула, словно подтверждая слова Эема.

Маруся опустилась на пол и легла на спину, вытянув ноги. Молодой учитель сел рядом с ней и положил ладонь на ее глаза. Ладонь была очень холодная и сухая.

– У меня болят ноги, – на всякий случай напомнила Маруся.

– А синяки? – удивленно спросил Эем.

Точно! Маруся совсем забыла про них.

– Лежи спокойно.

Маруся почувствовала, как кожу на лице стало пощипывать и покалывать, потом она онемела, а потом появилось ощущение, будто ее тянут вверх. Не самое приятное чувство. Безумное воображение рисовало страшную картину, будто ее кожа примерзла к пальцам Эема и теперь он пытается оторвать руку от ее лица вместе с самим лицом!

– Оу! – выкрикнула Маруся, скорее от страха, чем от боли.

«Не дергайся», – прозвучал в голове строгий голос Эема.

«Я испугалась», – честно призналась Маруся.

Руки Эема скользнули вниз, пробежались по шее и плечам и остановились на запястьях. Маруся затаила дыхание.

«Ты снова боишься».

«Вспомнила, что вы умеете читать мысли».

«Поставь зеркало».

«Что это значит?»

«Ты даже это не умеешь?»

«Нет».

«Научу».

«Спасибо».

«Дома развяжи повязку. Ты слишком пережала руку».

Маруся встретилась с ним взглядом и еле заметно кивнула.

«И не таскай ее все время с собой. Давай себе отдых. Змея сбивает ориентиры».

«Ты все видишь», – улыбнулась Маруся.

«Руки в порядке. Теперь ноги».

Эем прикоснулся кончиками пальцев к марусиным коленкам.

«Ты умеешь лечить?»

«Это несложно».

«Научишь?»

«Несложно, когда умеешь. А учиться сложно», – теперь улыбнулся Эем.

Марусе захотелось смеяться. Этот парень был чудесным и, глядя на него, на душе становилось легко и радостно! Опять это чувство... Маруся все еще пыталась возвращать себя к действительности и вспоминать о том, что это обман и ее пытаются завлечь в секту, чтобы использовать для уничтожения человечества, но с каждым разом делать это было все сложнее и сложнее. Отсюда не хотелось уходить. Как так получалось, она не понимала, но сопротивляться обаянию этих людей было невозможно.

– Смотри.

Эем убрал руки и Маруся смогла сесть. Шрамы затянулись и стали практически незаметны.

– Фантастика… – прошептала Маруся.

– Он тут самый умный, – с гордостью, как за родного сына, сказала Ева.

А, может, он и был ее сын? Маруся внимательно посмотрела на юношу, пытаясь разглядеть в нем знакомые черты матери.

Эем отрицательно замотал головой.

«Ты должен научить меня ставить зеркало, или я буду постоянно стесняться своих мыслей», – подумала Маруся.

«Когда ты будешь готова».

Маруся не поняла, что означает эта фраза, к тому же в этот момент кто-то громко назвал ее имя, и она обернулась в сторону коридора.

– Это, правда, ты?

В коридоре стоял высоченный, под два метра, парень в ярко-красном гидрокостюме. Это был Нос.

Маруся вскочила с пола и подбежала к давнишнему другу.

– Нос!

– Ничего себе ты стала…

– Ты тоже подрос!

– Ты теперь совсем красавица.

– А была не совсем?

Нос неуклюже обнял Марусю и прижал к себе.

– Ты что, нырял?

– Не, это не для ныряния. Это противоотечный костюм.

– А ты что, отекаешь?

– Съел что-то не то, – улыбнулся Нос.

– Твой друг очень любопытный, – вмешалась в разговор Ева.

– Они сказали, что если я не влезу в компрессионный костюм, то могу лопнуть.

Маруся заметила, как Эем отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

– Это не шутка! – строго сказала Ева.

«Это шутка», – услышала Маруся голос Эема.

– Жмет ужасно… – со вздохом пожаловался Нос. Лежать неудобно, ходить сложно, сидеть вообще не могу. Более-менее нормально стоять. Два часа простоял, как дурак, пока ноги не затекли… Долго его еще носить?

– Часов восемь… как минимум.

– Мне кажется, он постоянно сжимается…

– Это не он сжимается, а ты распухаешь!

Нос снова тяжело вздохнул.

Маруся с мольбой посмотрела на Эема.

– Я думаю, если дать ему противотечный отвар, то время можно сократить до двух часов, – многозначительно сказал он.

Ева посмотрела на Эема, потом на Марусю и еле заметно подмигнула.

– Отвар поможет, но он такой горький. Не знаю ни одного человека, который мог бы выпить его…

– Я выпью! – чуть ли не крикнул Нос. – Я что угодно выпить могу.

– Ну хорошо…

– А сахар туда можно добавить?

– Ни в коем случае!

Ева взяла Носа за плечо и повела по коридору в сторону лифта.

– Сейчас дам тебе отвар… Но смотри, мы тебя предупредили!

Нос медленно ковылял следом за Евой, кряхтя и с трудом переставляя ноги. У самого лифта он обернулся.

– Сейчас выпью и вернусь! Никуда не уходи!

– Не уйду, – пообещала Маруся.

Когда двери лифта закрылись, Эем тихо рассмеялся.

– Что он натворил?

– Влез в лабораторию и выпил не предназначенный для него препарат.

– А что за препарат?

– Есть такой напиток, который помогает нам подзаряжаться. Что-то вроде напитка силы. Выпиваешь — и твоя энергия увеличивается в несколько раз.

– Я видела такое в играх! – обрадовалась Маруся.

– У них была лекция, где объясняли действие препаратов, так он потом тайно прокрался, взломал код и выпил его.

– Это безвредно?

– Для него это как обычная вода.

– Круто вы его наказали!

– Мог выпить что-нибудь другое и тогда никакой костюм не помог бы.

Маруся понимающе кивнула.

– А почему ты сказал, что научишь меня, когда я буду готова?

– Нужен определенный настрой и объем знаний.

– А как это все получить?

– Пройти курс обучения.

– Как они? – Маруся указала в сторону лифта, куда ушел Нос.

– У них более сложный курс, а ты многое умеешь по умолчанию.

– Например, что? – хитро прищурилась Маруся.

– Например... – Эм осмотрелся по сторонам, потом пошел по коридору, махнув Марусе рукой и предлагая следовать за ним.

Они дошли до следующей комнаты, которая, как и все остальные, была без двери, и зашли внутрь. Эта комната была похожа на тоннель. Узкая, длинная, довольно темная и уходящая куда-то в бесконечность, словно еще один, неожиданно открывшийся, коридор.

– Библиотека, – пояснил Эем.

– Не люблю читать, – призналась Маруся.

– А зря...

Стены библиотеки представляли собой книжные полки. Они начинались от пола и продолжались до самого потолка. Сплошные разноцветные корешки.

Эем вытащил одну из книг и протянул Марусе.

– Что это?

– Неважно. Прочитай ее.

Маруся взвесила книгу на ладони и присвистнула. Книга была очень тяжелой и толстой.

– Это мне на год.

– Смотри...

Эем вытащил еще одну книгу и показал Марусе со всех сторон.

– Толстая?

– Угу...

Эем открыл книгу в самом конце.

– Пятьсот восемьдесят четыре страницы.

– Ну и...

– Положи ее на левую ладонь обложкой вниз.

Эем положил книгу так, как просил Марусю, и Маруся повторила за ним.

– Теперь правой рукой возьми блок страниц.

– Так.

– Сконцентрируйся.

Маруся не поняла, как именно нужно сконцентрироваться, но постаралась хотя бы внимательно слушать и не отвлекаться.

– Посмотри на страницу. Смотришь? Определи ее центр. На глазок. Определи четыре угла. Мысленно прочерти линии от углов к центру.

– Пытаюсь...

– Получается?

– Я даже не понимаю…

– Очень просто. Четыре угла и центр страницы.

– Ну вроде бы…

– Теперь медленно переводи взгляд с верхнего левого угла к центру, с правого верхнего к центру, теперь от центра к левому нижнему и от центра к правому нижнему.

– Еще раз…

– Верхний левый, центр, верхний правый, центр, нижний левый, центр, нижний правый.

– Ох….

– Потвори быстрее.

– Но я уже прочитала!

– Перечитай!

Маруся быстро пробежалась глазами по странице.

– Листай.

Пальцы дрогнули, как на спусковом крючке, и страницы с легким шелестом заструились из под пальца. Пробежав глазами первые сто страниц, Маруся остановилась и ошарашенно посмотрела на Эема.

– Это что… Это… Я что, все прочитала?

– Только первые сто страниц.

– Меньше, чем за минуту?

– Удобно, да?

– Почему мне раньше никто не сказал?

Эем улыбнулся.

– Этому мы и учим.

Маруся зажала в пальцах следующий блок и так же быстро пролистнула его.

– С ума сойти… как оно успевает читаться, я ведь даже не различаю буквы.

– Ты привыкла читать глазами. Для того, чтобы глаз различил печатный символ, ему требуется определенное время.

Твой мозг ту же функцию выполняет в тысячи раз быстрее. Ты просто отключаешь зрение, оставляя глаза только как канал, по которому протекает информация. Это как… Можно наполнять стакан по капле, а можно открыть кран.

– В голове немного шумит.

– Ты дала очень большую нагрузку для своего мозга. Он все умеет, но не привык, чтобы его так использовали.

– Да он вообще не привык, чтобы его использовали, – рассмеялась Маруся.

– Библиотека в твоем распоряжении!

Маруся с интересом осмотрела полки.

– Попробуй вот эту, – Эем встал на цыпочки и вытащил книгу с верхней полки. – Только теперь немного усложним задачу.

– Ага…

– Начинай читать сразу. Не задумываясь и не рисуя линии. Открываешь и читаешь. Хорошо?

– Давай попробуем.

Эем поднес книгу к марусиным глазам и, не выпуская из рук, сам быстро пролистнул страницы.

Это было потрясающее ощущение провала во времени. Бывает, что вы смотрите настолько интересный фильм, что не замечаете, как пробегает три часа. Вам кажется, что вы только что сели перед экраном, а уже через несколько минут начались титры. И тогда вы словно отматываете просмотренное назад и еще раз переосмысливаете все, что увидели. Делитесь впечатлениями. Спорите… Так же было и тут. Страницы пролетали, сливаясь в одно целое, не давая уловить ни одной буквы, не то, чтобы слово! Потом книга резко захлопывалась, и вы оставались с полученным объемом информации, которую теперь надо было переварить.

– Оооох! – устало выдохнула Маруся. – Какая грустная история!

– Понравилось?

– Ну... да. Хотя я не очень люблю старинные книги.

– Теперь сюрприз.

Эем снова раскрыл книгу на середине и поднес к глазам Маруси.

– Ничего не понимаю...

– Что именно?

– Не понимаю, что тут написано и не понимаю... Как я это прочитала?

– Не знаешь латынь?

Маруся вырвала книгу из рук Эема, все еще не веря своим глазам и пролистнула несколько страниц.

– Как это получилось?

– Легко.

– Это да.. но как?!

– Все языки едины по сути.

– По какой сути?

– Для нас нет разницы в языках. Считай, что мы знаем их все.

– Но я не знаю никакие языки вообще.

– Ты просто не знала, что ты их знаешь.

– Ну хорошо... – Маруся выглядела окончательно растерянной, – а какие-то еще способности у меня есть?

– Ну... Например, тебя нельзя убить электричеством.

– Нельзя? – недоверчиво уточнила Маруся.

– Хочешь проверить? – добродушно предложил Эем.

– Эээ.. думаю нет.

– Тогда поверь на слово.

– А еще?

– Ты можешь очень долго не есть.

– Ну тут ты что-то путаешь.

В коридоре послышался громкий шепот: «Иди первый!», «Нет, ты!»

Маруся и Эем переглянулись.

«Твои друзья?»

«Наверное».

«Не буду мешать».

Эем легонько поклонился Марусе и поспешил в конец тоннеля.

«Ты не мешаешь», – безмолвно крикнула ему Маруся.

«Я буду рядом», – так же безмолвно ответил ей Эем и словно растворился в темноте.

– А сказала, что дождется… – услышала Маруся голос Носа.

– Ну и ладно… – это был голос Ильи.

– Может, она еще здесь?

– Неважно.

– Ты же хотел ее видеть.

– Когда я хотел ее видеть?

Маруся вжалась в стены, боясь выдать себя и пропустить что-то важное.

– Да перестань! Сколько раз ты порывался…

– Все, ладно. Я пойду работать.

– Может, она в библиотеке?

– Она? В библиотеке?

– Идем!

Маруся вдохнула воздух и затаила дыхание. Что делать? Выйти? Или лучше убежать в темноту, как это сделал Эем?

– Ну что ты как тряпка?!

– Все, я пошел.

Маруся сделала шаг вперед и тут же отпрянула назад. Было бы слишком неловко выпрыгнуть из укрытия и дать понять, что она все слышала, но позволить ему просто так уйти…

– Окей. Топай. А я схожу перекушу.

– Ты сюда что, жрать приехал?

– После этой гадости во рту ад кромешный. Надо чем-то заесть.

Маруся опустилась на корточки. Послышались шаги. Одни отдалялись, другие, наоборот, приближались. Через секунду она увидела Носа, который проходил мимо библиотеки. К несчастью, он заметил ее, но только открыл рот, Маруся сразу же прижала палец к губам и сделала страшные глаза. Нос заткнулся и понимающе кивнул.

– Возьму что-нибудь почитать, – зачем-то крикнул Нос в сторону лифта.

Ему никто не ответил.

Нос зашел в библиотеку и наклонился над Марусей.

– Ты чего?

– Чего «я»?

– Почему спряталась?

– Потому что услышала ваш разговор.

– Переживает… – сделав страдальческое лицо, сказал Нос.

– Из-за чего?

– Из-за тебя.

– Не ври.

– Знаешь, как он болел?

– Почему болел?

– Ты дура, что ли?

– Почему «дура»? – автоматом переспросила Маруся, чувствуя себя дурой.

– Он, между прочим, тебя любил.

– Любил?

– Эй, ты в порядке?

– В порядке.

– А что переспрашиваешь?

Маруся пожала плечами и выпрямилась.

– Ааа…

– Ааа?

– А сейчас он меня не любит?

– Откуда я знаю. Наверное, любит.

– А Алису?

– Они разругались вдрызг.

– Из-за чего?

– Нет, ты реально чокнулась!

– Она тоже здесь?

– Алиса пропала так же, как и ты, почти год назад. Как раз после ссоры с Ильей. Всю школу подняли на уши, искали ее. Илья боялся, что она могла что-то с собой сделать, хотя, конечно... Кто-кто, а уж Алиса не из тех, кто может натворить глупостей из-за неразделенной любви.

– И что потом? Нашли?

– Бунин сказал, что она связывалась с ним. Работает, мол, над другим проектом. Где-то в Азии.

– Ты веришь?

– Почему нет? Очень в ее стиле. Ей давно стало скучно в Зеленом городе, она ведь тоже... ну не такая, как ты, но необычная и ... мощная. Умная. Ей было нечем занять себя. Думаю, она держалась только из-за Ильи. А когда появилась ты, то ты, вроде как, перебила ее своей необычностью и, к тому же, увела Илью.

– Никого я не уводила.

– Да перестань. Ты ведь сразу перетянула одеяло на себя.

– Так почему же вы не звонили?

– А можно мы пойдем куда-нибудь в другое место поговорить? Тут как-то тесно.

– Куда?

Нос выглянул в коридор.

– Идем, он ушел.

– Я теперь вообще не хочу с ним встречаться.

– Почему это?

– Ну потому...

– Ты же его любила.

– И даже, кажется, еще люблю.

– Поэтому не хочешь видеть?

– Ну да.

– Вот вы идиоты… – устало вздохнул Нос и почесал живот сквозь плотную материю гидрокостюма. – Ты идешь?

Они вышли в коридор и зашагали в противоположную от лифта сторону.

– Не звонили, потому что Бунин запретил. Потому что что-то пошло не так.

– Что?

– Не знаю… – Нос пожал плечами. – Бунин попросил никогда тебя не трогать и вообще забыть.

– Круто… Могли бы хоть как-то… ну не знаю. Сообщить.

– Что сообщить? Что нам тебя нельзя трогать?

– Я думала, вы злитесь на меня или еще что.

– Ты как сюда попала вообще?

Маруся подняла руку и показала на свой самодельный браслет.

– И что?

– Там змейка.

– Ааа…

– А вы как?

– Ева перенесла, я не понял, как – какая-то незнакомая технология. А как ты узнала, где мы?

– Мама привела.

– Ты же, вроде, говорила, что у тебя нет мамы, – нахмурил брови Нос.

– Ее и не было. А потом нашлась.

– И что? Она отсюда? Подожди… – Нос нахмурился еще сильнее… – Ева?!

– Ну да…

– То-то я думал, кого она мне напоминает. Смотрел, смотрел…

– Ага.

– Крутая тетка.

– Крутая.

– Вот это да… – Нос почесал поясницу. – Прикольно.

– А вы давно с ней знакомы?

– Месяца два. Она нашла нас в Казани. Мы там на выставке были.

– И что она вам сказала?

– Сначала она вообще ничего не говорила… – Носов довел Марусю до конца коридора и они свернули, – то есть мы общались, как обычно общаются на выставках. Вы откуда? А вы откуда? А что делаете? Ух ты! Круто! Давайте вместе поужинаем.

– И что, поужинали?

– Не… Уехали в Нижний и обменялись координатами. Пригласили ее в гости.

– Приехала?

– Не приехала.

– Так как же вы здесь очутились?

Нос подвел Марусю к лестнице и начал, покряхтывая, спускаться, тяжело переставляя ноги. Маруся так же медленно плелась за ним.

– Проклятый костюм… Как же он меня достал…

– Жмет?

– Жутко. Все тело онемело и чешется.

Маруся ободряюще похлопала Носа по плечу.

– Она присылала письма. В основном разработки всякие. Очень странные.

– Только вам или всем?

– Как потом выяснилось, всем. Но каждый ведь думал, что он единственный, – усмехнулся Нос.

– Вы ведь с разных факультетов.

– Так и письма были разные. С разными штуками. Но такими… знаешь, после школы сложно чем-то удивить, но то,

что нам присылала Ева, было совершенно поразительно. В общем, она смогла нас заинтриговать. Причем в письмах не было ничего, кроме работы. Никакой агитации или чего-то там еще.

Нос и Маруся спустились на самый нижний этаж.

– А здесь что?

– Хозблок.

– Столовая в хозблоке?

– Столовая? Нееет. У них нет столовой. Они вообще как-то странно питаются… одной водой.

– А вы чем?

– Если б я знал, что это… Какая-то биологическая хрень со вкусом чего угодно.

– Это как?

Нос подвел Марусю к автомату, похожему на автомат мороженого напротив ее московского дома на Солянке.

– Нажимаем… сюда! – Нос нажал на панель в центре автомата и она загорелась синим. – Выбираем…

Маруся прочитала надписи «Жидкое, полужидкое, мягкое, полутвердое, твердое, хрустящее».

– Что за фигня?

– Я ж говорю… Ну например… Мягкое.

На панели отобразился новый список: «Картофельное пюре, гороховая каша, овощное рагу».

– Так себе выбор, – посочувствовала Маруся.

– Они не едят нашу пищу, поэтому относятся к ней, как к чему-то… ну не знаю. Как к инструментами, что ли. Хорошо, что не нумеруют, а то бы я совсем свихнулся.

Нос ткнул в «картофельное пюре».

«Горячее, теплое, холодное».

– Горячее, – голосом озвучил Нос. – Постоянно здесь мерзну. Ты как? Не чувствуешь? Температуру они, по-моему, тоже не ощущают…

Автомат затикал, как секундомер, и распахнул створки. На подносе лежала пластиковая тарелка с дымящимся картофельным пюре.

– А ложку? – прикрикнул на автомат Нос и ударил по стенке.

В поднос вывалилась забытая ложка.

– Вот все у них так...

Нос сунул ложку в тарелку, забрал поднос и огляделся в поисках столика.

– Столиков нет, будем есть стоя...

– Стоя у тебя не получится, – с сомнением сказала Маруся.

– Еще как получится, – уверенно ответил Нос и вручил поднос ей. – Ты держи, а я буду есть.

Маруся вспомнила, как ее уже использовали в качестве держателя кролика и летающей тарелки (или это тоже был поднос?), но рассказывать Носову про Бунина не стала.

– Ты стал таким наглым, Нос, – вздохнула она.

– Да я всегда таким был... ты просто забыла. Хочешь попробовать?

Нос набрал полную ложку пюре, подул на него и сунул в рот Марусе.

– Ммм... – Маруся замычала от боли, потому что пюре обожгло язык, – твы чтхо сувма совфол?!

– Софокл?

Маруся проглотила пюре и облизала губы.

– Оно ж горячее!

– Ну хоть вкусно?

– Пюре как пюре.

– А вот прикинь... это не пюре!

– Как не пюре?

– Я видел. Они заливают вот сюда воду, а вот сюда засыпают порошок. Реально, обычный желтый такой порошок. И все! А потом эта штука из двух ингредиентов готовит все, что угод-

но... Ну, по пюре, может, не так понятно, но у них же и мясо, понимаешь, тоже из этого порошка! Редкая дрянь!

– Невкусно?

– Вкусно, но это же не мясо.

– Дай-ка еще ложечку... только подуй.

Нос подчерпнул пюре ложкой.

– Так как вы здесь оказались, ты не договорил...

– Переписывались мы, переписывались... Потом она раз... и присылает материал по нашей теме. Но она про нее не знала.

– То есть?

– Мы нигде не рассказывали про нее. Это секретная разработка и про нее знают всего несколько человек в школе, – Нос поднес ложку к марусиным губам и дождался, когда она слижет пюре. – Не горячее? Короче... Присылает она нам эти схемы, мы читаем...

– А там уже общее?

– В смысле общее?

– Одинаковые письма?

– Да, да. Это письмо было одинаковым для всех.

– И что вы?

– Что мы... Там в конце письма приписка. Мол... высылаю это вам всем, очень интересно ваше мнение. Надеюсь на конфиденциальность.

– Вы Бунину показали?

– Нет. Я не говорил? Она сказала, что с Буниным они в натянутых отношениях, собственно, из-за чего она и в гости к нам не пошла. В общем, мы пообещали, что наше общение останется строго между нами. Я вот даже не знаю, почему так получилось. Ну, то есть, Борисыча мы все любим и никто не собирался его обижать, но тут такая штука. Короче... Фиг его знает. Может, кто-то думал, что ничего страшного, кто-то думал типа шпионит в пользу Бунина, кого-то подкупили новые

возможности, которые были недостижимы в школе, а кто-то просто втрескался в нее...

– Например, ты? – улыбнулась Маруся.

– А что? Она красивая. Сексуальненькая такая. Я вообще думал, что ей лет тридцать, пока ты не сказала, что она твоя мама.

– Тридцать шесть.

– Короче, выглядит она вообще. А там на выставке просто как эта... Еще в платье таком была.

– Эй, але, ты про Бунина рассказывал.

– И вот. Кто, короче, что, у всех свои причины, но не слили ее. Никто не слил. К каждому подход нашла. Но сейчас не об этом. Читаем мы, в общем, эти ее тексты, смотрим схемы и видим один косяк. Ну, ошибку, то есть. Как нам казалось, ошибку. Мы то ведь тоже этой установкой занимались и поэтому считали ее единственной правильной.

– А что за установка?

– Да какая разница!

– Нос, ты че, сказать не можешь?

– Марусь... ну секретная установка. Ничего интересного.

– Вот не ожидала от тебя.

– Черт, ну это тайна. Правда. Я Бунину сам лично обещал молчать.

– Только почему-то ты сейчас не с Буниным, – ехидно заметила Маруся.

Нос потупился.

– В общем... Проект «Искусственное солнце». Ой, ну тебя... аж есть расхотелось. Вот умеешь ты настроение испортить.

– Перестань... Расскажи, что было дальше?

– Ничего. Написали ей про ошибку. Она говорит — как так? Не может быть. Мы говорим — точно, вот тут и тут ошибка. Она говорит — какая?

– А вы?

– А мы что, мы ж рассказать не можем!

Маруся поставила поднос обратно в автомат и прислонилась к нему спиной.

– Лучше не прислоняйся, он иногда бьет током.

– Мне не страшно, – усмехнулась Маруся, вспомнив слова Эема.

– Ну смотри... В общем, препирались мы с ней долго. Умеет твоя мамочка мозги пудрить. Написали ей про ошибку. В смысле, как там на самом деле надо делать. Так, как у нас было. И тут вдруг получаем письмо. Такое очень неприятное письмо. Тревожное. Ничего из него непонятно, но чувствуется прям, как тон сменился. Мы ей — что, мол, такое? А она пишет — вы совершаете страшную ошибку. Нормально? Мы ей на ошибку указали, а она говорит, что ошибаемся мы. Мы ей расчеты. Она нам свои. И тут вдруг из ее расчетов получается, что у Бунина и правда есть серьезный ляп... Даже не ляп, – Нос нервно захихикал, – а такой ляпище. То есть, по тем данным, которые Ева нам предоставила, получалось, что Бунин своим солнышком может прожарить Землю и нас всех до хрустящей корочки.

– Ничего себе...

– Угу..

– Это правда?

– Получается, что так.

Маруся и Нос замолчали.

Что это было? Одурманивание или правда? Но если правда, то причем тут Маруся? Зачем Ева так просила ее присоединиться? Маруся не понимала, чем она могла помешать Бунину и как помочь симпатичным инопланетянам. Ей вообще показалось, что она выслушала две разные истории и это напрягало ее. Может быть, Ева опять искала к каждому свой подход? Подбирала легенды? Нащупывала слабые места?

– Ты веришь ей? – наконец спросила Маруся.

Нос как-то невнятно замычал.

– Это ответ?

– Не знаю, что тебе сказать. С одной стороны, это похоже на правду. С другой, похоже на какой-то хитрый развод. С третьей стороны, мне, если честно, стало все равно. Когда мы согласились сюда отправиться, я думал, что просто приеду, посмотрю и уеду. У меня не было желания покидать Зеленый город. Когда приехал — не было желания остаться. Мерзнуть и жрать эту вот... даже не знаю, что они туда засыпают.

– Погоди, Нос, ты о чем? Вы же только вчера исчезли!

– Вчера?! То-то мне казалось, что у них тут со временем черт-те что творится.

– Ясно. А потом все изменилось?

Нос снова замолчал, подбирая слова, и неожиданно двинулся в сторону лестницы.

– Идем, мне пора снимать этот дурацкий костюм. Иначе я сейчас раздеру себя всего в клочья.

Маруся хихикнула.

– Они хорошие. Очень непохожие на нас. Не такие как мы. Не знаю, как тебе объяснить. Нужно пообщаться.Сначала отторжение, потом симпатия. А потом будто бы меняется что-то в голове. Так – пымс! И переключается. Начинаешь видеть все по-другому. Видишь уродство людей. Не физическое, а в голове. Все пороки. Это даже бесит, – Нос улыбнулся. – Не, правда. Переходный период сложный. Вроде бы ты еще осознаешь себя человеком, но начинаешь чувствовать все свои комплексы, видеть свои недостатки. Не очень приятно. Начинаешь злиться. Как будто попал в компанию святош. Такие все... Ангелочки.

– Они правда не агрессивные?

– Цветы агрессивные? Нет... цветы по сравнению с ними агрессивные, не подходящий пример...

– Мама сказала, как дети.

– Хуже! В смысле, лучше. Их даже обидеть практически невозможно.

Нос с тоской посмотрел на лестницу, уходящую вверх. Потом прерывисто вздохнул и начал подъем.

– Вот попробуй у арка что-нибудь отнять, например, – продолжил он рассказ. – Не получится, потому что сам отдаст. Или украсть. Тут вот мама твоя, она да. Если что не так, ввалит жестко. Коварная мадам. А эти не такие. Но смешные. Общаться не в напряг. Даже шутить умеют.

Маруся вспомнила, как Эем заступился за Носа, которого наказала мама.

– Пытаются нас понять. Вот это вообще круто. Отношение такое... уважительное, но немного снисходительное. Все-таки мы по сравнению с ними обезьяны.

– Может, они только сейчас такие добрые? Потому что нуждаются в нас?

Нос обернулся к Марусе и по его лицу она поняла, что озвучила мысль, которая раньше не посещала его светлую голову.

– Надеюсь, что нет... – нахмурившись, произнес он. – Но вообще, я бы не хотел таких врагов. Слишком умные.

– А чем вы тут занимаетесь?

– Учимся. Что-то вроде этого. – Познаем азы. Ну, например, прикинь — они умеют общаться телепатически.

«Так?» – мысленно спросила Маруся и рассмеялась от произведенного эффекта, потому что Нос чуть не упал с лестницы и даже повис на перилах.

– Фига се. А ты откуда умеешь?

– Схватываю на лету.

«Ну конечно»... – донеслось до Маруси скептическое носовское возмущение.

«Я все слышу», – отправила ему в ответ Маруся.

– И что я тут, как дурак, тебе все рассказываю? Ты, похоже, сама все знаешь лучше меня! – обиделся Нос.

– Ничего я не знаю. Я пришла, чтобы разобраться, кто говорит правду, а кто врет.

– А кто врет?

– Либо мама, либо Степан Борисыч.

– Все-таки, от баб одни несчастья, – внезапно заявил Нос, – до твоего появления у меня таких мыслей не было, а теперь я тоже буду сомневаться.

– Ты лучше наблюдай и сообщай мне обо всем подозрительном.

– Тоже мне, детектив! А ты что, виделась с профессором?

– Нет, с чего ты взял?

– Ты сказала, что... или мне показалось?

– Тебе показалось, – улыбнулась Маруся.

Они дошли до нужного этажа и остановились, чтобы дать Носу перевести дыхание.

– Когда я сниму эту штуку, то почувствую себя самым счастливым человеком на свете!

– Как немного бывает нужно для счастья, – улыбнулась Маруся.

– Знаешь что... ты лучше сама тут поживи. Походи на занятия, пообщайся. То, что здесь происходит, нельзя описать словами. Это необъяснимо.

– Может быть, это такая магия?

– Да пусть бы и магия. Я видел людей, которых сюда привезли. Они счастливы. По-настоящему. Они приобретают знания, умения, навыки. Философию. Излечиваются, просветляются.

– Похоже на секту, – вспомнила бунинские слова Маруся.

– Нет. В секте это видимость счастья. Гипноз. А тут все на самом деле. Короче — придешь, увидишь.

Нос замолчал, потому что увидел Еву, которая шла к ним навстречу.

– Можно уже снять этот костюм? – громко взмолился Нос, подняв руки к небу.

– Иди снимай! – без тени улыбки на лице сказала Ева. – И больше ничего не трогай без спроса.

– Больше никогда!

Ева указала Носу на дверь, куда он, видимо, должен был отправиться.

– Ты еще здесь или…

– Думаю, тебе лучше отправиться домой, – не дав договорить Носу, сказала Марусе Ева. – У вас уже утро.

– Проснется папа… – понимающе кивнула Маруся.

– Ты появишься еще? – снова спросил Нос.

Ева выжидающе посмотрела на Марусю.

– Завтра.

– Тогда до завтра?

– До завтра.

– Увидимся.

– Конечно. Только… Не говори ничего…

– Кому? А! – Нос подмигнул Марусе. – Договорились.

Маруся дождалась, когда Нос отойдет, и посмотрела на маму. Ева изменилась и снова излучала нежность.

– Я так рада, что ты здесь.

– Хотела повидать ребят.

– Ты убедилась, что их тут никто не держит?

– Не знаю…

– Не можешь отличать хорошее от плохого?

– Уже не уверена.

– У нас хорошо.

– Коровам на ферме тоже хорошо, пока их не съедят.

– Мы не едим коров, – улыбнулась Ева.

Она сказала это так легко, весело и даже как-то невинно, что Марусе стало стыдно. Она вспомнила слова Носова про то, что люди слишком озлоблены, подозрительны и несчастны… даже

вспомнила слова про агрессию, которая возникает как ответная реакция на это умиротворение и чистоту. Может быть, именно поэтому ей так хотелось грубить маме? Потому что мама была лучше ее? Она уже освободилась от человеческой грязи и поэтому рядом с ней Маруся чувствовала себя чудовищем, неандертальцем, тупым и ограниченным животным... Марусе стало противно от самой себя. И Бунин, он тоже такой же. Он не понимает. Не понимает и ненавидит их.

– Все в порядке? – Ева ласково провела по марусиному лбу. – Устала?

– Прости меня. Я чувствую себя такой глупой... – неожиданно сказала Маруся и на ее глаза навернулись слезы.

– Ты просто запуталась. Это нормально. Не торопи себя. И не извиняйся, – Ева взяла марусино лицо в ладони и посмотрела ей в глаза. – Слышишь?

– Да.

– Я не давлю на тебя.

– Угу...

– Беги домой и будь хорошей девочкой.

Маруся всхлипнула.

– Эем просил передать, – шепотом сказала Ева, – что он будет твоим персональным учителем.

Губы Маруси дрогнули в улыбке.

– Я обязательно вернусь... – Маруся вытерла кулаками глаза и, решительно зажмурившись, перенеслась в московскую квартиру.

Миссия по разоблачению злодеев была провалена.

ГЛАВА 6

Встреча

Первым делом Маруся заглянула в спальню к отцу. Папа еще спал, зарывшись головой в подушку, а на включенном экране тихим фоном шли новости спорта. Наверное, ночью он смотрел футбол или что там папы смотрят по ночам? Фигурное катание?

Маруся прошла на кухню и заглянула в холодильник. Готовить она не умела и не любила, но, как каждая приличная девушка, имела в запасе несколько фирменных рецептов. Сейчас ей очень хотелось приготовить для папы что-нибудь вкусное, например, яичницу с помидорами и сыром. Маруся достала продукты и разложила на столе.

В голове крутились слова, которые ей говорила мама, и Нос, и Эем. И даже слова Ильи. Ох, они запали ей в самое сердце. Маруся вспоминала все сразу, одним потоком... Как будто «включили кран». Может быть, это был тот самый глубинный слой сознания, и у Маруси получилось опуститься на «дно» своего «океана»?

Она думала про умение общаться без слов и про то, умеет ли это папа (ведь мама говорила, что он тоже полукровка!), думала про Носа и про то, что на этот раз он встретил ее как хороший друг, а ведь еще недавно был в нее влюблен (или ей так казалось), зато ей абсолютно точно казалось, что Илье на нее наплевать и на самом деле он любит Алису (а оказалось иначе.). Маруся думала про Эема и про то, что... нет, про это лучше никому не знать. Маруся вспоминала пустыню и картофельное пюре, сделанное из не пойми чего. Но чаще всего Маруся возвращалась в своих мыслях к маме.

Любила ли она ее? Версии было две. По первой версии, Маруся маму не любила, а та нежность, которую она время от времени испытывала к ней, была всего лишь остаточным явлением, гипнозом или шаблоном, который засел в голове и диктовал условия, по которым маму любить надо, потому что не любить маму невозможно — это же мама!

По другой, второй версии, Маруся маму любила. Любила «все еще» или любила «всегда», но абсолютно бесспорно. А та злость, подозрения и попытка списать свое учащенное сердцебиение на подлое манипулирование, была всего лишь детской обидой и нежеланием простить близкого человека.

Однажды Маруся сильно поссорилась со своей подругой, заподозрив ее в предательстве, и даже рассказала об этом папе, потому что на тот момент это очень задело ее. Ситуация была непростая, все факты указывали на то, что близкий человек оказался человеком подлым, но прямых доказательств не было, и к тому же подружка так искренне клялась в своей преданности, что Маруся окончательно запуталась и от невозможности принять правильное решение, впала в отчаяние и даже простудилась. Тогда папа сказал, что лучше простить виноватого, чем наказать невиновного, и рассказал какие-то яркие истории из своей жизни. Марусе очень понравились эти слова. Она потом часто вспоминала их и в ситуации, когда ее обижали, и в ситуации, когда обижались на нее. Значит, маму надо простить? Принять ее такой, какая она есть? Рискнуть и довериться?

Из того, что Маруся увидела, никаких выводов сделать не получалось. С одной стороны, мама казалась хорошей и искренней. Да, она была одержима идеями, это никак не противоречило словам Бунина, но идеи эти были мирными и безобидными. Эти идеи оказались настолько прекрасными, что смогли подкупить множество людей и даже друзей Маруси. Но почему? И как это было сделано? Эта история с перепиской, которую рас-

сказал Нос, как ни крути, все же походила на хитрую ловушку. Ребят вычислили, за ними следили, мало того, если рассуждать здраво и объективно, ребят вынудили предать профессора. Их просто подкупили, найдя к каждому правильный подход. Это было так странно. Ну не могла Маруся поверить, что Нос или Илья купились бы на какие угодно блага ценой дружбы с Буниным. Невозможно. Они бы рассказали ему. Предостерегли. Может быть, даже поругались, но не сбежали бы просто так, трусливо, побросав свои дела... Или они были вовсе не такими честными, как про них думала Маруся?

Маруся брызнула маслом на раскаленный металл и аккуратно уложила на дно колечки помидоров.

На свете был только один человек, в поступках и словах которого она не сомневалась. Да, да, это был папа. Все остальные... Мама могла быть и хорошей, и плохой. Бунин? Сколько раз он подставлял и предавал Марусю? Но сколько раз спасал. Даже эта последняя история, ведь он передумал, справился с собой и отпустил. Вернул предмет. Возможно, у него был какой-то свой интерес, собственно, он его и не скрывал, но ведь... Нет, Бунин, все-таки, был больше хорошим, чем плохим. Хитрым, вредным, расчетливым, но он был не способен на что-то по-настоящему подлое по отношению к Марусе. По крайней мере, ей хотелось в это верить.

Маруся взяла лопаточку и перевернула поджаренные с одной стороны ломтики помидоров.

Дальше. Дальше очень хотелось рассказать обо всем папе и спросить у него совета. Кому верить? Родной, но незнакомой маме или чужому, но хорошо знакомому профессору? Папа имел претензии к ним обоим... И, главное, узнай он про то, что творится, он наверняка заслал бы Марусю на другой конец света, а этим несчастным настучал по голове.

Соль, перец... Перца можно побольше, папа его любит.

Что делать? Продолжать встречаться с ними и пытаться разведывать новые детали и подробности? Перенестись к профессору и рассказать все ему? Или не ввязываться?

Маруся настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила, как папа вышел из своей комнаты, тихо встал в дверном проеме и теперь с удивлением наблюдал за ней.

– Что это ты делаешь?

Маруся посмотрела на сковородку, потом на папу и почесала нос.

– А на что похоже?

– Выглядит как яичница, пахнет, как яичница, и шкворчит, как яичница... Наверное, это яичница.

Маруся улыбнулась.

Папа прошел на кухню, взял со стола ломтик сыра и бросил в рот.

– А с чего это вдруг? Натворила что-нибудь еще?

– Ну почему еще...

– Ммм...

Папа обнял Марусю за плечи и прижал к себе.

– Доброе утро, балбесина.

– Между прочим, с помидорами, как ты любишь!

– Между прочим, чувствую! Почему, ты думаешь, я проснулся?

– Бодрящий аромат жареных помидоров?

– Поперчила?

– От души.

– Откуда у тебя душа, чудовище.

– Ну хватит уже!

– Что хватит?

– Обзываться!

Маруся замахнулась на папу лопаточкой. Гумилев засмеялся и отпрыгнул в сторону.

– Какое-то у тебя подозрительно веселое настроение? – прищурилась Маруся.

– Во-первых, я выспался, во-вторых, проснулся от запаха вкуснейшего завтрака, который мне приготовила моя дочка, в-третьих, я иду на очень интересную встречу...

– Про что?

– Про новый уникальный источник энергии.

– И что там интересного?

– Сходи и узнаешь.

Гумилев подхватил еще один ломтик сыра.

– Нуу! Хорош воровать мой сыр!

– Это мой сыр!

– Он не твой, а для яичницы.

– Но яичница ведь для меня?

– Ну паа!

– А куда делись твои ужасные синяки?

– Зажили.

– Хм...

– И не такие ужасные они были. Просто в темноте выглядели страшно.

– Ты дождешься, что я приставлю к тебе круглосуточную охрану.

– Не приставишь.

– Тогда развешу везде камеры слежения.

– А я подам на тебя в суд за вторжение в личное пространство!

– Да ты что?!

Маруся выложила яичницу на тарелку и посыпала тертым сыром.

Гумилев послушно сел за стол и взял в руки вилку.

– Приятного аппетита, – улыбнулась Маруся, ставя тарелку перед папой.

– А ты?

– Че-то не хочется.

– Ты вообще когда встала? Смотрю, нарядная уже такая.

– Недавно.

– Ты что, уже куда-то ходила?

– Да никуда я не ходила!

– Обычно по утрам ты выглядишь несколько иначе!

– Можно подумать, что ты видишь, как я выгляжу по утрам.

– Как же я могу увидеть, – возмутился Гумилев, отправляя в рот кусочек яичницы, – если ты спишь до обеда.

– Бубубубу, – передразнила жующего отца Маруся.

– Пойдешь на конференцию?

– Нееее....

– Ты бы хоть иногда слушала, что умные люди говорят.

– Всякие глупости.

– Ну конечно!

– Я лучше дома почитаю.

– Что ты тут почитаешь? Твиттер?

– Твиттер это прошлый век.

– Дай-ка еще перца!

Маруся взяла с полочки медную перечницу, купленную на старом арабском рынке, и смело опрокинула ее над папиной тарелкой. То ли она слишком резко тряхнула рукой, то ли неплотно завинтила крышечку, но яичница вмиг стала черной от мельчайших перчинок.

– Ну не так буквально...

Маруся не удержалась и прыснула от смеха. Потом схватила папину вилку и попыталась счистить излишки перца.

– Хорошо, что я хоть сыр успел перехватить! – не унывал Гумилев.

– Да она нормааальная... Подумаешь, чуточку... – Марусю распирало от хохота. – Вот смотри! Почти чистый кусок!

У Гумилева мигнул телефон.

– Пора выходить.

– Ты что, даже не поешь?

– Все лучшее — детям! – Гумилев пододвинул тарелку к Марусе и встал из-за стола. – А нам, старикам, главное – внимание.

Маруся опустила голову к яичнице, принюхалась и оставила лежать нетронутой.

– Последний раз спрашиваю! Пойдешь со мной?

– Нет!

– Правда, интересно!

– Нет!

– Настоящая фантастика.

– Я не люблю фантастику.

Гумилев раскрыл свой симпатичный кожаный портфель и достал оттуда красочный буклет.

– На, хоть картинки посмотри.

Маруся лениво потянулась и зевнула.

– Балбесина.

Папа вышел из кухни и Маруся услышала, как в душе зашумела вода. От нечего делать, она дотянулась пальчиком до буклета и придвинула его поближе. На обложке качественной голографикой переливалось плазменное кольцо и надпись «Проект Искусственное Солнце».

Недолго думая, Маруся спрыгнула со стула и побежала переодеваться. Все-таки на международную конференцию надо было одеться посерьезней.

Никогда раньше Маруся не ходила на конференции, не знала, много ли там бывает народа и что этот народ там делает. Разговаривает, слушает и умирает со скуки?

Она шла рядом с папой по коридору, улыбалась всем встречным людям, которые здоровались и непременно спрашивали «Это твоя уже такая выросла?», как будто они знали Марусю с детства, но очень долго не видели. Учитывая то, как часто

Марусю показывали по телевизору, поверить в это было невозможно, но, видимо, это была такая стандартная фраза, заготовленная на случай встречи коллеги с ребенком. Дежурная, глупая и абсолютно бессмысленная. Твоя? А чья же еще?! Выросла? А что надо было делать?!

От этих вопросов и еще от непривычно серьезного платья было неуютно. Строгий воротничок сжимал горло, а узкая и длинная, до самых коленок, юбка сковывала движения. Отдельной песней были унылые туфли на невысоком каблучке, которые туго фиксировали привыкшие к невесомым шлепкам ступни и, несмотря на весь технологический прогресс, немилосердно натирали пятки. Черт бы побрал этот проклятый дресс-код! Как вообще можно о чем-нибудь думать, когда на тебя натянут такой нелепый и неудобный экзоскелет системы «приличная девочка из хорошей семьи»?

– Это твоя уже такая выросла? – очередной вопрос от очередного неприятного дядьки в сиреневом костюме.

– Привет, привет, Мишань… – отец пожал руку фиолетовому коротышке и похлопал его по спине. – Да, подрастает смена.

– А мой оболтус из-за компьютера не вылезает, – пожаловался коротыш. – Ничего ему не интересно! Ты уже решила, куда будешь поступать? – обратился он к Марусе.

– Я… эээ…

– Никак не может определиться, – спас положение отец, – и туда хочется, и туда… сам понимаешь.

– Эээх… – снова вздохнул коротыш, – а мой вот хочет стать безработным и жить на пособие.

Маруся испытала неловкое чувство стыда за папину ложь. Получается, что он стеснялся ее и пытался выдать за какую-то другую, более хорошую девочку?

– Гости уже приехали? – сменил тему разговора Гумилев.

– Да вроде бы видел…

К ним подошел еще какой-то мужчина.

– Лёш, набери Ковригина. Я ему с утра так и не дозвонился, – пожав руку, сразу обратился к нему Гумилев.

– А Ковригин в больнице.

– Что такое?

– Непонятно. Отключился вчера вечером. Людмила звонила, рыдала. В реанимации сейчас.

– В смысле «отключился»?

– Какая-то мутная история. Нашли в спортивном зале без сознания. Сейчас в коме.

– Ничего себе… Сердце?

– Да он здоровый, как бык.

– Ну да…

– Набери ее попозже. Она хотела поговорить.

– Да, обязательно…

Гумилев обернулся к Марусе.

– Через пять минут начало. Если хочешь в туалет, иди сейчас.

– Па, ну что ты как с ребенком, – обиженно зашипела Маруся.

– Ну ты же не будешь там меня дергать?

Маруся выразительно нахмурила брови, давая понять, что разговор окончен.

– Тогда терпи.

Гумилев развернулся и, поймав за рукав того самого Алексея, с которым только что разговаривал про Ковригина, подвел его к Марусе.

– Маруся, это Алеша, Алеша – это Маруся.

– Это пудинг.

– Что?

Маруся замотала головой, будто ничего не говорила.

– Леш, посади ее куда-нибудь поближе ко мне, но не очень заметно.

– Под стол, – не удержалась Маруся.

Гумилев показал Марусе кулак и она прикрыла ладонями рот.

– Там сбоку есть хорошие тихие места за столиками...

– Ага...

– Главное, чтобы выход рядом был, а то она это...

– Что я это?

– Если будет надо — тихо выйдешь и вернешься на место, – вполголоса объяснил Гумилев Марусе.

– Ты бы мне еще няньку нанял.

– Вот тебе нянька, – усмехнулся Гумилев, кивая на плечистого Алексея.

– Я все понял, Андрей Львович.

– А есть там можно?

– Во время перерыва.

– А перерывы часто?

– Леш, уведи ее уже куда-нибудь.

Гумилев отмахнулся от Маруси обеими руками, словно от назойливого кошмара, и тут же переключился на каких-то гостей, вышедших из лифта.

– Ну что, пойдем, посадим тебя куда-нибудь? – обреченно вздохнул папин помощник.

– Пойдемте, посадим, – согласилась Маруся и, словно в молитве сложив ручки на груди, жалобно спросила: — А перерыв скоро?

На самом деле, Марусе досталось самое лучшее место. Она сидела в боковом секторе, состоящим из удобных мягких кресел с маленькими столиками. На столиках транслировалось выступление докладчиков и разные презентационные ролики. А еще эти места были хуже всего освещены, так что там можно было спокойно задремать, без страха быть замеченным.

Тем не менее, дремать Маруся не собиралась, потому что хотела разобраться, что же это за проект, поэтому она откинулась

на мягкую спинку кресла и развернула столик-экран таким образом, чтобы его лучше было видно из положения лежа.

Слова, которые произносили докладчики, были непонятны. Словно специально для таких, как она, внизу экрана время от времени всплывали пояснения и подсказки. Папа говорил, что боковые ряды предназначены как раз для школьников и студентов и, видимо, были рассчитаны на то, что слушатели могут не обладать всем необходимым для понимания объемом знаний.

Вообще, стоило признать, что этот современный конференц-зал был очень удобен и продуман до мельчайших деталей. Так, например, помимо подсказок на экране можно было включить режим конспектирования и тогда все, что произносилось со сцены, появлялось в отдельном окошке в виде набранного уже текста, который можно было с легкостью распечатать, нажав на кнопочку «принт». Лекции можно было записывать в разных аудио и видео-форматах, можно было выделять понравившиеся места и отправлять их в интернет, можно было даже обмениваться сообщениями между столиками.

Для пробы Маруся открыла в меню схему зала и синхронизировала ее со списком гостей. Потом ввела фамилию нужного человека и запустила поиск. Умный чудо-столик сразу же отметил красным то место, где сидел папа. Номер его столика был 0831. Маруся выделила это место, кликнув пальцем по схеме, и в открывшейся строке напечатала «Привет!». Отправить... Через секунду ответ: «Не балуйся!».

Работает!

Впрочем, и правда, хватит баловства. Нужно было сосредоточиться и послушать, о чем здесь, все-таки, говорят. А говорили они вот о чем...

Сначала дядька с длинными седыми усами, поразительно нелепой внешности, докладывал о необходимости строительства дублирующей системы, так как в случае аварии на основной системе весь мир может впасть в энергетический коллапс. Потом

его перебил другой дядька, который сказал, что нелепо говорить о дублирующей системе, в то время как не запущена еще даже основная система. А усатый дядька сказал, что думать об этом надо начинать уже сейчас, и он предлагает сделать не одну, а две дублирующие системы. Например, в Африке и Австралии. Подсказки сыпались одна за другой, показывая, например, географическое положение Африки и Австралии, население, экономические показатели и какие-то еще показатели, для которых, видимо, требовалась дополнительная подсказка.

Потом выступил папа и попросил, чтобы докладчики говорили спокойно и не переходили на повышенные тона. После папы речь взяла старенькая бабушка в ослепляющем костюме цвета ультрамарин. Бабушка говорила про то, что проект крайне опасен и просила обратить внимание выступающих на тот факт, что в случае ошибки на Земле могут произойти необратимые изменения, как то: смена климата, магнитного поля и даже сход с орбиты. На бабушкином выступлении не заснули только самые стойкие, потому что говорила она очень тихо и монотонно. А чтобы разобрать ее речь, приходилось включать тот самый режим конспектирования и читать текст с экрана. Тем не менее, в конце ее выступления зал взорвался продолжительными овациями, из чего Маруся сделала вывод, что это была какая-то очень важная и уважаемая бабушка, ну или ее таким образом пытались заглушить.

После бабушки на сцене снова появился папа и сказал, что, к величайшему сожалению, они все еще не смогли добиться серьезных результатов и мощность реактора далека от идеальной. Однако в данный момент рассматривается абсолютно новый революционный метод, основой которого послужил сплав АРЕАН-104. Потом папа начал очень долго и непонятно рассказывать про уникальные свойства этого сплава, так что подсказки стали сыпаться с такой скоростью, что буквально нагромождались одна на другую. А в конце своей речи папа

сказал, что состав сплава он раскрывать не будет, иначе всех присутствующих в зале придется убить, и зал громко захохотал. Когда все отсмеялись, папа сказал, что так и быть, пригласит на сцену своих партнеров из Китая и они прольют свет на таинственный сплав.

– Надеюсь, в зале никто не говорит по-китайски?

Зал снова засмеялся, а Маруся посмотрела на часы и подумала про «когда же перерыв?».

Перерыв так и не наступал, а на сцену вышла пара ученых из Китая. Один из них был маленький и толстый, а другой высокий и худой. Маруся подумала, что издалека они похожи на актеров комедийного скетч-шоу, потому что смех вызывал уже только один их внешний вид, и что сейчас они начнут шутить со сцены по-китайски. И очень кстати. Эм говорил, что Маруся, сама о том не подозревая, знает все языки. Можно было бы попробовать понимать их на слух или включить, опять-таки, режим конспектирования, распечатать и прочитать все бегло...

Маруся перевела взгляд со сцены на экран и, чтобы получше рассмотреть смешных китайцев, сфокусировала режим просмотра на их лицах и увеличила изображение. Противная, мерзкая, душащая волна страха прокатилась по всему телу, от макушки и до кончиков пальцев. Это длилось долю секунды, но за это мгновение организм успел пережить настоящий стресс. Его словно вернули, окунули с головой в какой-то старый кошмар. Маруся вздрогнула, пытаясь отогнать от себя неприятное видение. Почему это произошло? Что так напугало ее?

Этот высокий... Он был похож на Чена. Был очень похож на Чена, или это был сам Чен? Чен? Здесь? В Москве? С папой? Нет, нет, нет... это совпадение, галлюцинация, что угодно, но только не он. Он просто похож. Для европейцев все азиаты на одно лицо. «Но это и правда одно лицо!» – с отчаянием кричал внутренний голос.

Маруся увеличила лицо еще крупнее. Глаза… карие, ну конечно, он же не заявится на конференцию с разноцветными глазами. Зато взгляд его – хитрый и будто слегка улыбающийся. А имя? Глупо было проверять имя, но вдруг? Маруся вызвала подсказку и кликнула на лицо предполагаемого Чена. «Чоу Шэн», – написала подсказка. Владелец корпорации «Шэн Энергетикс». Шэн, Чен… Имена у них казались такими же похожими, как и внешность.

Чоу Шэн неподвижно стоял посреди сцены, сложив руки на груди и глядя в пол, пока его маленький напарник оживленно рассказывал про сплав АРЕАН-104. Перевести текст самой у Маруси так и не получилось, возможно потому, что мысли были заняты другим, а возможно потому, что на экране транслировалась речь с переводом. Маруся, не мигая, изучала лицо Чена-Шэна и пыталась найти какие-то неоспоримые доказательства того, что она не ошиблась. Но какие? Честно говоря, в тот раз, когда она встречалась с Ченом, ей было не до разглядывания. Его лицо впечаталось в сознание так, что она могла бы узнать его в толпе, но сейчас, когда никакой толпы не было и он стоял в нескольких метрах от нее, она почему-то смутилась. Слишком все неожиданно, нереально, невозможно. Впрочем, как и все в ее жизни.

Маруся открыла окошко сообщений и выбрала папин стол.

«Ты знаешь этого человека?» – быстро напечатала Маруся.

«Цая?»

«Нет, второго».

«Встречались несколько раз. А что?»

«Он ваш партнер?»

«Да».

«А как его зовут в жизни?»

«Малыш? Ты в порядке?:)»

Чудесно! Маруся представила, как ее вопросы звучали со стороны. Наверное, папа подумал, что Маруся влюбилась в симпатичного китайца и теперь устраивает допрос.

«Просто он похож на одного знакомого».
«Вряд ли ты его знаешь».
«Почему?»
«Мы можем поговорить потом? Мне сейчас неудобно».
Вот так всегда, на самом интересном месте!
«Последний вопрос! А перерыв скоро?»
«Через полчаса будет обед».

Возможно, это было неправильно, глупо и неэтично по отношению к выступавшим, но ждать полчаса Маруся не стала. Она потихоньку выскользнула в проход и оказалась в коридоре. У двери стоял тот самый Леша, который помог ей найти место в зале.

– А где здесь... – спросила Маруся, изобразив смятение на лице.

– Хм... – понимающе кивнул папин помощник. – Сразу за поворотом.

– Спасибо!

Маруся почти побежала и причиной этому, конечно, было не желание поскорее попасть в туалет, а самый обычный страх. Маруся закрылась в просторной кабинке, накрыла унитаз крышкой и села сверху. Нужно было что-то делать, но пока непонятно, что.

Сомнений в том, что это Чен, почти не осталось. Ужас, охвативший ее, был реакцией организма на столкновение с опасностью. Но кто был в опасности — она или все? А папа? Папа сказал, что знает этого человека, значит, раньше он с ним уже сталкивался и пока ничего страшного не произошло. Папа даже не подозревает, кто это. Почему? Чен исправился? Или ему была нужна именно Маруся, а здесь он просто по делам? Возможно такое? Почему бы и нет. У злодеев тоже есть бизнес, на что-то ведь он живет и живет неплохо. Владелец крупнейшей энергетической компании второй по влиятельности страны.

Рассказать папе, что он пытался ее убить? Но тогда папе придется рассказывать и все остальное. Поверит ли он? Вряд ли. Молчать и делать вид, что ничего не случилось? Но как молчать, если ты видишь, что в твой дом заползла ядовитая змея, которая вьется около близких тебе людей. Может быть, как-то спровоцировать его, чтобы он показал свое настоящее лицо? И подвергнуть опасности всех, кто будет находиться рядом? Нет. Не идет.

Маруся пыталась вспомнить все, что было связано с Ченом. Найти какие-то цепочки, которые могли привести его сюда. На нее он напал, чтобы перекачать себе ее кровь. Чен хотел получить ее возможности, хотел стать таким, как она. Ну, допустим.

Чен пытался убить Бунина. Нападение было крайне жестоким, рассчитанным на физическое устранение с предварительными пытками. Похоже на ненависть или на месть. Почему он так поступил? Что могло их связывать? Оба охотились за предметами и прекрасно разбирались в теме, и, как только что выяснилось, оба занимались проектом «искусственное солнце». Почему так? Почему все крутится вокруг этого проекта? Почему вокруг проекта крутятся именно те люди, которые как-то связаны с предметами? Бунин, мама, Чен...

А папа? Может быть, Маруся совсем его не знает? Может быть, он тоже охотник и коллекционер? Может быть, мама права и все, чего папа добился, результат не ума и труда, а уникальных свойств?

Ну уж нет, только не папа. Тогда бы получилось, что он все это время врет Марусе, а в это она поверить не могла. Папа был самым лучшим, открытым и искренним другом.

Казалось, что ответ лежит на поверхности, но почему-то никак не получалось его увидеть. Видимо, опять мешались родственные связи. Они, как помехи, глушили сигналы разума, не давая быть объективной. Ну же! То, что Маруся искала,

было не просто на поверхности, оно только что было названо прямым текстом. Об этом прямо сейчас, в данную минуту, докладывали китайские партнеры...

Сплав. Тот самый магический сплав, формулу которого нельзя раскрывать. Конечно! В докладах ученые и даже сам папа жаловались на то, что их реактору не хватает мощности, а что, как не предметы, могло обладать свойствами, которыми не обладало ни одно другое вещество на Земле? Но что это за сплав? Какой-то отдельный предмет или совокупность разных? Или реальный сплав? И Бунин, и Чен, и Ева собирали предметы для чего? Уж не для этого ли проекта, который мог быть «революционным в масштабах человеческой цивилизации», как было написано в буклете, а также мог быть «оружием, которое уничтожит планету», как говорила та самая заунывная старушка. И кто чего добивался? Зная папу, Маруся могла быть уверена только в одном – именно он добивался революционного прорыва. А вот остальные...

Ну ладно, Бунин. Бунин ученый до мозга костей. Вряд ли он желал бы катастрофы.

Ева? Какой интерес мог быть у их организации? По словам Бунина, и тут, наконец-то, все стало сходиться, инопланетная раса хотела уничтожить землян. Хотела ли она уничтожить их вместе с Землей? Не очень логично. Опять же, по словам Евы, арки не могли покинуть планету, из-за чего, собственно, и начался весь конфликт. Значит, уничтожив планету, они уничтожат и себя.

А Чен? Мог ли он хотеть гибели всего живого? И тоже нет. Чен хотел стать властелином мира и жить вечно — это никак не похоже на мысли самоубийцы. Получалось, что в печальном исходе не заинтересован был никто. Хоть что-то радует...

Оставался еще один вопрос. Связаны ли как-то между собой все эти организации? Ну, то что папа и Чен связаны, это, к со-

жалению, было уже очевидно. Бунин и Чен не могли быть связаны по причине того, что они были врагами, к тому же у Бунина все отняли... Так. Стоп. А кто отнял? Бунин был уверен, что это Ева... но, побывав у арков, Маруся убедилась, что это абсолютно безобидная раса... было бы странно, если бы эти существа могли использовать такие жестокие методы. Зато Чен... Это был его почерк, и даже действие, которое происходило в Зеленом городе, страшная разрушительная сила, которая перемолола в щепки неприступное подземное хранилище — не его ли эта работа? Голова кругом...

В кармане запиликал телефон. Сообщение от папы: «Ты где?» Видимо, полчаса прошли и все вышли на обед.

Маруся покинула кабинку и осторожно выглянула в коридор. Так и есть. Толпа ученых, бизнесменов и гостей конференции высыпала из зала и теперь разбредалась по зданию в поисках пищи. Маруся заметила папу, который стоял чуть в стороне ото всех и что-то набирал на телефоне. Видимо, следующее сообщение. Оценив ситуацию и решив, что в данный момент ей ничего не грозит, Маруся вышла из укрытия и подошла к папе.

– Ты где была?

– В туалете.

– Полчаса?

– Хорошо... я гуляла.

– По туалету?

– Па...

– Пойдем обедать.

– А можно с тобой поговорить?

– Прямо сейчас?

– А что?

– Вообще-то, меня ждут люди.

– Ох... ну ладно...

– Что-то важное?

– Важное.

Гумилев вздохнул, повернулся к гостям, среди которых был маленький китаец, и показал указательный палец.

– Одну минуту!

Гости понимающе закивали.

Гумилев взял Марусю за руку, и они зашли в пустой к тому времени конференц-зал.

– Ну? – папа выжидающе посмотрел на Марусю.

– Я понимаю, что мой вопрос прозвучит по-идиотски, но ты не мог бы мне рассказать, что это за человек?

– Который?.. А... Про которого ты спрашивала?

– Да.

– Очень влиятельный парень из Китая, умница, затворник... Сидит там у себя, работает... нигде не светится.

– Нет, я хочу знать про ваши отношения.

– Какие у нас могут быть отношения? Я занимаюсь строительством реактора. Он один их тех, кто занимается проблемой запуска. Таких организаций довольно-таки много. Мы встречаемся, обсуждаем, показываем, кто к чему пришел. Это крупнейший международный проект, который существует уже... ну... в общем, побольше тебя.

– А что за сплав?

Марусе показалось, что папа на мгновение нахмурился, как будто она затронула закрытую тему.

– С чего вдруг такой интерес?

– А ты не рад?

– Я очень рад, просто не понимаю.

– Вот представь себе, мне стало действительно интересно. Прочитала ваши брошюрки, послушала выступления...

– И прекрасно.

– Что прекрасно? Ты не можешь мне объяснить?

– Про что?

Папа определенно юлил. Он не хотел говорить на эту тему. Или не мог.

– Про сплав.

– Обычный сплав.

– Обычный? Говорили, что он обладает какими-то уникальными свойствами, и до сих пор ничего подобного на Земле не существовало.

– Что значит «на Земле»? – прищурился папа.

– Но ведь не существовало?

– В мире каждый год открывают все новые и новые соединения и все они по-своему уникальны. И все не существовали до этого.

– Ты какой-то странный…

– Это засекреченная информация.

– Хорошо.

– Не знаю, что ты там себе напридумывала, но лучше не надо.

– Что не надо?

– Лезть.

Таких слов Маруся никак не ожидала. Папа говорил с ней, как один из членов этой самой… как же ее назвать? Тусовки? Секты? Один из мерзавцев, которые творят что-то ужасное, тайное и готовы убить любого, кто приблизится к ним. Марусе стало обидно и страшно.

– Не надо, малыш, – чуть ласковее сказал папа и, поднеся руку к марусиному лицу, поправил выбившуюся прядку. – Есть вещи, которые я не могу рассказать даже тебе.

Маруся опустила голову. Ей не хотелось смотреть в глаза папе. Ей казалось, что она увидит в них ложь. Увидит что-то отталкивающее, отвратительное, жалкое…

– Пойдем обедать.

– Не хочу.

– А что ты хочешь?

– Домой.

Гумилев пожал плечами.

– Ты, вроде бы, говорила, что тебе интересно.

– Ага... ну пока... – бросила Маруся невпопад и выскочила в коридор.

Она старалась пройти сквозь толпу людей незаметно, не попадаясь никому на глаза и не встречаясь ни с кем взглядом. Сейчас они представлялись ей враждебной армией чудовищ. Почти дойдя до поворота, Маруся ускорила шаг и, едва свернув за угол, натолкнулась на какого-то человека. Ей даже не пришлось смотреть, кто это был, потому что вязкий удушливый и пожирающий тело ужас снова накрыл ее. Маруся попятилась назад. Хотелось зажмуриться. Хотелось закричать и убежать, но получалось нечто совсем другое. Она лишь замерла, как насекомое, парализованное ядом, скованная собственным страхом, и обреченно подняла глаза.

Чен стоял в паре метров от нее и улыбался.

– Dui bu qi... – сказал Чен и отошел в сторону, давая Марусе пройти.

Маруся осторожно обошла его и быстрым шагом стала удаляться. «Дуй бу ци» означало «извините». И она действительно понимала его...

Маруся вышла на улицу. Город шумел, солнце палило, к тому же поднялся довольно сильный ветер. Ветер быстро растрепал волосы и, казалось, развеял неприятный страх. Стало легче дышать. Маруся прошлась до небольшого парка, где на траве валялись студенты, зашла на середину газона, скинула туфли и встала босыми ногами на траву. В дурацком узком платье валяться было бы неудобно, так что пришлось ограничиться обычным разуванием. Но и это было хорошо. Маруся ходила взад и вперед, рассматривая ступни с отпечатками кромки туфель. Прохладная зелень приятно щекотала пальцы, а со стороны студентов доносился веселый смех. Такой непринужденный. Такой... расслабленный. Как хорошо быть обыч-

ным человеком. Иметь какие-то обычные проблемы. Экзамены, безответную любовь... Желание купить машину. Съездить куда-нибудь. А что у нее? Предатель папа, предатель мама, предатели друзья и конец света на блюдечке с голубой каемочкой. Унылая жизнь унылого супергероя. И не поешь спокойно!

Маруся посмотрела на машины, остановившиеся на светофоре, и на брюхе симпатичного красного минивэна прочитала телефон пиццерии. Достала телефон...

– Алло! Здравствуйте! Да... На толстом. Любую, лишь бы мяса побольше. Ага. Куда? – Маруся огляделась по сторонам. – Знаете парк рядом с международным конференцем? Ага. Да, между конференцем и театром. Я стою посреди этого парка. Не уйду... – Маруся улыбнулась в трубку. – Спасибо.

Так-то лучше... А после пиццы можно двинуть домой, переодеться и навестить Эема. А заодно задать пару новых вопросов.

Обычно с пиццей происходит одна и та же история. Пока ты голоден, кажется, что можешь съесть сразу две, а то и три пиццы. Но это так только кажется. На деле уже после двух кусков в желудке появляется тяжесть и ощущение, будто ты проглотил мешок камней.

Маруся обулась и вышла на дорогу. До дома можно было доехать на машине, но ей так отчаянно хотелось гулять, что Маруся решила добраться пешком. Однако пройдя первые двести метров на каблуках, желание куда-то улетучилось, и Маруся села в первый попавшийся трамвай. Трамвай был совсем новенький, блестящий, с огромными обзорными окнами и кондиционером. Внутри почти никого не было, только пара индусов в чалмах и старик в соломенной шляпе. Маруся опустилась на сидение и прислонилась лбом к стеклу.

Думать ни о чем не получалось, к тому же кровь отлила от мозга к желудку и поэтому тянуло в сон.

Когда думать о чем-то надо, но не хочется, появляется приятное, почти философское чувство невозмутимости. И в итоге ты думаешь не о том, о чем собирался подумать, а о том, что это вообще не стоит того, чтобы об этом думали. Кажется, что проблемы не такие уж и большие, что все относительно. Что жизнь вообще сама по себе вещь относительная. Что происходит то, что должно произойти, и ты не в силах повлиять на события, а поэтому надо расслабиться. И не стоит торопиться. Не стоит совершать подвиги. И можно позволить себе проспать несколько часов или просто поваляться в постели, ничего не делая — потому что в масштабах времени эти несколько дней ничто и, значит, ничего не решают.

Глаза закрылись и, убаюканная неторопливым покачиванием, Маруся задремала. Во время очередной остановки трамвай дернулся, и Маруся испуганно встрепенулась. Чтобы понять, как долго она спала и не проехала ли свою остановку, она выглянула в окно и с огромным удивлением увидела там Эема. Откуда он взялся? Как он вообще оказался тут? И зачем? Впрочем, судя по всему, оказался он здесь именно из-за Маруси. Он что-то кричал ей, но разобрать его слова было невозможно. Маруся показала на уши и замотала головой, давая понять, что не слышит. Тогда Эем начал жестикулировать, размахивая рукой, словно призывая Марусю следовать за ним. Трамвай снова дернулся и поехал. Маруся подбежала к двери.

– Откройте!

Водитель никак не отреагировал.

– Откройте, пожалуйста, мне надо выйти!

– Дождитесь следующей остановки, – сипло посоветовал старик в соломенной шляпе.

– Но меня там ждут!

Старик пожал плечами и отвернулся.

– Ну пожалуйста!

Словно игнорируя ее слова, трамвай только набирал скорость. Маруся бросилась к окну, пытаясь высмотреть Эема. Он

бежал за вагончиком, но по его внешнему виду было понятно, что делал он это из последних сил. Все-таки арки, правда, были очень слабы физически.

От отчаяния Маруся решила попробовать альтернативный способ связи.

«Скажи так!» – обратилась она мысленно к Эему.

«Ты должна найти».

«Что?»

«Зло рядом».

«Какое зло?»

«Зло рядом с тобой».

От этих слов Марусю передернуло. Отчего-то они казались даже более страшными, чем любые встречи с настоящими злодеями. Маруся резко обернулась, как если бы зло стояло за ее спиной. Где рядом? Почему? Кто?

«Останови его, пока оно...»

«Я не слышу!»

«...убило всех...»

Маруся зажала уши, ей стало до такой степени жутко, что не хотелось слышать дальше, но слова все сыпались и сыпались.

«.... ловушка... рядом... там, где ты не ждешь...»

И тишина. Голос Эема пропал. Маруся потихоньку отпустила уши... и открыла глаза.

Она все также сидела в трамвае, зажмурившись, с зажатыми ушами и спала. Какой мерзкий отвратительный кошмар. Не зря говорят, что нельзя есть перед сном! С другой стороны, она же не знала, что уснет...

«Ты не спишь».

Снова голос. Опять? По второму кругу? Бесконечный кошмарный сон?

Маруся выглянула в окно, но Эема там не было, хотя трамвай стоял на остановке. На той же самой, которую Маруся видела во сне.

«Хотел узнать, когда ты появишься».

«Эем?»

«Извини, если напугал».

«Ты, правда, очень напугал меня».

Маруся вжалась в спинку кресла и попыталась восстановить нормальное сердцебиение.

«Прости».

«Зачем ты говорил мне все эти ужасы?»

«Какие ужасы?»

«Про зло, которое рядом и всех убьет?»

Эем замолчал. Или прервалась связь. Или еще что... Трамвай почти доехал до следующей остановки, когда Эем снова появился.

«Кто говорил тебе про зло?»

«Ты. Три минуты назад».

«Ты уверена?»

«Абсолютно... Или нет? Мне приснилось?»

«Перескажи мне точно все, что слышала».

«А ты не помнишь?»

«Я не говорил тебе об этом».

Теперь замолчала Маруся. Как не говорил? Тогда кто говорил? Могло ли это быть обычным совпадением, в котором голос Эема сначала появился во сне, а потом, через секунду, возник на самом деле. Возможно, он врет? Но зачем?

«Эем?»

«Да».

«А ты что-нибудь говорил мне до того, как сказал, что я не сплю?»

«Я спросил, что случилось?»

«Зачем?»

«Потому что ты кричала».

«Я???!!!»

«Все, что ты говоришь, очень плохо. Приходи. Приходи как можно быстрее. Я отключусь. Если что-то случится — зови».

Голос пропал, а трамвай подъехал к марусиному дому.

Маруся поднялась с кресла и подошла к двери. Зло рядом... зло рядом... зло рядом... Она обернулась на старика в соломенной шляпе. Он сидел, сжавшись, словно от холода, обнимая себя руками за плечи и смотрел на Марусю мертвыми остекленевшими глазами.

– Человеку плохо! – Маруся бросилась в начало вагона и стала стучать в стекло, отделяющее ее от водителя.

Водитель никак не отреагировал на ее крик — он качал головой и отбивал ритм на панели управления — судя по всему, слушал музыку.

– Вот черт...

Маруся осмотрелась. Испуганные индусы в чалмах привстали с кресел и вытянули шеи, пытаясь издалека увидеть, что именно произошло со стариком.

– Придержите его, чтобы не упал, – сказала им Маруся. Индусы кивнули и сели на место.

Отлично...

Думать было некогда. Маруся выпрыгнула из трамвая, выбежала на рельсы и перегородила путь. Теперь водитель заметил ее. Он вытащил из ушей наушники и нахмурил лоб. Маруся жестами попросила его выйти. Он покрутил пальцем у виска. Это настолько разозлило Марусю, что она со всей силы ударила кулаком по стеклу. Водитель недовольно приоткрыл окно.

– Ты что? Рехнулась?

– Там человек умер.

– Как умер?

– Откуда я знаю, как? Я не доктор.

Водитель встал и вышел из своей кабинки.

Теперь они вместе стояли над стариком, в задумчивости глядя на поникшее тело.

– Это твой дедушка? – спросил водитель.

– Нет, это не мой дедушка. Это пассажир.

– И что теперь делать?

– Наверное, вызвать «скорую»?

Водитель побежал обратно в свою кабину, а Маруся осталась стоять и ждать, чем все закончится. Больше всего на свете ей хотелось вернуться домой, забрать змейку и перенестись отсюда куда подальше, но какое-то непонятное чувство ответственности заставляло дожидаться скорой, как будто она была причастна к этой смерти. Будто она была ее виновницей, случайно спровоцировала ее. Будто эта смерть приходила за ней и по какой-то нелепой случайности промахнулась и унесла с собой ни в чем не повинного пожилого человека.

Волнение скоро улеглось и на смену ему пришло спокойное оцепенение. Маруся смотрела в окно, через толстые стекла которого был виден ее дом, смотрела на людей, которые собирались на остановке, не решаясь зайти в трамвай. Краем глаза заметила, как две разноцветные чалмы проскользнули на улицу... и правильно сделали, нечего тут сидеть. Или неправильно? Ведь это были единственные свидетели того, что Маруся никак не причастна к случившемуся. Не произойдет ли повтор той дурацкой истории с аптекарем? Хотя... с какой стати. Там были явные следы насильственной смерти, а тут обыкновенный сердечный приступ или что там еще могло случиться посреди дороги? С другой стороны, какие-то вопросы ей наверняка зададут...

И задали.

– Вы родственница?

Вопрос прозвучал так неожиданно и так громко, что Маруся схватилась рукой за сердце и отошла на несколько шагов в сторону. Огромный молодой мужик с детским лицом и совсем недетской бородой, нахмурив брови, навис над Марусей, глазами изучая старика, а руками роясь в такой же большой, как и он сам, медицинской сумке.

– Нет…

– Тогда чего ты здесь стоишь? Посторонись-ка… – бородатый отодвинул Марусю и положил сумку на сидение. – Иди, иди. Это тебе не цирк.

Обвинение в подсматривании показалось обидным. С другой стороны, возможно, для нормального человека поступок Маруси мог показаться странным. Это ведь она подозревала какую-то свою вину, а для других, на этот раз, ее вина была неочевидна, и то, что она осталась стоять рядом с телом чужого ей мертвого человека, могло трактоваться только как излишнее любопытство, либо как ненужное и всем мешающее участие.

Маруся выпрыгнула из трамвая и, не оборачиваясь, перешла дорогу.

Домой.

ГЛАВА 7

Десять тысяч арконов

Первым делом Маруся проверила, на месте ли змейка. Второпях она весьма легкомысленно оставила ее под подушкой, отлично, впрочем, осознавая, что папа ее там не найдет, а если вдруг за змейкой приспичит поохотиться какому-то «профессионалу», то он найдет предмет, куда бы Маруся его не спрятала. Змейка лежала, забившись в складки ткани, и, значит, теперь нужно было только переодеться и можно бежать.

Маруся скинула неудобное платье, влезла в короткое белое платье из тонкого льна (после тугой, сковывающей движения одежды хотелось чего-нибудь абсолютно невесомого), схватила змейку и нарисовала в памяти объект. На всякий случай, чтобы не промахнуться, это была та самая светлая комната, в которую она попала в первый раз.

Рассчет был на то, что в комнате никого не будет и, как это обычно случалось с Марусей, ее рассчет не оправдался.

Во-первых, в комнате было очень много людей. Это были действительно люди, вполне обычные, не прозрачные, не зеленые, без рожек и щупалец. Люди сидели на полу и внимательно слушали Эема, который стоял у стены и был похож на школьного учителя.

Во-вторых, Маруся только сейчас заметила, что перенеслась сюда, забыв переобуться. Вернее, забыв обуться вообще.

То есть в данный момент она стояла босиком в этой светлой комнате, внезапно появившаяся из ниоткуда, и все эти люди, включая Эема, смотрели на нее с нескрываемым любопытством.

– Этому фокусу мы обучимся чуть позже, – наконец вымолвил Эем, мягко улыбаясь и отвлекая внимание на себя.

«Перед тем, как войти, нужно постучаться», – услышала Маруся его голос в голове.

«Как постучаться?»

«Садись и слушай».

Маруся вздохнула, но к совету прислушалась и села на пол, «на последний ряд», если бы здесь были ряды.

– Элементы не обладают какой-либо стабильной массой. Можно сказать, что в некотором роде они безразмерные. Фактически именно вы управляете ими и задаете параметры, объединяя в одно единое, либо расщепляя на множество мельчайших частиц. В спокойном состоянии вещество равномерно распределяется внутри вашего тела – у него нет очага...

– Почему? – Эема прервал какой-то незнакомый парень, похожий на типичного студента-зануду.

– Слишком высокая энергетическая мощность. Это не очень полезно.

– Но вы ведь сказали, что в случае лечения частицы необходимо собрать в одном месте?

– Именно. Но в этом случае вы задаете элементам задачу. Вы ими управляете. Представьте, что вам нужно приложить лед к месту ушиба. Вы берете лед и прикладываете его. Держите столько, сколько считаете необходимым, а потом убираете...

– Понятно...

– Если кусок льда будет постоянно и неизменно находиться на одном месте, произойдет обморожение, – улыбнулся Эем.

– Да, да, да...

Марусе показалось, будто она попала на очередную лекцию по физике. Чтобы как-то занять себя, она решила рассматривать лица людей в поисках немногочисленных знакомых.

«Тебе тоже не мешало бы послушать».

«Я слушаю!»

«Здесь нет твоих знакомых. Это младший класс».

«Читать чужие мысли неприлично».

«Если не будешь учиться, никогда не узнаешь, как их скрывать».

– Итак, в данный момент в каждом из вас находится некоторое, пока микроскопическое количество элементов. Этого недостаточно, чтобы отрастить отрезанный палец... Я думаю, пальцы мы пока резать не будем...

– Пока? – раздалось сразу из нескольких мест.

– Хорошо! И потом тоже. Поговорим о более простых, но не менее важных вещах. Например обычный синяк, – Эем посмотрел на Марусю. – Самая простая подкожная гематома образуется в случае повреждения мелких кровеносных сосудов. Кровь скапливается в полости, сворачивается и образует заметное пятно. У кого-нибудь здесь есть синяк?

В воздух поднялись руки.

– Нужен самый синий!

– У меня самый синий! – выкрикнула женщина лет пятидесяти, вскакивая с места и выбегая навстречу Эему. – Смотрите!

Женщина с какой-то нескрываемой радостью, словно она была на медицинском ток-шоу, закатала штанину брюк, развернулась спиной и показала синяк под коленкой.

– Прекрасный! – восторженно похвалил синяк Эем. – Смотрите, я даже не буду прикасаться, попробуем вывести этого красавца своими силами.

Маруся заметила, как люди стали придвигаться поближе — видимо, всем хотелось получше разглядеть чудо, которое должно было произойти.

– Все остальные, у кого есть мелкие раны, могут повторять за нами.

Толпа зашушукалась.

– Итак. Все мы умеем задерживать воздух в легких, так?

– Так.

– Давайте подробно представим себе, как мы это делаем. Глубокий вдох, задержка… Вы чувствуете, как ваши легкие увеличились в объеме. Чувствуете, что они наполнены. Правильно?

Все закивали.

– Попробуйте и постарайтесь очень точно запомнить это ощущение.

Толпа сделала шумный вдох.

«А ты не будешь повторять?»

«А надо?»

«Ты ведь на уроке».

«У меня нет никаких элементов».

Услышать, как кто-то мысленно вздыхает, наверное, невозможно, но Марусе показалось, что она услышала.

«Ну хорошо».

– Сделайте это несколько раз. Это очень просто и вам может показаться, что я зря вас мучаю, заставляя делать это нехитрое упражнение, но оно нужно нам для понимания принципа действия. Набирая и удерживая воздух в легких, вы создаете очаг. Вы начинаете чувствовать очаг собранного воздуха в вашем теле.

«Это похоже на занятия медицинских шарлатанов по телевизору».

«Не смотри телевизор».

– Отлично. Теперь представьте себе элементы. Маленькие блестящие шарики, похожие на шарики ртути, бегают у вас в крови. Очень маленькие… Вы их, конечно, не видите… А если так?

Эем расплылся в улыбке, а Маруся очень отчетливо увидела свое тело, как в анатомическом атласе, только это была очень живая картинка, со всей кровеносной системой, и казалось,

что ее можно видеть одновременно с разных позиций и всю целиком, и самые мельчайшие детали, очень подробно, словно под микроскопом. Это ощущение было знакомым. Она испытывала нечто подобное, когда пользовалась спрутом, который находил другие магические предметы. Тогда тоже получалось увидеть картинку и всю целиком, как будто ты охватываешь взглядом целый земной шар, и поразительно подробно, словно ты можешь следить за каждым отдельно взятым человеком на этом шаре.

– Как вы это делаете? – удивленно спросила женщина с задранной штаниной.

– Об этом позже. Найдите эти маленькие блестящие шарики... Видите их?

Маруся видела их. Они неслись в потоке других частиц внутри ее сосудов. Маленькие серебристые болиды... Но откуда они в ней?

– Сейчас я показываю вам картинку, чтобы облегчить задачу. После нескольких тренировок вы сможете находить их без визуализации. Все видят?

– Да!

– Шарики бегут не связанные между собой. Бегут в общем потоке. У них нет никакой задачи. Сейчас мы им эту задачу поставим. Найдите поврежденный участок, там, где у вас синяк.

– А если синяка нет? – спросил все тот же любопытный студент.

– Если ты не заткнешься, то я тебе его поставлю, – ответил ему хмурый мужчина со впалыми небритыми щеками.

– Вопросы это очень хорошо, – заступился за студента Эем. – Если синяка нет, представьте себе его. Эффект вы не увидите, но при правильном выполнении задания почувствуете в этом месте холод.

– Понял!

– Все остальные, я думаю, без проблем заметят повреждение.

– Вижу! Вижу! – неожиданно громко закричала женщина с синяком. Со стороны она выглядела такой счастливой, словно маленькая девчонка в парке аттракционов.

– Теперь так же, как мы набирали воздух в легкие, мысленно собираем шарики и направляем их к этому месту. Направляем и задерживаем, создавая очаг и сливая вещество в единое целое.

– А вдыхать надо?

– Необязательно!

– О, господи!!! Они бегут к месту! – женщина стояла, зажмурившись и улыбаясь от уха до уха. – Ой! Разбегаются!

– С первого раза не получится. Повторяйте попытки собрать их вместе.

Надо сказать, что при всем цинизме и нежелании учиться, Маруся поймала себя на том, что сосредоточенно пытается поймать шарики и собрать их в единое целое. Это было похоже на глупую, но увлекательную игру в телефоне...

– Собрала!

– Не все... но достаточно...

Казалось, что Эем может заглядывать в картинки любого ученика. Наверное, так оно и было. Он был похож на учителя, который идет между рядами, высматривая, кто что написал в своей школьной тетради.

– Гематома выглядит как плотное скопление. Теперь там же образовалось плотное скопление шариков. Нам нужно разбить гематому.

– Холодно! Правда холодно!

– Поздравляю!

– Прикоооольно, – обрадовался любопытный студент. – Я направил все шарики в больную десну и она онемела.

– Это не десна, это нерв. Ты можешь убить его так же, как и синяк. Продолжай.

– А я соседние нервы не убью?

– Сейчас... – Эем слегка прищурился, словно производя какое-то действие. – Так лучше видно?

– Ничего себе.

– Теперь не промахнешься.

«А что это за люди?» – неожиданно опомнилась Маруся, отвлекшись на диалог со студентом.

«Ученики».

«Откуда они?»

«Потом расскажу».

«Все на потом».

«Это добровольцы, согласившиеся на инъекцию».

«Почему они согласились?»

«У каждого из них серьезное заболевание. Инъекция может спасти им жизнь».

«От синяков?»

«Начинать надо с малого. Принцип один и тот же».

Сейчас, после этих слов, Маруся более внимательно осмотрела класс. То, что вначале не бросилось в глаза, сейчас казалось очевидным. Несколько женщин сидели в косынках, явно скрывающих отсутствие волос, кто-то был невероятно худым, а кто-то, наоборот, толстым, кто-то даже не мог сидеть и слушал Эема практически лежа.

«Вы, правда, можете им помочь?»

«Спроси у своей мамы».

«Мама умирает!?»

«Уже нет».

«Почему ты так не любишь отвечать на мои вопросы?»

«Я хочу, чтобы ты сама все увидела».

– С силой, как если бы вы захотели резко выдохнуть воздух, чтобы затушить все свечки на свое восьмидесятилетие, выдохните воздух. Только вместо воздуха будут шарики. Вы должны резко вытолкнуть их в сторону уплотнения. Так... Да! Пра-

вильно! Не дайте им разбежаться. Соберите их снова вместе и повторите. Бомбите ее. Разбейте гематому... Так! Так! Еще! Отключаю картинку, а вы продолжаете. Все запомнили действие? Отлично... Продолжайте и смотрите сами на синяк. Смотрите снаружи уже.. Снаружи. Ну?

– Мамочки мои!!! – заголосила женщина. – Его нет!

Маруся даже вскочила с места и подошла поближе. Весьма ощутимый, насыщенно фиолетовый синяк под коленкой бесследно пропал.

На перемене все, как настоящие школьники, толпились в коридоре и ели свои питательные и, если верить Носу, пластиковые обеды из пластиковой посуды. Воодушевленные последним занятием, разновозрастные ученики делились впечатлениями, оголяли руки, ноги и даже животы, демонстрируя успехи и выкрикивая фразы типа «фантастика!», «с ума сойти!» и прочие «не может быть!». А надоедливый студент ходил с широко открытым ртом, пытаясь, видимо, показать своим одноклассникам вылеченный зуб.

– Как вы их находите?

Маруся и Эем стояли чуть в стороне и наблюдали за происходящим с легкой улыбкой.

– По-разному. Обычно они сами приходят.

– Сюда?

– В салоны магии.

– О, Боже! Ну и придурки! Я думала, в салоны магии верят только сумасшедшие тетки.

Эем перестал улыбаться и посмотрел на Марусю с нескрываемой злостью.

– Эти люди начинают верить в волшебство, потеряв всякую надежду. Не вижу в этом ничего плохого.

– Но ведь это обман! Все эти салоны это просто разводка. С людей снимают кучу денег, обещая им помощь...

– И как видишь, помогают.

– Ты что, оправдываешь этот грязный бизнес?

– Нет! Я просто ответил на твой вопрос.

– Но почему там?

– А где? В хирургическом отделении? Как ты себе это представляешь? Человек приходит к врачам, а мы предлагаем ему удалить опухоль при помощи неизвестной инъекции и самолечения?

– Ну да…

– За нами способны пойти только те, кто готов поверить в чудо.

– А зачем это вам? Вы здесь собрались, чтобы вылечить всех людей?

– Нет.

– А зачем? Собираете армию?

– Армию? – на лице Эема отразилось настолько сильное удивление, что Маруся осознала всю глупость своего вопроса. – Я же говорил, начинать надо с малого, а принцип действия одинаковый. Мы можем сделать жизнь людей лучше. Можем научить их лучше понимать друг друга, лечить неизлечимые болезни, жить в гармонии с собой, другими людьми, в гармонии с нами.

– Это, я так понимаю, главное.

– Что?

– Жить с вами.

– Если мы не добьемся этого, мы исчезнем.

– Значит, главная причина все же не благородство, а инстинкт самосохранения?

– Нет, нет, нет. Не так… – Эем задумался. – Мы же делимся знаниями? Мы делаем вашу жизнь лучше.

– Но это всего лишь плата за проживание на нашей территории!

– На вашей?

Эем развернулся и пошел по коридору в сторону лифта.

«Иди за мной», – услышала Маруся его голос.

Они зашли в лифт и неожиданно долго ехали в нем, причем так, что ни одна лампочка на панели не мигала, и догадаться, куда именно едет лифт, было невозможно. Наконец, двери открылись. Прямо за ними находилось небольшое помещение, очень темное и маленькое, как будто это был платяной шкаф. Еще большее сходство со шкафом придавало множество раздвижных дверей, идущих вдоль стены.

Эем вышел и выжидающе посмотрел на Марусю, видимо, предлагая ей следовать за ним. Выходить из светлого лифта в узкий темный коридор было неуютно, но оставаться внутри или уезжать казалось неприличным.

«Я не сделаю тебе ничего плохого», – услышала Маруся.

– Я и не боюсь, – вслух соврала она.

Когда двери за ее спиной закрылись, в «шкафу» пропал единственный источник света и темнота стала такой густой и обволакивающей, что невозможно было даже разобрать, где что находится. Маруся осторожно вытянула руку, чтобы нащупать стены.

«Закрой глаза».

– Зачем? Я и так ничего не вижу.

«Просто слушай, что я говорю, и выполняй».

– Хорошо.

Маруся зажмурилась и тут же перед ее глазами возникла картинка, как тогда на уроке. Словно она видела свое тело изнутри.

«Иди вверх. Найди глаза».

Маруся послушно «двинулась» вверх. Вот голова, вот глаза — они выглядят смешно, как два мячика для пинг-понга. Модель тела была очень абстрактная, словно сделанная из разноцветного конструктора. Словно это был не живой организм, а машина со множеством деталей, проводков, ремней и узлов.

«Заходи в глаза».

– Как в глаза?

– Надо подправить сетчатку, – перешел на голос Эем.

– А где сетчатка?

– Сам шарик видишь? Заходи внутрь.

Маруся не знала, как это сделать. Но почему-то оно произошло само. Она просто стала думать о том, что в этот смешной шарик надо зайти. И, словно уменьшаясь до невероятных размеров, так, что мячик для пинг-понга превратился в целый круглый дом, похожий на обсерваторию, в которую они ездили с классом этой весной, проникла внутрь и оказалась в удивительном мире.

– Глазное яблоко заполнено изнутри гелем, ты его не видишь. Это стекловидное тело.

– Да, мы проходили… кажется.

– Нам нужна задняя стенка. Увеличивай еще.

– Ооох… Фу! Чуть не вляпалась.

– Это вы тоже должны были проходить.

– Ничего не понятно, столько всего. Похоже на внутренности инжира.

– Да, действительно…

– А потрогать можно?

– Нет!

– Что с этим делать?

– Схематизируй.

– Как?

– Думай, думай, Маруся. Ты отдаешь команды мозгу и он выполняет. Вы, все-таки, уникально ленивые существа. Даже не пытаетесь напрягать мозг.

– Не суди по мне, – вздохнула Маруся. – Я не самое умное существо.

– Задай команду, чтобы выглядело схемой. Так ты точно не разберешься.

Маруся послушно отдала команду, на всякий случай представив себе мозг, и ее сразу же вышвырнуло прочь из глаза и занесло куда-то в правое полушарие, которое тут же, подчиняясь команде, стало схематичным и похожим на трехмерный рисунок из учебника.

– Осторооожно! – протянул Эем. – Достаточно послать короткий импульс, а не отправлять волной, которой тебя же саму и смоет.

– Ничего не получается.

– Все получается. Возвращайся обратно.

– На месте, – отчиталась Маруся.

– Эта бахрома, которую ты назвала инжиром, и есть сетчатка. Волокна состоят из так называемых палочек и колбочек.

– Колбочки это которые толстенькие?

– Толстенькие, – вздохнул Эем.

– Ага.

– Толстеньких не трогаем. Нам нужны палочки. Они отвечают за светочувствительность.

– Хорошо.

– Увеличь максимально.

– Да они и так уже огромные, как канаты.

– Возьми любую, выдели ее.

– Как?

– Сконцентрируйся на одной любой палочке.

– Она светится!

– Она не светится, просто мозг выделил ее для тебя, чтобы тебе было проще работать.

– Здорово!

– Теперь нам нужно вытянуть кончик палочки, сделав его острым и превратив палочки в конусы. Мысленно, потихоньку, очень медленно... начинай вытягивать и заострять.

– Он оторвался!

– Я же сказал, медленно!

– Теперь я ослепну?

– Нет. Но будь осторожна.

Из-за страха потерять зрение Маруся постаралась собраться и не допускать больше ни одной ошибки. Вот палочка. Она похожа на шланг, немного неопрятный, словно истрепавшийся от старости. Сконцентрировать на нем внимание и выделить его. Он кажется подсвеченным и выглядит более отчетливо, тогда как остальные ворсинки-шланги теперь кажутся размытыми. Мысленно вытянуть его, заостряя на конце, словно это жвачка, которую пытаешься оторвать от стола, и она тянется, постепенно сужаясь...

– Правильно, молодец.

– Как долго его вытягивать?

– Хватит.

Маруся отпустила палочку и отодвинулась от сетчатки.

– И что, теперь так каждую вытягивать? – с ужасом спросила она. – Их тут миллиарды!

– Больше.

– Да мне жизни не хватит...

– Она все еще светится?

– Да.

– Держи ее во внимании и выдели еще одну, пока не исправленную.

– Получилось.

– Задай команду «выделить подобное».

– Мммм.... Ух ты! Они все светятся.

– Отлично. Теперь команда — «применить ко всем».

– Как в компьютере...

– А кто придумал компьютер?

– Ты?

Маруся услышала, как Эем рассмеялся в голос.

– Нет. Мозг. Придумал его мозг и придумал по своему подобию.

– Все палочки стали конусами.

– Выходи.

– Куда?

– Открывай глаза.

Поразительно, но теперь Маруся видела все, что находилось вокруг. Изображение казалось черно-белым, неярким, но тем не менее.

– Не так уж и сложно, – улыбнулся Эем, и Маруся смогла увидеть его улыбку.

– А как я буду видеть при свете?

– Паршиво, – еще шире улыбнулся Эем, – но это ненадолго. Минут через десять твои глаза начнут возвращаться в прежнее состояние. Мы просто на время изменили их функцию.

– И что теперь?

– Теперь я покажу тебе кое-что.

Эем подошел к раздвижной двери и распахнул ее, разведя руки в стороны.

За дверью оказалась круглая серебристая мембрана – озеро струящегося металла, постоянно меняющее оттенки, переливающееся, словно огромная капля ртути. Цвет мембраны показался Марусе странно знакомым. Да, конечно, это был тот же металл, из которого сделаны предметы! Но только здесь его было много, очень много...

– Это портал, – произнес Эем. – Шагнув в него, мы окажемся совсем в другом месте.

– В него? – Маруся протянула руку и коснулась переливающегося металла. Рука встретила легкое сопротивление, как будто прошла через поток холодного воздуха – и пропала за серебристой мембраной. – Пойдем!

Они шагнули прямо в изменчивую каплю, и ледяной ветер растрепал Марусе волосы.

Место, в котором они оказались, было похоже на огромный, невероятных размеров ангар, стены, пол и потолок которого были так далеко, что едва различались и пропадали в темноте. В первый момент Марусе показалось, что в ангаре пусто – но в следующую секунду пришло понимание, что это не так. Там кто-то был, в этой пугающей холодной пустоте, кто-то еле слышно вздыхал, и шелестел, будто ветер шевелил осенние сухие листья. И еще там мерцали серебристые звездочки, покрывавшие стены ангара.

– Что это? – почему-то шепотом спросила Маруся.

– Это Хранилище. Сердце нашей цивилизации.

– Хранилище чего?

На этот раз Эем не ответил. Маруся сделала несколько шагов вглубь ангара. Стены тут же словно отодвинулись – Марусе показалось, что она может идти очень и очень долго – и все равно никуда не придет. Расстояния здесь были обманчивы.

Тогда она свернула и пошла вдоль стены. Стена казалась живой, словно ее покрывал слой мягкого темно-фиолетового мха. И она дышала – едва заметно.

В помещении было холодно. Маруся обхватила себя руками за плечи.

– Это Хранилище предметов?

– Можно сказать и так. Но еще это место, откуда мы появляемся.

– Вы же инопланетяне!

– Слова ничего не значат. Мы пришли из другого мира, это так. Но это было очень, очень давно. До появления человека.

Маруся обернулась и посмотрела на Эема.

То есть ты хочешь сказать, что изначально это была ваша территория?

Я хочу сказать, что первыми появились здесь мы.

Но люди появились здесь сами по себе, а вы откуда-то пришли! Значит, хотя вы и появились раньше нас, но хозяевами планеты все равно считаемся мы, а вы только гости.

Ну...

Если, например, ко мне в дом придут мои подруги, в тот момент, когда меня нет дома... а я приду позже. Это ведь не значит, что мой дом принадлежит им?

Тебе так важно, кому принадлежит целая планета?

Я просто размышляю.

Как маленький фашист.

Марусе стало очень стыдно. Она не подумала, как это выглядит со стороны.

Удивительно, вы очень похожи на нас, но изначально, с момента появления, гораздо более агрессивны. Вы отстаиваете свои позиции, воюете за них в то время, как между вами нет никакой разницы. Вы даже принадлежите к одному виду.

Но ведь это естественно!

Что? Воевать?

Отстаивать свои позиции. Животные тоже воюют. Потому что идет борьба за выживание.

Интересно, какие?

Например, львы! – с воодушевлением начала рассказывать Маруся. – Сражаются за свою территорию с другими львами. Потому что в одном месте больше еды, а в другом меньше.

Объединившись в одну большую стаю, львы могли бы добывать больше пищи, и все были бы сыты.

Маруся задумалась над таким очевидным фактом, который почему-то никогда не приходил ей в голову.

А если бы косули кончились? – задала она спасительный вопрос.

Не кончились бы. В природе все уравновешено. Если бы львы стали убивать больше косуль, косули научились бы: а) быстрее бегать, б) быстрее размножаться, в) у них еще лучше развилось бы зрение...

Но тогда львам стало бы сложнее их догнать!

Да, но львов было бы больше, и их система организации во время охоты тоже изменилась бы.

А вода? Она – в ограниченном количестве. Приходится сражаться за место, где больше воды.

Всю воду не выпить.

Ну вот неправда! В пустыне бывают места с ограниченным количеством влаги.

Маруся, в природе все умеет подстраиваться. Это и есть эволюция. Эволюция это гармония. У жирафа длинная шея, потому что надо есть зеленые побеги, которые находятся высоко. Следующий этап – побеги начинают расти еще выше, потому что дерево хочет выжить. Но и жираф хочет выжить, значит, его шея станет еще длиннее. Есть существа, живущие в кипящей воде у жерла подводного вулкана, а есть существа, живущие во льду. Есть существа, живущие без воды, и есть те, кто летает в небе.

Тогда в чем проблема?

В немотивированной агрессии. Она просто есть у земных существ, но не имеет эволюционного оправдания.

Это инстинкт самосохранения и выживания.

Это попытка миновать некоторые стадии эволюции. Перепрыгнуть через них, обходя естественное развитие. Вы вложили всю силу в кулаки, а не в разум.

То есть можно дать по морде и отнять, а можно договориться?

Именно.

Вы договариваетесь.

Да.

И поэтому умнее нас.

К сожалению.

Почему же вы проиграли?

Потому что сила эффективней.

Так значит, человечество развивалось более правильно, чем вы?

Нет! Оно пошло по более простому пути. Более короткий путь не значит лучший.

Ну как же не значит? Вы на грани исчезновения, а мы плодимся и процветаем.

И умираете от рака.

Но...

И даже маленькая холестериновая бляшка, застрявшая в сосуде, может вас убить.

А вас нет?

Представь бляшку, застрявшую в сосуде. Посылается сигнал в мозг и стенки сосуда начинают сокращаться, выталкивая бляшку, не давая ей там зависнуть. Организм выделяет вещества, которые обнаруживают врага и расщепляют его.

Так не бывает.

Потому что не умеете управлять собственным организмом.

А рак?

Та же схема.

Можно лечить самовнушением?

Это не самовнушение! Но, если тебе так понятнее, то да.

Нет!

Да, Маруся, да. В десятый раз повторяю тебе, все начинается с малого, но схема одна. Управлять собой, своей жизнью, своим организмом — просто. Договариваться — просто. Дружить — просто. Взаимодействовать — просто. Проще и приятнее, чем махать кулаками.

Вы ботаны! – рассерженно выкрикнула Маруся.

А вы идиоты, – совершенно спокойно и с нескрываемым разочарованием сказал Эем.

Совсем неожиданно мирный разговор перерос в горячий спор, в котором Маруся почувствовала, как внутри нее разгорается агрессия и даже ненависть к этому виду. Но что плохого они сделали? Ничего. Просто были... умнее людей? Луч-

ше? Но отчего такая обида и желание накричать или даже ударить. Желание уничтожить противника?

Ты разозлилась.

Да.

Видишь.

Маруся кивнула.

Из-за такого же конфликта, как и сейчас, люди нас практически уничтожили.

Почему так? Ведь головой я понимаю, что ты прав, но именно это и раздражает.

Наверное, на этой планете с самого начала все пошло не так. Земля как будто торопится жить. Будто она знает, что ее век недолог…

Она живет уже много миллиардов лет.

Пять это много?

Ну…

Это детский сад.

И что, она скоро умрет?

Скоро – это понятие относительное. Но если будет и дальше так бежать, то скоро. Вам пора остановиться и начать думать. В том числе и о том, как жить дальше, когда Земля погибнет.

И вы можете нам в этом помочь?

Да.

Ценой того, что мы позволим вам жить рядом?

Ценой того, что мы позволим… Откуда такие амбиции?

Как-то… по привычке, – покраснела Маруся.

Если врач попытается спасти тебе жизнь, ты тоже скажешь ему «позволяю вам спасти меня ценой того, что дарю вам жизнь?»

Да, это было очень глупо и некрасиво с моей стороны…

Темнеет… – сменил тему разговора Эем. – Нам пора уходить.

Только сейчас Маруся обратила внимание, что они опять стоят в полной темноте. Разумеется, десять минут давно прошли и глаза вернулись к своему обычному состоянию.

А откуда взялись предметы?

Мне надо продолжать урок. Спроси о предметах маму.

Марусе не хотелось уходить из Хранилища, но холод уже пронизывал ее до костей. Они вернулись к порталу-мембране, который был едва заметен в окружавшем их беспросветном мраке.

– А где находится Хранилище?

– Под землей.

– Но где?

– Не так уж это и важно. Приготовься, сейчас мы выйдем в коридор, и у тебя могут заболеть глаза.

Так и произошло. Электрический свет хлестнул по глазам, как плеть.

Плохо видно...

Сейчас привыкнут...

А чем мама тут занимается?

Людьми. Это её сектор.

В кармане завибрировал телефон. Маруся прочитала сообщение: «Не хочешь поужинать с гостями?» Папа. Маруся посмотрела на часы — нужно было контролировать время, чтобы не пропасть слишком надолго, а то он снова забьет тревогу. Пока Маруся набирала ему ответ, лифт остановился, раскрыл двери и в него вошел кто-то еще. Маруся машинально подняла глаза, чтобы посмотреть на попутчика и расплылась в смущенной улыбке. Это был Илья.

– Привет... – из-за внезапно охватившего волнения голос Маруси превратился в шепот.

– Привет, – не менее взволнованно поздоровался Илья и отчего-то сразу отвернулся, опустив голову.

Маруся мельком посмотрела на Эема, но он не проявил к случившемуся никакого интереса.

Маруся прокашлялась, чтобы вернуть себе голос.

– Ты будешь слушать продолжение? – спросил Эем.

– Да... наверное.

– Это полезно, чтобы ты лучше разбиралась в том, что здесь происходит.

– Я, кажется, уже все поняла...

Теперь к Марусе обернулся Илья.

– Давно тут? – спросил он с максимально равнодушным видом, стараясь не смотреть в глаза.

– Второй раз.

– Ясно.

Лифт остановился и все вышли в коридор.

– А ты?

– Недавно, – сухо ответил Илья и остановился, словно давая Марусе и Эему пройти вперед.

Марусе очень не хотелось уходить, но не пойти на лекцию тоже было бы неприлично, поэтому она сделала несколько шагов по направлению к аудитории, потом притормозила и, сделав вид, будто забыла спросить что-то важное, вернулась к Илье.

– Слушай, я...

– А? – Илья, похоже, уже успел погрузиться в свои мысли.

– Прости.

– Да все нормально. Задумался.

– Я отвлекаю?

– Нет... Не очень.

– Ты кого-то ждешь?

– Вообще-то... да.

– Носа? – с надеждой в голосе спросила Маруся.

– Вообще-то...

– Нет?

– Нет.

– А... Алису?

– Нет.

– Другую девушку?

– Да.

Вот тебе и на! Значит, Носов наврал? Никакой несчастной любви Илья не испытывает? Он уже вполне счастлив с какой-то другой, а Маруся вызывает у него такое нескрываемое раздражение, что он даже не может с ней нормально разговаривать? Но ведь она сама слышала тот их разговор в коридоре... Или не так поняла?

Все это было как-то неожиданно, неприятно и весьма обидно. С одной стороны, Маруся так давно не видела Илью, что любовь к нему немного ослабела, с другой стороны, после откровений Носа в сердце снова пробежала искра и где-то глубоко в подсознании Маруся рассчитывала на большое и светлое чувство... или хотя бы на его демонстрацию. Ей было приятно думать о том, что Илья страдает. Циничный, непробиваемый Илья, который, казалось, вообще был не способен на чувства.

– Ты, кажется, не очень настроен разговаривать... – с отчаянием выдохнула Маруся.

– Да.

– Ты можешь сказать что-нибудь кроме «да» или «нет»?

Илья выдержал паузу.

– Нет.

Конечно же, это было окончанием разговора. О чем еще можно говорить, если тебе прямым текстом заявляют, что говорить не о чем. Но именно из-за такого жесткого отпора развернуться и уйти никак не получалось. Хотелось выяснить — почему? Хотелось задать сразу миллион вопросов. Хотелось восстановить справедливость. Какую? Непонятно, но то, что сейчас происходило, казалось верхом несправедливости. Маруся понимала, что должна быть гордость и где-то она даже была. Она посылала слабо уловимые сигналы, требуя улыбнуться и уйти. Гордость говорила, что нельзя показывать свою

слабость. Говорила, что нельзя демонстрировать свою уязвимость, и что-то еще, и еще, и еще...

– Ты как-то очень изменился что ли... – продолжила диалог Маруся.

– Может быть.

– Даже не улыбаешься.

Илья ничего не ответил.

Марусе стало очевидно, что вот сейчас они стоят рядом. Он – неприступная скала. Высокий, холодный, твердый. Она же, унизительно виляя хвостом, вьется вокруг него и пытается выбить из скалы хоть одно ласковое слово, хоть один взгляд, который, ну хотя бы слегка, хотя бы намеком, выдал бы в нем живого человека.

«Возвращайся в аудиторию», – неожиданный голос Эема в голове.

Так не вовремя! Или так вовремя?

«Сейчас».

«Быстро».

«Я хотела поговорить со своим знакомым, давно его не видела», – стала мысленно оправдываться Маруся.

«Ты только делаешь ему больно. Иди в класс».

Почему он так сказал? Почему больно?

«Скажи ему «пока».

– Ну, пока... – послушно повторила Маруся.

– Пока, – без тени эмоций попрощался Илья.

Все следующую лекцию Маруся честно проспала. Может, из-за расстройства, а может, просто накопилась усталость, что, конечно, было не удивительно, ведь последние несколько дней были так насыщены событиями, а вот времени поспать не нашлось совсем.

Эем, как ни странно, ее не разбудил и даже слегка улыбнулся, когда они встретились взглядом, сразу после того, как Ма-

руся открыла глаза. Она лежала, свернувшись калачиком, и прижавшись спиной к стене, а он в это время рассказывал аудитории про то, каким образом можно развивать свои физические способности.

– Четко следуя линиям волокон, достраиваем цепочку, закрепляя ее в узлах. Если мы говорим про поднятие тяжестей, то двуглавую и дельтовидную мышцу следует укрепить цепочкой вдоль линии и обязательно в несколько витков опоясывающей.

– Но ведь во время поднятия мышца увеличивается в размерах? – снова спросил дотошный студент.

– Цепочка весьма подвижна, она никак не мешает работе мышц, вы словно достраиваете волокна, делая их более сильными. Но, разумеется, одними руками это не ограничивается.

– То есть достраивая цепочку одних только рук, я не смогу поднять большой вес?

– Разумеется, нет. Грубо говоря, усилив только кисть, вы сможете с легкостью крошить орехи или даже камни, – улыбнулся Эем. – Чтобы поднять очень большой вес обеими руками, придется армировать также мышцы спины, груди, живота...

– А хватит ли того количества препарата, который у нас есть, на такое подробное армирование?

– Нет. Но мы со временем доведем его количество до необходимого объема.

«Это лекция для мальчиков?» – спросила Маруся.

«Для всех. Любому может понадобиться совершить физическое действие, выходящее за пределы человеческих возможностей».

«У нас принято, чтобы этим занимались мужчины, а женщины просто бежали рядом».

«Зря прослушала, потом придется повторять для тебя».

– На сегодня занятия окончены, – попрощался со всеми Эем. – Желающие попрактиковаться могут пройти в зал к Аною. Только не ждите чуда после первой же тренировки.

– А когда будет следующая инъекция? – спросила молодая девушка в бледно-голубой косынке.

– Пока нельзя.

– А если я не доживу до следующей?

– Этого количества хватит, чтобы дожить, – ласково улыбнулся Эем.

«Она умирает?» – спросила Маруся, рассматривая несчастную девочку с тонкими руками-веревочками.

«Да».

«Вы можете ей помочь?»

«Мы стараемся».

«Значит, ваши технологии тоже не всесильны?»

«Нельзя вводить сразу много препарата. Необходимое ей количество может ее убить даже быстрее, чем болезнь. Приходится растягивать и добавлять по капле. А время идет».

«А что будет, если ввести сразу много?»

Студенты собирались и выходили из класса, благодаря Эема за лекцию. Каким-то образом он успевал отвечать и им, и Марусе.

«Чем больше препарата в организме, тем сильнее зависимость. Постепенно она может впасть в такое же состояние, как и мы».

«Но вы не выглядите умирающими».

«Это как наркотик».

«Что это за инъекция?»

«Подожди меня в коридоре».

Маруся увидела, как Эем подошел к девочке в косынке и помог ей встать. Сделав движение вверх и обхватывая Эема за плечи, девочка приподнялась, но ее коленки тут же подогнулись, и Эем осторожно опустил ее обратно на пол и сел рядом

с ней. Она почти сразу обняла его и заплакала. Зрелище было настолько душераздирающим, что Маруся поспешила послушаться совета и выйти, однако оторваться от этой страшной и печальной картины она не могла и продолжала наблюдать за ними сквозь дверной проем.

Девочка спрятала лицо и только по ее вздрагивающим плечам было понятно, что она все еще плачет. Эем что-то шептал ей на ухо, потом аккуратно уложил на спину и положил ладони на ее живот.

Маруся почувствовала, как каждая ее клеточка завибрировала от нестерпимого желания помочь. Сама не понимая, что делает, она решительно вошла в комнату, опустилась на коленки с другой стороны и тоже приложила руки к животу девочки.

«Ты чувствуешь?»

«Да».

«Видишь очаг?»

«Да».

Как это происходило? Почему вдруг она ощутила это волнение и холод внутри. Каким образом, без всякой посторонней помощи увидела то место, в котором поселилось зло?

«Ты сильнее меня».

«Я не знаю, что делать».

«Выдели это место, держи его».

«Как?»

«Ты должна окружить весь участок. Держи фоном, пока я буду работать».

Глаза Маруси были раскрыты и она смотрела на свои руки, но видела совсем другое. Видела пораженный участок, похожий на большое расплывшееся чернильное пятно. Видела свет, густой и вязкий, как гель. Он шел прямо из ее рук и обволакивал пятно, запирая его в капсулу. Она даже видела действия Эема — из его рук в светящуюся капсулу спускались

тончайшие серебристые нити. Они извивались, впиваясь в пятно и постепенно чернея, словно по микроскопическим капелькам вытягивая эти убийственные чернила.

«Очень медленно», – сокрушенно пожаловался Эем.

«Оно почти не уменьшается», – согласилась Маруся.

«Я отключусь. Не разговаривай со мной, что бы ни случилось. Мне нужно сконцентрироваться».

Теперь нити стали заметно толще. Они были похожи на тонкие и длинные смерчи, сквозь которые, как через воронки, затягивалась и уносилась болезнь. Пятно стало уменьшаться, не так быстро, как хотелось бы, но, по крайней мере, процесс стал заметен.

Внезапно Маруся услышала странный звук, словно глухие всхлипывания. Такие, которые случаются, если человек начинает задыхаться. Она переключила внутреннее зрение на внешнее и посмотрела на Эема. Его лицо стало почти совсем прозрачным и от того страшным. Посиневшее, высохшее, словно из него откачали всю жидкость. Закрытые глаза ввалились, а от его рук, по голубым венам поползло что-то черное и густое.

Первым желанием было окрикнуть его. Прекратить эту процедуру, которая теперь убивала и его тоже, но ведь он просил не разговаривать, что бы ни случилось. Значит, он понимал, что произойдет, и понимал, что это испугает Марусю. Но что если он сам не ожидал такого? Что если он действительно умирает?

Как ему помочь? Как понять, что делать?

Маруся зажмурилась.

Сконцентрироваться.

Отключить сознание.

Дать телу самому решать, что делать.

Маруся гнала от себя мысли про время, про папу, который наверняка уже ее потерял, она старалась не думать даже

про Эема и про девушку. Сильнейший болевой спазм охватил всю голову, словно сжав мозг в тиски. Боль казалась совершенно невыносимой, хотелось кричать, но едва напрягая голосовые связки, Маруся только усиливала боль. Нет, нет, нет... невозможно. Голова сейчас взорвется. Маруся почувствовала щелчок, словно черепная коробка в самом деле треснула, а дальше мир вокруг превратился в свет. Кроме света не было ничего. Тот самый густой, полупрозрачный свет, словно гель, кисель, пудинг, молочный пудинг, вязкий, с голубым оттенком, свет, который можно зачерпнуть рукой, который можно почувствовать, осязать. Внутри этого света – тень. Как тень на облаке. Чья тень? Нити. Много-много-много. Сотни, тысячи, миллионы, миллиарды нитей вырываются и бегут вперед, окутывают тень, пронзают, наполняют.

Снова удар, щелчок и темнота.

– Стоп!

Сначала Маруся почувствовала пол под головой. Голова шумела, но боль ушла. Болел только затылок, которым, похоже, она ударилась, словно упала навзничь.

– Что вы творите?

Голос мамы.

Маруся приоткрыла глаза и увидела ее над собой. Но мама смотрела не на нее. Она смотрела куда-то в сторону.

Маруся села и увидела девушку и Эема.

Девушка все так же лежала без чувств, или спала... Или была мертва.

Эем пытался приподняться на локтях — видимо, тоже упал от удара.

– Ты мог убить себя.

– Я все контролировал.

– Я рада, что ты столь благороден, что готов пожертвовать собственной жизнью ради спасения пациентки, но этого того

не стоит, – ругалась Ева. – Твоя жизнь стоит намного дороже. Она важнее.

– Как можно так говорить? – с отчаянием выкрикнул Эем.

– Ты можешь спасти миллионы. Можешь научить их. Таких, как ты, единицы!

– Но я ведь жив.

– А ты? – Ева обернулась к Марусе. – Зачем ты ввязалась? Ты же еще ничего не умеешь. Ты вообще не контролируешь себя!

– Я просто хотела помочь, – прошептала Маруся, и ее слова снова отразились головной болью.

– Отлично! Один чуть не убил себя, спасая Ольгу, вторая чуть не убила себя, спасая тебя... Опоздай я на пять минут и у меня было бы три трупа.

– Так это была ты? – словно не слыша слова Евы, посмотрел на Марусю Эем.

– Она отправила в тебя разряд в десятки тысяч арконов.

– Во что? – поморщилась Маруся.

– Этой силой можно было бы взорвать каменный мост, — объяснила Ева, которая стала понемногу успокаиваться.

– Я ничего не понимаю...

– Именно. Но уже сунулась помогать.

– А что я должна была делать?

– Позвать меня.

– Как?

– Как?!?

По маминому возмущению Маруся поняла, что решение было элементарным. Конечно, мысленно, ведь они уже умели разговаривать на расстоянии. Но почему она не подумала об этом? Была напугана? Или все еще не до конца доверяла маме?

– Да, прости... А что с девочкой? – спросила Маруся, глядя на Ольгу.

– Неважно, – жестко отрезала Ева.

Эем подполз к Ольге, приложил ладонь к ее животу и не смог сдержать улыбки.

– Да, да… отличная работа, – все еще недовольно прокомментировала Ева. – А теперь оба в медицинский корпус. Я не хотела этого делать, – повернулась Ева к Марусе, – но ты вынудила меня.

– Мне надо домой, – замотала головой Маруся.

– Об этом не может быть и речи.

– Я не хочу скандалов.

– А что ты хочешь? Умереть?

– Я не умру, – улыбнулась Маруся, – я, кажется, безнадежно бессмертная.

Она быстро засунула руку в карман и сжала в ладони змейку.

ГЛАВА 8

Учитель

В квартире было тихо и холодно. Папа еще не приехал с ужина и это было прекрасно — чем меньше вопросов, тем лучше. К тому же сил на долгие разговоры сейчас явно не хватало. На Марусю наваливалась слабость и с каждой минутой она становилась все сильнее и сильнее. Словно тело из легкого и живого превращалось в чугунный столб.

Маруся накинула на плечи теплую кофту и взяла пульт управления климатом. Двадцать пять градусов. Странно. По ощущениям было гораздо меньше.

Она включила обогреватель и полезла в ящик с медикаментами. Где-то должен быть градусник.

Пока измерялась температура, Маруся включила кофеварку. Очень хотелось сделать пару глотков горячего шоколада, а еще залезть в ванну с кипятком или в сауну.

Градусник подал звуковой сигнал. Ну, что там?

Двадцать восемь и три.

Маруся покрутила градусник в руках, подставила под струю горячей воды в ванной. Цифры начали быстро сменять одна другую. Работает... Но, видимо, врет.

Где-то должен быть еще один градусник. Старинный, из стекла и ртути. Папа хранил его в специальной коробочке, вырезанной из пробкового дерева. Говорил, что это самый точный градусник на свете, хотя Маруся относилась к нему скорее как к антиквариату. Но где он?

Маруся зашла в папин кабинет и раскрыла створки шкафа. Здесь папа хранил свою коллекцию странных вещей, приве-

зенных с разных концов света. Компасы, весы, глобусы, измерительные приборы с монохромным экраном, телефоны с трубками и шнуром — интересно, зачем телефону шнур? Чтобы трубка не потерялась? Маруся пожала плечами и увидела искомую коробочку. Достала градусник — красивый, прозрачный, с блестящей трубочкой жидкого металла. Расстегнула кофту и сунула градусник подмышку.

Теперь нужно было подождать. Этот градусник не пищал и вообще никак не проявлял себя. По рассказам папы, необходимо было подождать минуты три, а потом посмотреть на шкалу, до какой отметки дотянулся столбик.

Маруся села в кресло и посмотрела на часы. Время тянулось медленно, но, наконец, три минуты миновали, и она с нетерпением достала стеклянный прибор из-под руки.

Ничего. Ртуть осталась на месте, даже не тронувшись с места. Самой низкой отметкой на шкале было 34 градуса. Значит, у Маруси ниже. Но как может быть ниже, если ниже тридцати четырех это смерть?

На кухне звякнула кофеварка, извещая о готовности горячего шоколада. Маруся попыталась встать, но это простое действие оказалось невыполнимым. Словно мышцы тела окончательно потеряли тонус и теперь больше не могли поднять ее. Каждое движение давалось с большим трудом. Маруся даже испугалась, что следующим, за руками и ногами, будет сердце, которое также станет тяжелым, неподъемным и не сможет больше перекачивать кровь.

С сожалением приходилось признать, что мама в очередной раз оказалась права. Маруся не знала, что именно она собиралась сделать и почему отправила их с Эемом в медицинский корпус, но, видимо, это было необходимо.

Возникла очередная дилемма. Дождаться папу и, возможно, умереть, или как можно быстрее вернуться на базу... но что сказать папе?

Времени на размышления не хватало. Из последних сил Маруся достала телефон и нажала на кнопку вызова.

– Свет? Не спишь? Привет. Можешь сделать для меня кое-что? Если будет звонить папа, подтверди, что я у тебя... Потом расскажу. Спасибо!

Еще через несколько секунд Маруся перенеслась на базу. Она даже не успела понять, где именно оказалась, так как сразу же потеряла сознание.

Очнулась Маруся уже в палате и первым ощущением стала паника, так как она совершенно не чувствовала левой руки. Повернуть голову не получалось и казалось, будто руку ампутировали, потому что вот она, правая — Маруся смогла легонько пошевелить ею, вот правая и левая ноги — они тоже шевелились, еще слабо, но все-таки. А левой руки не было совсем.

– Проснулась?

Маруся перевела взгляд в сторону голоса и посмотрела на маму. Она сидела рядом, подпирая обеими руками голову, как человек, который вот-вот упадет от усталости и недосыпа. Видимо, она просидела рядом с ней всю ночь.

– Мама? – прошептала Маруся.

– Лучше не разговаривай, ты еще слишком слабая.

– Где рука?

– Рука на месте — улыбнулась Ева, – она просто онемела от укола.

Маруся нахмурила брови, беззвучно задавая вопрос.

– Нам пришлось сделать тебе инъекцию.

– Зачем.

– Ты могла умереть.

Маруся закрыла глаза. Было непонятно, хорошо это или плохо. Впрочем, сейчас непонятным было абсолютно все.

– Я не хотела этого, – снова заговорила Ева, – не была уверена. Ты не такая как все. Маруся, я не знаю, как эта инъекция

отразится на тебе. Но у меня не было выбора. Я очень испугалась того, что вчера произошло. Ты очень... Ты невероятная, понимаешь? Ты сильнее нас всех. Но ты не умеешь управлять этой силой. Вчера то, что ты сделала... ты очень хорошо поступила. Но ты чуть не убила себя.

Мамины слова звучали как оправдание. Это напрягало. Почему она не хотела делать инъекцию? Как именно это может отразиться?

– Что это за укол? – наконец спросила Маруся.

– Раствор с уникальными элементами. Это долгая история...

Маруся стала понемногу согреваться. Слабость отступала и даже левая рука вернулась на место. Она все еще была онемевшая, словно Маруся отлежала ее, но главное, что теперь ее можно было почувствовать.

– Отпускает?

– Да.

– Попробуй пошевелить пальцами...

Маруся сделала легкое движение.

– Да... Хорошо... ты даже порозовела.

– А была какой? – улыбнулась Маруся.

– Синей, – улыбнулась в ответ Ева. – Эта инъекция помогает аркам существовать и, как выяснилось, помогает людям. Она словно дает способности человеческому организму.

– Очередная попытка создать новую расу? – усмехнулась Маруся.

– Да, – абсолютно серьезно ответила Ева, – и я очень надеюсь, что на этот раз она пройдет успешно.

– Откуда такая уверенность?

– Потому что у нас уже довольно большая организация, потому что мы учли все ошибки предыдущих поколений и потому что с нами наш Учитель. А он поистине великий человек.

– Человек?

– Да, – глаза Евы засияли, – человек, который осознал проблемы людей, который потратил много лет на изучение арков. Человек, сделавший все для спасения этой планеты и ее населения.

– Кто он?

– У него нет имени. Мы называем его Учитель. Когда-то он нашел меня в тайге и спас мне жизнь. С тех пор я всегда рядом… Я познакомлю вас.

– Зачем? – пожала плечами Маруся.

– Потому что если ты будешь с нами, мы победим.

– Опять…

– Нет, малыш. Вчера ты жертвовала жизнью, чтобы спасти больную девушку и своего друга. А теперь представь, что ты можешь спасти всех.

– Но как я могу всех спасти?

– Просто будь с нами.

Ева быстро, словно испуганно, улыбнулась и встала с постели.

– Я должна идти.

– А я?

– А тебе нужно еще какое-то время полежать.

– Мне нужно хоть иногда появляться дома, иначе папа заподозрит…

– Папа очень увлечен подготовкой к запуску проекта… думаю, ему сейчас не до тебя.

Отчего-то эти слова задели Марусю.

– Ему всегда до меня, – с нажимом отчеканила она, вызвав на лице Евы неподдельную боль.

– Я скоро вернусь… Позову кого-нибудь, чтобы составили тебе компанию…

Маруся кивнула.

– У вас тут даже телеков нет, – со вздохом сказала она.

– А он тебе нужен?

– Нет… но в палате должны быть развлечения.

– Это не палата, – закачала головой Ева, – и здесь совсем другие развлечения.

Маруся скинула одеяло и потянулась.

Она почти полностью ожила и чувствовала себя гораздо лучше. И не просто лучше, а полной сил, будто ее и правда зарядили энергией и теперь ей хотелось бегать, прыгать и совершать какую-нибудь безумную физическую активность.

Проявлять активность в медицинском корпусе было крайне сложно. Здесь было тихо, стерильно и невероятно скучно. По обе стороны марусиной кровати стояли ширмы из пластика, покрытого серым цветочным орнаментом, так что увидеть то, что находилось по соседству, было невозможно, но, скорее всего, там тоже стояли кровати и, возможно, на них тоже лежали люди, которым недавно сделали инъекцию.

Маруся подождала несколько минут и, не услышав никакой активности за стенками, встала с кровати. Это получилось так легко, будто она подпрыгнула и опустилась на пол. Возникло ощущение, что если бы она действительно прыгнула, то оторвалась бы от земли и взлетела. Почему бы не попробовать? В конце концов, никто не знает, какая у нее суперсила и какие возможности могли открыться после введения элементов инопланетного сплава.

На всякий случай Маруся отошла подальше, слегка согнула колени и изо всех сил оттолкнулась ногами от земли. Прыжок получился действительно высоким и легким, но зависнуть в воздухе она не смогла. А если не так… Что если… Что если воспользоваться уроком Эема? Маруся, конечно, проспала все самое важное, но какие-то основные моменты она все же запомнила.

Увидеть свои ноги изнутри. Схематизировать. Выделить мышцы, которые задействованы во время прыжка. Армировать. Честно говоря, Маруся не особо старалась сделать все

правильно, к тому же она не знала, как правильно — пьянящее ощущение всесилия, уникальности и фантастичности затмевало рассудок. Хотелось попробовать, не особо заботясь о конечном результате.

Пытаясь рассуждать логически, она пропустила сквозь волокна мышц цепочки из мельчайших металлических шариков, закрепляя их в узлах. Узлах, узлах... где узлы? Маруся задала новые параметры и мозг выделил тазобедренный сустав, колени и голеностоп... Могла бы и сама догадаться...

– Эй! Ты в порядке?

Голос Ильи прозвучал так неожиданно, что Маруся, сама того не желая, подпрыгнула и, оттолкнувшись ладонями от потолка, ударилась о ширму и упала на бок.

Его руки моментально подхватили ее и подняли в воздух.

– Ты что?!

– Испугалась...

– Не ударилась?

– Нет!

Сердце бешено колотилось.

– Как ты это сделала?

– Просто...

– Просто?

– Надо попробовать на улице, — улыбнулась Маруся.

Волна счастья накрыла с головой. Было приятно ощущать новое тело, новые силы и, главное, то, что Илья был рядом и разговаривал с ней.

– И кто тебя потом будет ловить?

– Ты.

– Я не буду...

– Почему?

– Пусть тебя Эм ловит.

– Ты ревнуешь? – растаяла от удовольствия Маруся.

– Я работаю.

– И тут тоже?

– Просто шел мимо.

– Правда?

– Надо было проверить кое-что…

– А я думала, это мама тебя прислала.

– Нет.

– И ты не знал, что я здесь?

– Откуда я мог знать?

– Может, потому что ты делал инъекцию? – из-за ширмы показалось ухмыляющееся лицо Носа.

– Сгинь отсюда…

– Извините, я, кажется, помешал… – скорчив трагичную гримасу, загундел Нос.

Маруся встала на ноги и сделала шаг в сторону. Она почувствовала легкое, но задорное смущение, как будто их с Ильей действительно застукали во время свидания.

– И давно он носит тебя на руках?

– Какого черта ты сюда приперся?

Маруся с интересом посмотрела на Илью. Стоило отметить, что он выглядел не менее смущенным.

– Ева прислала.

– Ну и отлично, тогда я ухожу.

– Не, не, не! – Нос быстро замотал своими длинными руками. – Лучше уйду я.

– Лучше бы ты и не приходил! – с притворной злостью сощурилась Маруся.

– Ты так добра! Вообще-то я шел тебя проведать.

– Ну все, пока… – Илья развернулся и направился в сторону выхода.

– Я тебя ненавижу! – зашипела на Носа Маруся.

– Да куда он денется?

Маруся дождалась, когда за Ильей закроется дверь и схватила Носа за руку.

– Что у него за подруга?

– Какая подруга?

– Он сказал, что ждет девушку, и что это не ты.
– Ну спасииибо!
– Тьфу ты, черт! В смысле, что ждет не тебя, а девушку!
– Коалу?
– Коалу?
– Оала, его напарница из этих...
– Из кого этих? Ааа... из этих?
– Слушай, ну она же страшная!
– Правда, страшная?
– Да вообще. Как бегемот.
Маруся вздохнула с облегчением.
– А он точно ее не любит?
– Ты бы ее видела!
– Ну, может, у нее характер прекрасный?
– У Коалы?
– Ну!
– Слушай, пойдем пожрем лучше!
– Да что ты все жрешь, да жрешь?
– У меня растущий организм.
– Куда тебе еще расти?
– Ты не понимаешь, у меня мозг растет. Мозг!
Маруся осмотрелась по сторонам.
– Мне даже одеть нечего. Не в рубашке же топать?
– Отличная рубашка. Тут все так ходят.
– Как так? Это больничная рубашка!
– На ней не написано, что она больничная. И вообще, тебе все идет.
Маруся критично осмотрела рубашку, вытянув подол перед собой и делая его то короче, то длиннее.
– Гумилева, пошли жрать, а?
– Да не хочу я жрать.
– У меня уже в животе бурчит. А знаешь по...
– У тебя пояс есть?

– Нет.

– А веревка?

– Ты знаешь, что происходит у меня в животе?

– Нет! И надеюсь, что никогда не узнаю.

– Желудочный сок…

– Нос!

– Разъедает!

– Что разъедает?

– Желудок.

Маруся выдержала паузу, потом встала на четвереньки и заглянула под кровать.

– Соляной кислотой.

– У меня даже тапочек нет!

– Ты знаешь, что чувствует человек, когда его тело разъедает изнутри концентрированной соляной кислотой?

– Куда они дели мою одежду?

– У меня там раны! Ужасные кровоточащие раны…

Маруся выглянула из-под кровати и посмотрела на Носа снизу вверх.

– Нос! Я не поняла, это ты меня навещаешь или я тебя? Кто из нас больной?

– Что-то ты не похожа на больную.

– Зато ты похож.

– Это пока голодный.

– А сосиски тут есть?

– Сосиски? Ну можно соорудить… наверное.

– Только сначала сооруди мне тапки.

– Оооох! Как с тобой сложно! – Нос скинул с ног кроссовки сорок седьмого размера и подтолкнул их ногой к Марусе. – Пойдем уже!

– Я в этом не пойду.

– Что опять не так?

– Это лыжи!

– Отличные кроссовки. Модель этого года.

Маруся недовольно поморщилась, но в кроссовки влезла.

– Они уродские.

– Извини, я тебя на руках таскать не буду.

– Знаешь что?

– Еще нет…

– С возрастом ты стал еще ужасней!

– Это нравится девушкам.

– Пандам?

– Каким пандам?

– Или как их там… Коалам?

Нос расхохотался.

Маруся прошаркала за ширму и заглянула в соседний сектор. Там было пусто.

– Здесь что, кроме меня никого нет?

– Нет.

– Значит, Илья не просто так проходил мимо?

– Да говорю же тебе!

– А он правда делал мне инъекцию?

Нос кивнул.

– Круто. А почему он?

Нос выглянул за дверь, взял Марусю за руку и потащил за собой.

– Идем, пока никого нет.

– А меня не убьют за то, что я вышла из палаты?

– Они никого не убивают, – отмахнулся Нос.

Тем не менее, чувствовал он себя не совсем уверенно. Постоянно оглядывался и, прежде чем свернуть, внимательно изучал каждый следующий поворот, наблюдая из-за угла.

– Кому-то, кажется, влетит, – ехидно заметила Маруся, хотя в глубине души она была очень рада, что они избегают встреч. В таком виде встречаться ни с кем не хотелось.

– Не дрейфь... Найдем мы тебе сосиски, – невпопад ответил Нос и, еще крепче сжав марусину руку, вывел ее на лестницу.

– Ну уж нееет, – возмутилась Маруся, по ступенькам в таких лыжах я точно не пройду.

– Ты умеешь ставить зеркало?

– Это то что... Эем рассказывал.

– Тебе объясняли – как?

– Еще нет...

– Ок... Давай попробуем другой вариант.. У тебя есть какая-нибудь любимая песня, которую ты знаешь наизусть?

– Кажется, ты совсем рехнулся...

– Ну есть?

– Ну есть.

– Можешь ее громко петь про себя? В голове. Не вслух, а в голове, но как будто ты очень громко поешь?

– Могу, наверное...

– Пой. Только очень громко.

Маруся отшатнулась от Носа, как от безумного.

– Пожалуйста. Пой... Пой песню.

Нос быстро достал из кармана сложенный в несколько раз листок, сунул его в руки Марусе и быстро сбежал по лестнице, оставив ее одну.

Видимо, этот странный поступок был настолько неожиданным, что заставил мозг работать быстрее и, каким-то образом Маруся догадалась, что громкое пение «про себя» должно заглушить то, что она прочитает в записке. Она наклонилась, подняла лист бумаги и развернула его.

«Я отключил этот сектор от наблюдения. Надеюсь, ты поешь достаточно громко? Обернись и посмотри на стену. Там есть отметка».

Петь и читать записку было очень сложно. Марусе казалось, что слова вплетаются в текст песни и предательски выдают себя.

«Это самое хрупкое место на базе. Попробуй разрушить его».

Бред... Почему разрушить? Зачем?

«Можешь считать меня параноиком, но мне кажется, тебе лучше свалить отсюда».

Маруся свернула записку и попыталась спрятать ее в карман. Однако в больничной рубашке карманов не оказалось. Выбросить такой текст было нельзя... Тогда куда спрятать? Маруся стянула с пятки кроссовок Носа и просунула записку под ступню.

Петь она перестала. Наверное, потому, что это была невыполнимая задача. Если бы она точно знала, что делать, она бы, наверное, и смогла, но тут... Тут было слишком много непонятного, о чем необходимо было подумать.

Во-первых, было непонятно, зачем бежать. За все время пребывания на базе и изучения этих людей у нее сложилась более-менее четкая картинка, и в этой картинке злодеев не было. Во-вторых, Нос сам только что сказал, что арки никого не убивают. В-третьих... Маруся обернулась и посмотрела на стену. Там действительно стояла маленькая отметка в виде крестика... Так вот, в третьих, зачем ей бежать таким странным и сложным способом, если у нее есть... Маруся снова машинально похлопала себя по бедрам, вернее, по тому месту, где должны были быть карманы, которых не было... Карманов не было. И не было змейки.

Это открытие оказалось столь неприятным, что Марусе сразу же стало страшно. Ведь теперь в параноидальной записке Носова начал появляться смысл...

На лестнице послышались быстрые шаги, будто кто-то бежал сверху вниз.

– Стой, стой, стой! – это был голос мамы.

Наконец, она сама появилась перед Марусей, запыхавшаяся и веселая.

– Я тебя умоляю! – закричала Ева, вытягивая руки вперед, – не разрушай нашу базу!

Маруся перестала что-либо понимать и сильнее всего ее смущал радостный вид Евы.

– Это розыгрыш! Дурацкий школьный розыгрыш. Они так проверяют всех новичков…

– Проверяют?

– Этот крестик здесь был всегда, – улыбнулась Ева. – Стена непробиваемая, за стеной тонны и тонны песка, а камеры не выключены.

Как это похоже на Носа! Маруся чуть не взорвалась от злости.

– Сейчас они все наблюдают тебя на мониторе, слушают песню в твоей голове и хохочут… – Ева пожала плечами. — Это же мальчишки. Ничего святого.

«Поздравляю с боевым крещением!» – услышала Маруся голос Носа в голове.

«Я убью тебя!» – так же мысленно крикнула ему в ответ Маруся.

– Не обижайся, – Ева обняла Марусю и заглянула ей в глаза, – хорошо?

– Нехорошо…

Маруся сгорала со стыда и в данную секунду ненавидела всех, кто находился на базе.

Стало понятно, почему пропали тапочки. И почему Нос предложил свои ужасные кроссовки! Сделали из нее пугало, а теперь сидят и ржут, как свиньи… Образ ржущих свиней перебил марусин гнев и она не сдержала улыбки.

– Все равно я их убью, – чуть более дружелюбно, но все еще с обидой сказала она.

– Они этого заслуживают, – с притворной серьезностью согласилась Ева.

– А где змейка? – неожиданно вспомнила Маруся и с подозрением посмотрела на мать.

Ева вытащила змейку из кармана и протянула Марусе.

– Змейка твоя. Можешь пользоваться ею, сколько угодно.

Маруся забрала змейку и сжала ее в кулаке.

– А теперь давай вернемся в палату. Если хочешь сосисок, я принесу.

– Не, не хочу, – снова расстроилась Маруся, так как ей напомнили о неприятном эпизоде.

Мысль о том, что Илья тоже сидел там и смеялся, казалась ужасной. Он ведь наверняка все знал и тоже участвовал в розыгрыше... Это было так обидно и отвратительно, что Маруся даже мгновенно разлюбила его.

Ева протянула руку и потрепала Марусю по волосам.

– Идем... Я провожу тебя, чтобы ты не упала.

Маруся сняла кроссовки и отшвырнула их ногой в сторону. Оставаться и дальше в роли клоуна ей не хотелось. Они дошли до медицинского корпуса, и Маруся прошлепала босиком до своей кровати, попутно отмечая, что соседний блок оказался уже заперт. Сквозь пластиковые стены были видны тени людей и тихое жужжание приборов.

– Кого-то привезли? – спросила она у Евы без особого интереса, просто чтобы о чем-то спросить.

– Сюда постоянно кого-то привозят, – кивнула Ева.

– Если это новенький, я обязательно расскажу про ваш идиотский розыгрыш, – предупредила Маруся.

– Хорошо! Но сначала поспи.

– Не хочу спать... – сказала Маруся и зевнула.

– Это только кажется. Инъекция дает ощущение бодрости, но на самом деле ты не выспалась и очень устала.

– Ощущение?

– Нет, нет. Это бодрость, но не твоя. Это привитая бодрость, – Ева перешла на ласковый, почти домашний тон. Таким голосом говорят мамы, когда пытаются уложить спать своих де-

тей. – Сейчас тебе кажется, что ты можешь свернуть горы, но как только твоя голова коснется подушки, ты сразу уснешь.

– А почему здесь нет часов? Я даже не могу понять, какое сейчас время суток. И где мой телефон? И вещи?

– Ложись… Я принесу.

Маруся послушно легла в постель и в этот момент действительно почувствовала сильную усталость.

– Только принеси обязательно… Мне надо позвонить папе.

– Сейчас…

Ева улыбнулась и вышла из блока, а Маруся подумала о том, что надо обязательно дождаться ее и ни в коем случае не засыпать до тех пор, пока она не узнает, который сейчас час, потому что, если сейчас уже время обеда, то самое время… обеда… звонить папе…. иначе. Маруся повернулась на правый бок, поджала ноги и уснула.

ГЛАВА 9

Элементарный сон

Маруся проснулась от назойливого писка, будто в комнату залетел комар. Не открывая глаз, она машинально отмахнулась, потом задумалась о том, откуда под землей комары, и на этом открыла глаза. Никакого комара видно не было, а звук шел из-за пластиковой перегородки. Он был технический, тонкий и потрясающе раздражающий.

Маруся приподнялась на локтях и огляделась. Ее вещи так и не появились. Не было телефона, не было часов и тапочки тоже до сих пор не принесли. Возможно, она спала так недолго, что мама еще не успела вернуться? Или забыла про нее? Или обманула, рассчитывая на то, что Маруся уснет, так и не дождавшись? Сознание вернуло последний перед засыпанием эпизод с розыгрышем и на душе появился совсем уж неприятный осадок. То ли потому, что Марусю выставили посмешищем ее же друзья, то ли потому, что после этой истории ей было стыдно попадаться на глаза Илье... Воображение рисовало его хохочущим и обнимающим за талию свою дурацкую, страшную, как бегемот, Коалу-Оалу. Новая волна злости заставила вспомнить Бунина. Теперь он казался Марусе совсем хорошим и несчастным добрым ученым, которого эти подонки предали и променяли на лагерь с круглосуточным пластмассовым питанием. Как он там? Жив ли?

Маруся сунула руку под подушку и нащупала змейку. Она была на месте и это хоть немного успокаивало. Можно было, не дожидаясь милости, перенестись обратно домой, перео-

деться, обуться и наконец-то показаться на глаза папе. Решив, что на данный момент это лучшее решение, Маруся встала с кровати, сжала змейку в ладони... и снова отвлеклась на раздражающий писк. Ну что же это такое?

Любопытство взяло верх – Маруся вышла из своего бокса и заглянула в соседний. На кровати лежал Нос и мирно спал, свернувшись и обнимая себя за плечи. Вот это удача! Какой шанс расквитаться с шутником. Маруся злорадно усмехнулась и подошла ближе. Что можно сделать? Напугать? Привязать? Раскрасить лицо? Отстричь его дурацкие космы и выбрить лысину на макушке? Месть должна была быть ужасной.

Маруся огляделась, чтобы найти достойное оружие возмездия, но ее внимание снова отвлек звук. Откуда же он? Маруся посмотрела на монитор, встроенный в спинку кровати — казалось, будто писк идет оттуда. Она ничего не понимала в графиках и диаграммах, но изображение выглядело неправильным. Наверное потому, что напротив показателей пульса, давления, активности мозга и мышечной активности шли прямые линии, и эти линии ядовито-зеленым пунктиром выбивали по темному экрану тот самый ужасный царапающий звук.

Забыв обиды, Маруся схватила Носова за руку. Рука была ледяная и абсолютно безжизненная. Маруся попробовала встряхнуть его за плечи — тело было мягким и легким, словно это был не человек, а муляж...

– Нос! Эй! Очнись! Ты слышишь меня?

Маруся еще раз тряхнула друга, прекрасно осознавая, что это бессмысленно. Никаких признаков жизни... Ничего.

Что делать? Бежать? Звать на помощь?

«Эем! Мама!!!» – Маруся выкрикнула в пустоту, пытаясь обнаружить хоть кого-нибудь.

«Илья!»

Никто не отозвался и это было по-настоящему пугающим. Марусе показалось, что база пуста и здесь не осталось никого, кроме нее, мертвого Носа и этого звука...

Глаза наполнились слезами. Поверить в то, что Носа больше нет, Маруся никак не могла. Это было просто невозможно. Почему? Ведь он был абсолютно здоровым...

Маруся вышла в коридор и побежала в сторону лестницы. Ни одного человека. Нигде. Первый этаж, второй. Маруся заглядывала в каждый коридор, в каждую комнату, но база словно вымерла.

Почему? Почему? Почему? Почему они бросили их? Что если... Что если Носа убили. Что если он хотел предупредить ее именно об этом. О том, что готовится какой-то чудовищный план. Хотел уберечь, хотел спасти ей жизнь. А они застукали его и убили. Значит, мама врала? Мама разыграла эту сцену, придумала на ходу историю про розыгрыш... Но как же голос? Она ведь слышала смеющийся голос Носа, который издевался над ней... Его заставили? Или это был не Нос? Маруся вспомнила, как слышала в трамвае голос Эема, а потом Эем сказал, что это был не он. Значит ли это, что кто-то умеет воспроизводить чужие голоса и разговаривать с Марусей, обманывая ее? Но кто? Кстати... Эем... Неужели он тоже? Неужели он с ними заодно? Так-так-так... стоп! Маруся остановилась, как вкопанная, чтобы не потерять мысль. Тот голос... Фальшивый голос... Он тоже предупреждал ее об опасности. Он говорил про ловушку. Говорил, что она должна... Маруся зажмурилась, напрягая память... Он говорил «Зло рядом... ты должна остановить его, пока оно не убило всех»... Кто? Кто это зло? И где оно?

– Где ты?! – выкрикнула Маруся, поворачиваясь в разные стороны и рассматривая пустое пространство. – Где?! Ты?!

В голове проносились пока еще не совсем понятные обрывки воспоминаний и фраз. Голос и мертвый старик в трамвае,

внезапная смерть папиного сотрудника – «здоров как бык». Было ли это связано? Каким образом?

Боковым зрением Маруся заметила, как что-то мелькнуло за спиной. Она резко обернулась.

– Ты?

Меньше всего Маруся ожидала увидеть именно этого человека. Та самая девочка в голубой косынке. Девочка, которую они с Эемом пытались спасти.

– Что ты тут делаешь?

Девочка выглядела очень испуганной. Марусе показалось, что она даже не может говорить от страха. Ее губы дрожали, а руки мертвой хваткой вцепились в длинную юбку.

Наверное, они были ровесницами. Точный возраст девочки определить было сложно – из-за болезни она выглядела совсем ребенком. Беспомощным и беззащитным. Казалось, что ее можно переломить одним неловким движением. В любом случае, сейчас Маруся чувствовала себя гораздо старше и сильнее, что было даже хорошо, потому что не давало раскиснуть и заставляло собраться с силами.

– Тебя ведь Ольга зовут? – на всякий случай уточнила Маруся.

– Да, – наконец ответила девочка, часто закивав головой на тонкой шее.

– Ты знаешь, что здесь произошло?

Лицо девочки скривилось, словно ей напомнили что-то ужасное.

– Ты видела что-нибудь? Знаешь?

Ольга опять закивала.

– Ты здесь одна?

Замотала головой.

– Нет?

Ольга показала рукой в сторону закрытой двери. Это было странно. По наблюдениям Маруси, почти все помещения на базе были без дверей.

– Там кто-то есть?

Марусю страшно раздражали эти немые ответы, но надо было сдерживать себя. Ругаться на перепуганного ребенка было бы слишком жестоко.

– Люди?

Ольга кивнула.

Маруся рывком распахнула дверь и застыла, потеряв дар речи, также, как и несчастная девочка.

В комнате действительно находились люди, но все они были мертвы. Они лежали на полу, скорчившись, словно в последний момент, перед смертью, пытались согреться. Многие лежали вместе, прижимаясь друг к другу телами. Кто-то лежал один, окоченев с поднесенными ко рту руками. Кто-то, схватившись за голову.

Маруся узнала среди них назойливого студента и небритого мужчину, который обещал поставить студенту фингал... Младшая группа... Точно... Здесь были все, кого она видела на лекциях Эема. Но самого Эема не было. Сейчас Маруся даже не понимала, радоваться этому или нет. То, что его не было среди мертвых, означало, что он, возможно, жив, и это было хорошо. Но что, если он выжил, потому что сам убил их?

Маруся медленно обернулась к Ольге.

– Как они умерли?

– Они... замерзли...

– А ты?

– А я нет.

Преодолевая страх, Маруся зашла в комнату и попыталась расшевелить каждого из лежащих людей. Шансов на то, что среди них мог оказаться кто-то живой, было мало. Но все-таки... Ведь Ольга выжила. Возможно, не она одна.

– Я пыталась, – тихо сказала Ольга, подойдя ближе. Видимо, рядом с Марусей она тоже почувствовала себя смелее.

Маруся переходила от одного тела к другому, прикасалась к плечу и тихонько трясла. Бессмысленное и безумное занятие.

– Почему? – спросила Маруся вслух, но вопрос этот адресовался не Ольге. Это был вопрос в никуда.

Как люди могли замерзнуть насмерть в теплом помещении? В памяти снова пронеслись эпизоды, до этого момента никак не связанные друг с другом. Маруся вспомнила, как она мерзла после лечения Ольги, как не могла согреться дома в Москве, как градусник показывал температуру двадцать восемь и два… Вспомнила онемевшую от холода руку… Это произошло после инъекции и потом Марусю еще долго морозило, даже под горячим термо-одеялом. Потом вспомнился папин старинный градусник из стекла и ртути. Мысли цеплялись одна за другую. Ртуть, жидкий металл, распадающийся на шарики. На маленькие металлические шарики. На такие же маленькие металлические шарики, которые Маруся видела внутри своего тела. Элементы магического инопланетного сплава. Они имели какое-то отношение к терморегуляции и могли резко уронить температуру. Но так, чтобы из-за этого умерли? И если даже так – было ли это сделано намеренно или произошла трагическая случайность? Ошибка? Неожиданный побочный эффект? Но почему? Почему здесь не было ни Евы, ни Эема? И где Илья? Где арки?

– Ты видела кого-нибудь еще?

– Нет…

В голове раздался шум и уши заложило. Маруся растерла их, но шум только усилился.

– Что здесь происходит…

– Закладывает уши?

– Да… И тебе?

– Постоянно. И шумит, как будто море.

– Море шумит приятно, а этот звук просто ужасный.

Этот новый звук был неровным. Он был похож на какой-то сигнал с помехами и словно кто-то еще подкручивал громкость, то усиливая, то убавляя ее. Марусю затошнило. Она вышла из комнаты в коридор, прислонилась к стене и закрыла глаза.

– Плохо?

– Да…

Шум стал нарастать, пока не заполнил собой все пространство внутри головы. Он заглушал все, что находилось снаружи. Марусе показалось, что она не может расслышать даже собственные мысли, словно они утонули и растворились в этом грязном потоке. Неожиданно шум начал выравниваться. Из бесформенного невнятного фона он превратился в понятный и читаемый звук. Хаотично рассыпанные частицы слились в одну волну. В глухую и протяжную «и». Но это не было похоже на голос, скорее, на шепот, громкий сиплый шепот, который с трудом доходил, растягиваясь и замедляясь, потом внезапно обрываясь и продолжаясь снова.

«Иииииииии…»

Тишина.

«Ииииииииии…»

– Ты слышишь это?

– Что?

– Звук.

– Шум?

– Нет, новый звук… Такой… Иии…

– Голос?

– Не понимаю… Он пропал.

«Кииииии».

– Снова… Ки? Это точно голос, но я не понимаю, что он говорит. Я слышу какие-то обрывки…

«Бееееекиииии».

– Беки?

Со стороны выглядело так, будто Маруся разговаривает сама с собой, причем задавая самой себе вопросы и переспрашивая себя.

– Беги? – уточнила Ольга.

Маруся почувствовала, как все ее тело окатило холодом. Это был холод страха.

– Да…

«Беги!»

– Он говорит — «Беги!»

Еще секунду девушки стояли и смотрели друг на друга, а уже в следующий момент, взявшись за руки, побежали.

– Куда? – Маруся выкрикнула свой вопрос как можно громче, словно пытаясь донести его до тех, кто пытался предупредить ее. – Куда бежать?!

«Нииииииииииис».

– Что внизу?

– Я не могу бежать так быстро!

– Что внизу?

– Где?

Ольга остановилась, прижав руку к груди.

– Что внизу базы?

– Там… Там… Я была там только один раз…

– Что там?

– Лаборатории.

– Бежим!

Маруся снова схватила Ольгу за руку и потянула за собой.

– Я не могу…

– Нам надо, понимаешь?

– Не-не-не… – Ольга бледнела на глазах, хватаясь за горло, – кхxx.. кхва тает в-воз…духа.

– Набери полные легкие.

– Я не-не… чу….

Из глаз Ольги снова полились слезы. Она обмякла и опустилась на колени.

– Нет! Не сейчас! Вставай!

Маруся подхватила Ольгу на руки и сделала несколько шагов, но быстро идти не получалось.

– Не надо…

– Что? Я не слышу, что ты шепчешь!

Ольга замотала головой.

– Я дотащу тебя.

Вот для чего нужно было слушать Эема. Он будто бы знал. Или, правда, знал или догадывался, что может произойти такая ситуация. Сейчас Марусе очень пригодилось бы усилить руки. Или вылечить Ольгу. Или не вылечить, но хоть как-то наполнить ее легкие воздухом.

– Оставь меня.

– Да, да, конечно. Давай без этих пошлых сцен.

Маруся злилась. Злилась на себя, но получалось, будто злилась на Ольгу. Ее ужасно раздражало, что девушка оказалась такой слабой. И эта идиотская просьба: «Оставь меня». Как будто это возможно. Как будто кто-то может бросить умирающего ребенка.

– Я и так…

– Заткнись!

Маруся остановилась, опустила Ольгу на пол и постаралась отдышаться.

– Сейчас пойдем дальше. И не болтай. Если тебе так тяжело дышать, какого хрена ты постоянно болтаешь?

Ольга сидела на полу, опустив голову, и молчала.

– Вот и молодец… Вот и молчи.

Можно было армировать руки, как получится – как-нибудь получится же? В конце-концов, когда Маруся пыталась армировать ноги, у нее получилось. Она даже допрыгнула до потолка.

Ольга закашлялась.

А еще можно было бы все бросить и перенестись в Москву. Но для этого нужна была змейка, которую Маруся оставила... Где она ее оставила? Ее точно не было с собой, но тогда где? Маруся стала отматывать память назад. Вот она проснулась. Вот решила вернуться домой. Достала змейку из-под подушки — это она помнила точно. И потом решила на секунду заглянуть в соседний бокс. Так? Когда она приняла это решение, змейка была у нее в руке. Потом Нос. Бедный, бедный Нос... Маруся увидела его и про все забыла. С этого момента она не помнила вообще ничего. По крайней мере, про змейку. Куда она могла ее деть? Выронила? Бросила на кровать, когда пыталась растрясти Носа? В любом случае, карманов на одежде не было, значит, с собой она ее не взяла и змейка где-то там... Где-то в медицинском корпусе. А может, уже и не там. Может быть, ее уже забрали. Кто? Тот, от кого они бегут?

– Послушай меня...

Маруся оторвалась от своих мыслей и посмотрела на Ольгу.

– Мне очень больно. Я не жилец.

– Я смотрю, тебе стало лучше? Ты даже начала разговаривать...

– Ты можешь легко убить меня. У тебя есть способности. Это будет лучше для нас.

– Я могу убить тебя и без способностей.

– Так будет лучше.

– Да, да. Я поняла. Помолчи, я думаю.

– Я все равно...

– Да замолчи же ты уже наконец!

Ольга закрыла лицо руками, а Маруся вернулась к своим размышлениям.

Можно было метнуться за змейкой и забрать ее, если она все еще там. Перенестись вдвоем. Можно ли перенестись

вдвоем, если крепко прижаться друг к другу? Бунин говорил, что нет. А если попробовать? Если использовать свою суперсилу? Совершенно непонятно, что нужно сделать, чтобы эта суперсила позволила перенестись в пространстве сразу двум людям… но если? Если, например, не армировать себя, а связать этими серебряными нитями себя и Ольгу. Соединить и сделать что-то вроде целого единого организма? Возможно ли это? Когда Маруся пыталась поддержать Эема, она направила в него нити и ей казалось, будто они стали одним целым, но поможет ли это при переносе?

– Мне тяжело сидеть.

– Я сейчас вернусь. Сиди тут… слышишь? Я скоро вернусь.

– Не надо…

– Я придумала, как нам отсюда выбраться. Это сработает. Точно! Я просто уверена…

Ольга вытянулась на полу и закрыла глаза.

– Только не умирай, окей? Будет очень обидно, если ты умрешь к тому времени, как я вернусь, потому что я знаю способ. Я вытащу тебя и ты будешь жить. Договорились?

Ольга слабо кивнула.

– Вот и супер…

Маруся побежала. Бежать получалось легко и быстро. То ли из-за инъекции, то ли потому, что ее окрыляла блестящая идея, в которую она начинала верить с каждой минутой все больше и больше. Этот вариант казался Марусе идеальным и куда более надежным, чем увеличение собственной физической выносливости и беганье по базе с умирающей девушкой на руках.

А если не получится? Перенестись одной, найти папу и попросить о помощи? И что он сделает? Ну, допустим, он найдет какого-нибудь супер-врача, они отдадут ему змейку и он перенесется сюда, чтобы что? Чтобы спасти Ольгу? Но как один врач сможет ей помочь? Или найти супер-солдата с

супер-оружием... Нет, тоже не то. И почему их звали вниз? И кто? Зачем Марусе нужно было бежать в лабораторию? Потому что там безопасно или потому что там люди, которым нужна помощь? Или это ловушка? В трамвае голос предупреждал про ловушку, но что именно было ловушкой, Маруся так и не поняла. Ловушкой можно было считать все, что происходило с ней с момента появления мамы... Или даже раньше. А раньше был Бунин. Нет, нет... Бунин как раз сделал все, чтобы она не ввязывалась в эту историю.

Маруся забежала в медицинский корпус и остановилась прямо у порога носовского блока. Почему-то именно сейчас ее в полной мере накрыло ощущение всего того, что происходило. Ей стало страшно, невыносимо грустно и невозможно снова увидеть Носа мертвым. Как будто тогда, в первый раз, она еще не осознавала, не принимала эту мысль. Будто случившееся было какой-то ошибкой, которая должна была вот-вот исправиться сама по себе или при помощи кого-то другого, при помощи чуда, в конце концов, ведь на этой базе происходили любые чудеса. Ей очень хотелось поверить в это. Зайти и увидеть Носа живым. Или хотя бы какое-то изменение на мониторе. Появление слабого пульса... дыхания... Однако тот самый назойливый писк перечеркивал собой все надежды. Ничего не изменилось. Он там. Он мертв. И ей нужно туда зайти и увидеть это снова.

Маруся собралась с духом, вошла в бокс и вздрогнула от неожиданности. Рядом с Носом кто-то стоял. Секунда на то, чтобы успокоиться и понять, что это Илья. Сделать глубокий вдох и...

И он исчез. Вот только что он стоял в паре метров от нее и вдруг пропал. Целиком, полностью, молниеносно.

Змейка. От охватившего ее отчаяния Маруся вцепилась руками в волосы и со всей силы потянула их вверх, словно пытаясь снять с себя скальп. Нееет! Но как? Как он мог? Он

сбежал. Трусливо сбежал, оставив тут всех. Украл предмет и воспользовался им для того, чтобы спасти свою шкуру. Илья, Илья, Илья. Почему ты так сделал? Что случилось с тобой?

Какое низкое, мерзкое и отвратительное предательство.

Маруся опустилась на кровать и сжалась, словно все ее тело съежилось от боли. Все стало происходить так быстро — гибель Носа, гибель целой группы, исчезновение арков, умирающая Ольга, предательство Ильи... Обреченность. Невозможность изменить события, невозможность хоть как-то повлиять на них, изменить, исправить, невозможность спасти. Обреченность ходить по коридорам, находя все новые и новые трупы и оставаться живой. А где-то там в городе папа ищет ее и сходит с ума от волнения, но он тоже не может ей помочь.

Свет замигал и с унылым стоном отключился. Ну правильно... Теперь осталось только оживить мертвецов и бегать в полной темноте, спасаясь от зомби.

Мысль была бредовая, но тем не менее, Маруся встала с постели и отошла подальше от Носа. Инстинкт самосохранения требовал двигаться и действовать. Но не давал никаких решений. Первым делом надо было вернуться к Ольге. Если она все еще жива, ей будет совсем невыносимо лежать там одной в темноте. Разумеется, помочь ей Маруся уже не сможет, но хотя бы... составить компанию, чтобы было не так страшно.

А лаборатория? Нужно ли спускаться вниз или уже можно забыть об этом?

Маруся выбиралась из медицинского блока, приложив руку к стене и ориентируясь по памяти. Благо тут все было довольно просто. Конечно, можно было отрегулировать сетчатку и на какое-то время сделать себя зрячей, но разум подсказывал, что в данный момент острой необходимости в этом не было.

Однако, уже выйдя в коридор, Маруся поняла, что необходимость была, потому что не видно было вообще ничего. Это была абсолютная чернота, плотная, непроглядная, жуткая сама по себе и еще более жуткая, если знать, какое количество мертвых тел было тут разбросано.

Нужная лестница находилась слева. И если нащупать стену и идти в ту сторону, то какое-то расстояние можно пройти хоть с закрытыми глазами…

Чтобы идти было легче, Маруся представила себе Ольгу. Маленькую, тоненькую, испуганную девочку… Как ни странно, но это действительно прибавляло храбрости. Никогда раньше Маруся не ощущала подобных чувств. Страх вперемешку со смелостью, с желанием рисковать ради кого-то и не тогда, когда не успеваешь подумать и действуешь машинально, а вот так, медленно, шаг за шагом, прислушиваясь к собственному дыханию, испытывая гордость, хорошую правильную гордость за себя, за то, что не сбежал, за то, что можешь сделать хорошее, светлое, доброе. Откуда что взялось? Непривычное, неведомое ранее чувство.

Марусе показалось, что она даже улыбается. Может быть, она и правда улыбалась, тихо, про себя. И может быть, это было сейчас не вовремя и не к месту, ведь было, мягко говоря, не до смеха, но сердце наполнялось теплом, как будто Маруся вдруг очнулась и захотела стать… человеком?

Неожиданное препятствие. Маруся споткнулась обо что-то и обеими руками уперлась в стену, чтобы не упасть. От неожиданности сердце чуть не выпрыгнуло, а потом и вовсе замерло, когда Маруся почувствовала, как чьи-то пальцы больно ухватили ее за лодыжку.

Руки предательски взметнулись вверх и, потеряв опору, Маруся упала на пол.

– Кто здесь?

– Иди вниз…

– Мама?

– Вниииз…

Тело действовало само, отползая назад и высвобождая ногу. Мама, не мама, все произошло так внезапно, что единственным желанием было убраться как можно дальше. Отбежать на безопасное расстояние…

– Спаси его.

Маруся схватилась за горло, которое от страха сдавил сильнейший спазм.

– Ты должна спасти его…

– Кого? Что происходит?

– Нас уничтожили.

– Как? Что с вами сделали?

– Они забрали все.

– Кто?

Ева не ответила. Маруся сидела на полу, в полной темноте, зажмурившись так, что заболели веки. Быстро, быстро, как можно быстрей зайти в глаза и поменять настройки. Так дальше нельзя. Так невозможно. Опасно. Страшно. Палочки и колбочки. Палочки в конусы. Выделить, применить, переключить… Хоть на 10 минут, а там посмотрим…

– Спаси его. Это главное…

Маруся посмотрела на маму. Теперь она видела ее, но лучше бы… лучше бы она никогда этого не видела. Ева лежала на боку, смотрела на Марусю безумными остекленевшими глазами и тянула к ней руки. При этом все ее тело то сжималось, то выпрямлялось, то выгибалось дугой. Она дрожала, тряслась, билась в конвульсиях… Маруся не выдержала и разрыдалась. Совсем как маленькая. Она дернулась на встречу, желая обнять и тут же отшатываясь обратно, словно от монстра. Но ведь это мама! Эмоции пересилили разум и она подползла поближе. Обхватила руками и прижалась как можно крепче.

– Мамочка… Мамочка, ну что с тобой…

– Иди вниз.

– Я не брошу тебя.

– Ты должна спасти.

– Я никуда отсюда не уйду! – в отчаянии закричала Маруся. – Я не могу так больше. Не умирай. Пожалуйста…

– Ты не понимаешь…

– Не понимаю.

Ева сделала глубокий вдох и ее тело резко выпрямилось, словно окоченело.

– Все… я все… спаси…

– Я сейчас… я сейчас…

Маруся схватила маму за плечи и попыталась сконцентрироваться. Нужно было как-то запустить механизм… тот волшебный механизм с голубым светом и нитями. Как в прошлый раз. Ну же… Как это сделать? Как его включить?

Ничего не происходило. Маруся видела мамино тело, но оно было не таким, как у Ольги. Оно было твердым, словно непроницаемым для Маруси. В него не проходил свет и нити, едва-едва закручиваясь от ладоней, тут же возвращались обратно, причиняя сильнейшую боль, словно они впивались в саму Марусю и сверлили ее насквозь.

– Мааам… Мам, держись. Пожалуйста. Мам… я… я не знаю, что сделать. Скажи мне. Ты ведь знаешь?

Слезы лились снаружи и внутри… Маруся просто захлебывалась от них. Ей так хотелось спасти маму, так хотелось сделать что-нибудь, хоть что-нибудь. Сейчас она, не задумываясь, пожертвовала бы всем ради чуда.

– Учитель… – еле слышно прошептала Ева. – Внизу. Он самое важное…

Маруся постаралась не плакать, чтобы услышать мамины слова, но чем сильнее она сдерживалась, тем громче были всхлипывания.

– Учитель? – громко переспросила она.

– Если ты спасешь его, он спасет нас.

– Он в лаборатории?

– Спаси его.

Маруся, не мигая, смотрела на маму и не знала, что дальше делать. Мозг разрывался на части. Было невозможно оставить ее здесь, невозможно оставить Ольгу, невозможно не выполнить просьбу и не спасти какого-то там Учителя. Но как спасать? И что делать первым?

Хотелось успокоиться и подумать, но успокоиться не получалось, да и думать было некогда. Скоро зрение изменится и Маруся снова погрузится в темноту. А значит, действовать надо максимально быстро и, получается, что лучше не думая.

Маруся вскочила на ноги и побежала к Ольге. Сначала к Ольге, чтобы посмотреть, как она, чтобы поговорить, объяснить, дать понять, что ее не бросили. Если все сделать правильно, это займет несколько минут... а что потом? Не думать. Главное сейчас не думать. Иначе, пока ноги несут в одну сторону, голова сопротивляется и зовет в другую. И напоминает мамины же слова, которые она говорила Эему, что нужно уметь расставлять приоритеты. Что очень правильно спасти больную девочку, но если на кону все, вообще все... Если ты можешь попробовать спасти всех, нельзя терять драгоценные минуты на кого-то одного, пусть даже это и больной испуганный ребенок.

«Но я же обещала!» – Маруся услышала собственный голос в голове, будто она оправдывалась, будто объяснялась сама с собой и пыталась договориться.

Зрение становилось все хуже и хуже. Когда Маруся вбежала на этаж, в коридоре которого она оставила Ольгу, очертания стен стали еле различимы. Вот она, все так же лежит на полу, только свернулась, поджала ноги и обняла себя рука-

ми, словно пытаясь согреться. Маруся опустилась на корточки и дотронулась до ольгиной руки — как лед.

– Оля… Оля, ты спишь?

Маруся погладила девочку по волосам и положила ладонь на ее холодный лоб.

– Я скоро вернусь. Я не забыла про тебя. Немножко не получилось, как я рассчитывала, но я что-нибудь придумаю. Если ты слышишь меня. Я рядом… Хорошо? Я вернусь. А если не вернусь, значит… ну… ты только не думай, что я бросила тебя. Ладно?

Маруся говорила, но не испытывала чувств. Разве что немного растерянности от непонимания ситуации. Все умерли, Илья сбежал, предмета нет, помощи нет… а ей надо спуститься вниз и спасти Учителя. Она столько раз слышала о нем, но до сих пор не представляет, кто он, а главное, как его спасать. Но если он и правда такой умный и могущественный, как говорила мама, то, может быть, он сам знает, как? Может быть, он научит ее?

ГЛАВА 10

Новая эра

Лифт не работал. Странно, но Маруся даже испытала некоторое облегчение. Вообще-то она никогда не боялась лифтов, но оказаться в замкнутом пространстве в такой ситуации казалось еще более страшным, чем блуждать в темноте. Как долго надо спускаться на нижний этаж по лестнице, она не знала. В любом случае, спускаться – не подниматься. Когда-нибудь ступеньки кончатся, и она выйдет к лабораториям.

В прямом смысле слова на ощупь Маруся преодолела четыре этажа, держась за перила и осторожно переставляя ноги. Паника исчезла и на ее место пришло тупое и животное спокойствие. Маруся двигалась к цели с отрешенной обреченностью, как грустная корова на убой. Остаться в живых казалось совсем уж невозможной и утопической идеей. Кого-нибудь спасти... Кого? Собственно, по этой самой причине энтузиазм упал до нулевой отметки и делать что-либо не хотелось вообще.

Скорее всего, на нижнем этаже она найдет очередные трупы и среди них окажется приятный благородный старец с длинной белой бородой, который так мечтал спасти человечество, но по какой-то причине умер, как и все остальные. Приятная перспектива... Но обещания надо выполнять.

Ступеньки все не кончались, а Маруся потеряла счет этажам. В какой-то момент ей показалось, что она может так спускаться целую вечность. Раз-ступенька, два-ступенька, три-ступенька... После двадцать пятой нужно было свернуть на 90 градусов, сделать шесть небольших шагов по ровной по-

верхности, снова повернуться и раз-два-пять-опять-двадцать пять.

Вернуть себе зрение во второй раз она даже не пыталась. Возможно, потому, что в этом не было смысла, а может, потому, что берегла силы на случай, если там все-таки будет кто-то живой.

Через какое-то время свет появился сам. Он шел снизу и был очень слабым, настолько слабым, что сначала Маруся подумала, будто это ее глаза привыкли к темноте, но потом стало ясно, что с каждой следующей ступенькой очертания становятся резче и, значит, это был настоящий свет. Маруся даже вытянула вперед руки, чтобы оценить, насколько отчетливыми они стали и смогла рассмотреть каждый пальчик — после длительного пребывания в абсолютной черноте это казалось чем-то... чем-то хорошим или хотя бы слегка обнадеживающим.

Свет шел из лабораторий. Теперь, когда Маруся стояла в коридоре, по обе стороны которого располагались освещенные боксы с прозрачными стеклянными стенками, это было очевидным. На нижнем этаже было холодно и ощущалась настолько мощная вентиляция, словно здесь гулял самый настоящий ветер. Маруся посмотрела на свою больничную рубашку, которая затрепыхалась длинными полами, и поправила растрепавшиеся волосы. От этого ветра хотелось укрыться или хотя бы накинуть на плечи кофту.

Боксы были пустыми и вообще этот этаж выглядел каким-то мертвым. Не в смысле смерти, нет, трупов здесь, к счастью, не было. Он был безжизненно белым, стерильным, пустым и молчаливым. Маруся шла по кафельному полу, который обжигал босые ступни, словно жидкий азот, осматривалась и все ее сердце переполнялось такой тоской, что хотелось просто забраться в первый попавшийся бокс, лечь на стол и умереть, не дожидаясь, когда уже что-нибудь случится.

Коридор был длинным, но последним усилием воли Маруся заставила себя дойти до самого конца. Где-то здесь должен был находиться Учитель. По крайней мере, так сказала мама. Могла ли она ошибиться? Наверное, могла. А может быть, Учитель уже ушел… Может быть, его похитили… Ведь арки тоже пропали? Может быть, у них был припасен какой-нибудь маленький и хитрый космолет, в который они затолкали седого старика и улетели на какую-нибудь другую планету? Или просто… в другой город?

– Тадададам!

Маруся подскочила от неожиданности. Менее всего она ожидала услышать торжественный напев.

– Наша девочка – настоящий герой?

Она до сих пор не видела, откуда доносился голос. Голос был знакомый и в нем было что-то еще. Что-то странное. Как будто он был…

– Ты становишься настоящим воином.

В этом голосе было странным то…

– Я даже горжусь тобой!

Что он говорил не по-русски.

– Мама тоже могла бы гордиться тобой.

Но Маруся понимала его.

– Жаль, что ее с нами нет.

Это был голос Чена. И говорил он, разумеется, по-китайски.

– Бу!

Маруся отпрыгнула в сторону. Последнее «бу» раздалось прямо за спиной. Откуда он выпрыгнул? Как подкрался?

– Рад тебя видеть.

– Это ты всех убил?

– Кого убил? Никого не убил…

– Да? Наверное, тебе отсюда не видно, но вообще-то там, – Маруся показала пальцем вверх, – все мертвы.

– Какая досада!

– И там моя мама и самые близкие друзья…

– Не надо про друзей…

– Ты всех…

– Тссс…. – Чен улыбнулся и приложил палец к марусиным губам, – они живы. Они просто спят.

– Мм…

– Я забрал источник энергии… мама рассказывала тебе про источник?

Маруся отошла в сторону и вытерла губы рукавом.

– Откуда ты знаешь про маму?

– Нуу… Эй! Не разочаровывай меня!

– Ты следил за ними?

– Я рано начал тебя хвалить…

– И убил учителя?

– Хорошо. Еще одна попытка.

На его хитром лице было столько восторга, что до Маруси начало доходить что-то, что до сих пор не укладывалось у нее в голове и никогда не уложилось бы…

– Ты?

– Ты ожидала увидеть кого-то другого?

– Но ты же ненавидишь людей. Ты плохой.

– Это слова ребенка.

– Хочешь сказать, что ты пытался спасти человечество?

– И я его спасу.

– Бред…

– Пойдем, я расскажу тебе что-то…

– Я никуда не пойду.

– Тебе нужно согреться… – лицо Чена расплылось в сладчайшей улыбке.

– Я хочу…

– Идем…

Чен развернулся и отправился в сторону ближайшего бокса. Проклиная себя за слабость, Маруся последовала за ним.

– Через несколько дней произойдет запуск искусственного солнца, – начал рассказывать Чен, – ты, кажется, кое-что знаешь об этом.

– Этим проектом руководит мой папа.

– Да, ему так кажется, – абсолютно серьезно согласился Чен.

– Что значит...

– Однако... – перебил ее Чен, – у твоего отца не получалось запустить проект до тех пор, пока я не показал ему новый источник энергии.

Пока очень смутно, но в голове Маруси начала собираться картинка, как будто Чен подсовывал ей правильные кусочки паззлов.

– Это предметы. Те самые предметы, с которыми ты так хорошо знакома. Я долго собирал их.

– И переплавил в сплав?

– Их нельзя переплавить. Но вот собрать вместе – да. Это мои предки умели делать еще в глубокой древности. Чен остановился у двери, пропустил Марусю вперед, зашел за ней и закрыл дверь.

– Тут гораздо теплее.

– Это тот же источник, которым подпитывалась база?

– Ложись на стол.

– Ты снова попытаешься выпустить из меня всю кровь?

– Не сейчас. Сначала дело.

Маруся села на краешек стола и посмотрела Чену в глаза.

– Боюсь, тебе со мной не справиться.

Чен громко рассмеялся.

– Не бойся. Ты смелая девочка. Со смелыми проще всего.

– Проще всего что?

– Справляться.

Чен взял со стола тонкие латексные перчатки и начал медленно натягивать их на руки.

– Источник энергии один. Ты все правильно поняла.

– Ты забрал его?

– Да, это было нужно для запуска солнца.

– Но ведь из-за этого все погибли...

– Они спят. Ты слышишь, что я говорю? Это сон. Как... как кома. У них нет пульса, нет дыхания, нет никаких признаков жизни... но если им сделать инъекцию.

Маруся слушала и, не отрываясь, следила за его руками. Чен взял довольно крупный керамический шприц и начал набирать в него жидкость из ампулы, похожей на серебряную пульку.

– И мама? И Нос? И Ольга? Они оживут?

– Все оживут. Инъекция делает людей сильнее. Они же объясняли тебе. Им-то ты веришь?

– А где арки? – внезапно вспомнила Маруся.

– Да тут... Где-то тут... – Чен неопределенно махнул рукой.

– Они что, снова...

– Да, да... исчезли. Задери рукав.

– Но они появятся?

– Если им вернуть источник энергии – да.

– А ты вернешь?

– Дай мне руку.

– Или нет?

– Мне нужно твое плечо, иначе ты скоро тоже.

– Что «тоже»?

– Тебе ведь делали инъекцию?

Маруся недовольно поежилась. Картинка продолжала складываться и многие до этого момента непонятные слова и фразы начали приобретать смысл. Вот почему мама злилась на то, что Маруся неразумно использовала энергию. Вот почему она расстроилась, что ей придется делать этот проклятый укол. Они подсадили ее и теперь она как они. Она зависима и будет

вынуждена всю жизнь подпитываться инъекциями с элементами сплава. А сплав...

Чен с легким раздражением схватил Марусю за плечо и приподнял рукав.

– Надеюсь, ты не боишься уколов?

Тончайшая иголка вылетела из угловатого, похожего на толстый маркер шприца и пробила кожу. В то же мгновение рука онемела и безвольно повисла.

– Обрати внимание — я делаю тебя сильнее и не даю умереть.

– Ты же сказал, что они не умирают... – зашипела Маруся, потирая плечо.

– Если сделать укол, не умирают... но если его не делать очень долго, то умрут, – Чен развел руками. – От голода.

– Мне кажется, я поняла... но одного не поняла.

– Только одного? – усмехнулся Чен.

– Нет... два вопроса.

– Два.

– Три!

– Да?

– Ты помог аркам собрать нужное количество предметов?

– Дело не только в количестве, но и в качестве, но вообще – да.

– Возникло... поле?

– Да.

– Место, где могли существовать арки.

– Плюс инъекции для них тоже. Мы разработали их вместе.

– Потом ты начал делать инъекции людям.

– Да.

– Ты лечил их и спасал им жизнь.

– Вот видишь! – радостно крикнул Чен, словно до Маруси наконец-то дошло самое главное.

– Но потом ты забрал источник.

– Да, – закивал Чен.

– Арки пропали, а люди...

– Кончилось действие. Инъекции нужно делать постоянно.

– Оно случайно закончилось именно тогда, когда ты забрал источник?

– Да, – улыбнулся Чен.

– Ты же врешь...

Чен пожал плечами.

– Что будет дальше?

– Заработает солнце и в мире будет много, очень много, очень дешевой энергии. Мир шагнет далеко вперед...

– А люди?

– Эти или вообще?

– Вообще?! Что-то может случиться со всеми вообще?

– После запуска произойдет ослабление магнитного поля.

– И?

– Это вызовет небольшие... неполадки.

– Неполадки?

– Ты нормально себя чувствуешь?

– Я чувствую себя прекрасно! – выпалила Маруся и запнулась, потому что ее состояние и правда здорово улучшилось.

– Это вызовет поднятие верхней границы геосферы до 25-30 километров и смещение в тропосферу верхней границы.

– Что-что-что?

– Изменится газовый состав в нижнем слое, произойдет значительное понижение давления, уменьшение количества кислорода и, как следствие, уменьшение количества усваиваемого кислорода в легких млекопитающих…

– То есть... люди задохнутся?

– Не только люди, – как бы между делом заметил Чен, – животные тоже. Но не перебивай, когда я отвечаю на вопрос. Итак, произойдет уменьшение усваиваемого кислорода, изменение состава альвеолярного воздуха, изменение парциального дав-

ления кислорода, что повлечет за собой гипоксию в разной степени. В зависимости от адаптации организма к данным условиям — от легкого недомогания до летального исхода.

– Летальный исход это смерть?

– В некоторой степени... да.

– И это твой гениальный план спасения человечества?

– Мой гениальный план — инъекция, которая поможет людям выжить в новых условиях. После ее применения у них произойдет увеличение объема легких. Не само по себе, а за счет других органов, которые станут «менее нужными»...

– Менее нужными?

– Печень, почки... Все это немного утратит свое значение, благодаря общему улучшению метаболизма.

– Ты собираешься перекроить людей и сделать их зависимыми от твоего препарата?

– Но у них будет лучшая жизнь! Здоровье! Навыки... Интеллект.

– Им и так хорошо.

– Они не знают, что могут получить.

– Ты безумец.

– Все эти люди... все те, кто приходил сюда. Становились счастливы. Они ни разу не пожалели о том, что сделали инъекцию.

– И где они теперь? Лежат без пульса и дыхания?

– Эти жертвы — капля в море.

– Ты делаешь это не ради людей, ты хочешь мирового господства.

– Что в этом плохого? Людям нужен Бог. Они ищут его...

– Так вот оно что...

– Я умен. Я сделал это сам. Я создал новую расу. Новую Эру!

– Но ты не Бог. Ты смертен.

– А вот для этого мне нужна ты.

Маруся замолчала, не зная, что сказать в ответ.

Чен посмотрел на часы.

– Извини, мне пора идти. Андрей попросил мне помочь найти тебя.

– Папа?

– Да, он думает, что тебя похитили, чтобы сорвать открытие Станции.

– Как подло...

– И тем не менее... Тебе придется некоторое время посидеть тут и... ты, кажется, хотела телевизор?

Чен взял со столика пульт и направил его на стену. Стена ожила, распахнув в своих недрах огромный экран.

– Через несколько дней здесь будут показывать трансляцию с открытия. Ее будут демонстрировать по всем каналам, не пропустишь.

– Несколько дней? Ты думаешь, я буду сидеть здесь несколько дней?

– С голода не помрешь. Я сделал тебе инъекцию.

– Я не собираюсь...

– Да, кстати... Эти стены сделаны из углеплекса. Знаешь, что это?

– Мне не интересно.

– Углеродный триплекс. Он непробиваемый. Крепче камня, крепче стали...

– Я разобью.

– Не уверен.

– Я...

– Не перебивай, а то я забуду что-нибудь важное... – Чен приложил руку ко лбу и сделал вид, что задумался. – Как звали этого... профессор из школы в Зеленом городе? Не помнишь?

– Бунин?

– Да, точно! – Чен перевел свой взгляд на экран телевизора. – Это же он?

Маруся развернулась к экрану и обомлела. Это действительно был Бунин. Он стоял в очень странном помещении, все сте-

ны которого были выложены медными рельсами, и внимательно изучал что-то находящееся в его руках.

– Какой он странный... забрался в мой энергоблок...

Маруся ничего не говорила. Она смотрела на профессора и внутри нее все клокотало от волнения и злости.

– Наверное, он пришел спасать тебя. И наверное, думал, что в энергоблоке отключены видеокамеры. Наверное... ему сказал об этом.... Мммм... Илья? Этого мальчика, сбежавшего со змейкой, зовут Илья?

Так вот зачем он сбежал. Он хотел предупредить профессора и прислать его сюда!

– А я, как назло, именно сегодня поменял там все оборудование.

Илья был молодец. И Носов тоже. И Бунин. Он пришел, чтобы спасти...

– С ума сойти! Энергоблок. Сложно было бы придумать что-то более эффектное для собственной смерти. Ты видела, что происходит с энергоблоком, если в нем отключить защиту и увеличить нагрузку на элементы?

– Нет, – зачем-то глухо созналась Маруся.

– Очень красивое зрелище. Тебе понравится. Бум– бах! Вольтовы дуги!

– Вы убьете его?

– Нет, нет! Ни в коем случае. Его убьет электричество.

Чен улыбнулся и, сделав несколько быстрых шагов, вышел из бокса.

– Приятного просмотра.

Маруся дернулась, чтобы успеть выскочить за ним, но только распласталась по мгновенно закрывшейся двери. Углеродный триплекс непробиваемой стеной отгородил ее от внешнего мира и шансов на спасение себя и несчастного профессора.

ГЛАВА 11

Северный ледовитый океан

Сколько времени потребуется Чену, чтобы отключить защиту? Сколько времени есть у ничего не подозревающего профессора, и сколько времени есть у Маруси, чтобы выбраться наружу и спасти его. Минута? Две? Три?

Маруся быстро осмотрела стены. На вид, толщина у них была одинаковая и, значит, место, куда надо было направить удар, могло быть любым. Возможно, проще будет выбить дверь, хотя как раз она казалась более плотной и надежной. Не считать, не думать — действовать, пробовать, пытаться, снова и снова.

Маруся встала на колени перед стенкой и положила на нее ладони. Как раскрошить стекло, которое прочнее стали, она не знала. Про это не рассказывали, и только мамина фраза про десять тысяч аркон, которыми можно было взорвать мост, внушала оптимизм. Каменный мост это все-таки круто и крепко. Не может же быть, чтобы тонкая стеклянная стена оказалась непрошибаемее целой груды камней! Если только это не было художественным преувеличением.

Закрыть глаза и сконцентрироваться. Это первое и главное, с чего начиналось любое действие. Зажечься, загореться, засиять. Механизм этого процесса был непонятен, но это было самое важное, как будто запуск двигателя, подача топлива, искра... старт.

Маруся ощутила свет вокруг. Вот он. Он яркий, ярче, чем обычно. Ослепительный, режущий, мощный. Направить свет в руки, через руки на стену. Дальше... Нити. Собрать их все, собрать и натянуть, как тетеву, до звона, до невыносимой тянущей боли, как будто ты выдергиваешь самое себя. Отпустить и одним ударом выбить стену.

Маруся с такой силой подалась вперед, словно швырнула собственное тело. Солоноватый вкус на губах и окровавленная стенка. Прозрачная, тонкая и без малейших повреждений.

Маруся вытерла лицо и тут же снова приложила руки. Надо повторить. С первого раза не вышло, но ведь она поддастся. Когда-нибудь точно поддастся и треснет.

Еще один удар. Больно. Лицо онемело. Кровь закапала на пол и смешалась со слезами. Еще раз!

Теперь кружилась голова. Удар был такой силы, что Маруся повалилась на пол и будто даже на мгновение потеряла сознание. Не получается. Никаких повреждений. Ни трещинки. Ни царапинки. Ничего... Еще раз!

Теперь не так. Теперь смотреть на стену, сквозь мокрую от пота и крови челку, смотреть и видеть ее насквозь. Видеть ее структуру. Увеличивать, непонятно как, как это происходит, но получалось увеличивать. Найти в структуре щели, отверстия, слабое место. Запустить в эти микроскопические дырочки серебряные нити и расшатать, повредить, разрушить... Удар! Нокаут.

Как долго она пролежала? Нужно было обернуться и посмотреть на экран. Нужно было понять, имеет ли смысл бороться дальше... но страшно. Страшно увидеть худшее.

Маруся села и быстро пробежалась взглядом по стене. Как будто не смотрела, но этого мгновения было достаточно, чтобы сосчитать информацию. Он жив и значит нужно продолжать.

Усталость и бессилие были такими, что руки отказывались подниматься. Что можно сделать в таком состоянии? Только лежать и умирать. Не так... Нет. Так нельзя. А что тогда? Еще одну инъекцию? И, может, не одну?

Почти ползком Маруся добралась до столика. Встать не получалось, поэтому она сначала забралась на кровать, а уже оттуда дотянулась до шприца и ампул. Ну? Сколько? Сколько нужно влить этой дряни, чтобы разнести к чертям всю эту дьявольскую базу?

На всю катушку. Полный. Сколько влезет.

Маруся отбросила пустые ампулы-гильзы и резким движением загнала иголку в левое плечо.

Ей показалось, что она услышала хруст собственного тела. Как будто оно стало вымороженным и звонким. Потом оглушительный хлопок и судороги, крик, дрожь. Маруся билась руками о кровать, словно подстреленная птица, хватала ртом воздух, пыталась сесть и встать, но только упала и продолжила биться на полу. Все тело стало тонким, синим, твердым, окаменевшим и оледеневшим. Смерть? Как бы не так.

Представить боль в виде крупиц. Частиц. В виде маленьких пуль. Нет, не кричать. Не падать. Не трястись от страха. Лишние движения мешают им собраться. Разбрасывают их. Успокоиться, как бы ни было больно — не гнать боль, а наоборот. Вызывать ее, сделать ее больше, сильнее, сделать ее океаном, многотонным, необъятным. Северным. Ледовитым. Океаном!

Удар!

Она рассыпалась. Убийственная непрошибаемая стена рассыпалась на миллиард алмазных крошек.

Маруся выбежала в коридор, кромсая ступни об осколки, побежала в сторону энергоблока. Как она узнала, где он? Откуда? Почему? Перед глазами стояла точная схема базы. На лестницу, вверх, поворот, налево. Совсем близко. Совсем рядом. Лишь бы успеть!

И вот она. Красная металлическая дверь с кодовым замком. Удар одной рукой и панель вспыхнула и задымилась. Сейчас Маруся не понимала, что она делает сама, а что творит той силой, что пробудилась в ней. Она была как факел, как концентрированная энергия, шаровая молния, наполненная гневом, болью и нестерпимым желанием покончить со всем здесь и сейчас.

Вот Бунин, он что-то говорит, но звук не проходит.

Протягивает руку...

– Уходи!

– Уходим! – повторяет Маруся, не слыша его.

– Тебе нужно вернуться!

– Нам нужно уходить!

– Оставь меня, я разберусь.

– Она сейчас взорвется.

– Что?

– Она взорвется!

Обрывки слов доносятся, но больше понимаешь по губам. Получается читать по губам или это чтение мыслей....

– Возьми предмет и уходи!

– Он отключил защиту.

– Отец тебя ждет, я предупредил...

– Скорей!

Маруся схватила профессора за рукав и потащила к выходу.

– Он хочет убить вас.

Что-то не то. Марусе показалось, или Бунин действительно изменился в лице и стал смотреть куда-то мимо нее?

– Один ноль в твою пользу.

Чен? Снова? Здесь? Опять?

Маруся оттолкнула Бунина и развернулась всем телом, как львица, готовая совершить прыжок. Внутри опять зажглось обжигающее ледяное пламя. Это была ненависть. Ненависть и нежелание проигрывать. Не сейчас. Не тогда, когда она в двух шагах от победы.

Чен стоял перед ней и его взгляд был полон той же решимости и злости.

– Оставь его...

– Профессор, уходите.

– Не пытайся с ним справиться, он сильнее.

– Вы ничего не знаете...

Чен молча слушал их диалог и никак не проявлял себя. Он просто стоял и смотрел, напряженный, рассерженный и излучающий опасность.

– У него предметы и сила. Он убьет тебя, а я...

То, что произошло в следующую секунду, даже не успело отразиться на сетчатке глаза — Маруся просто уловила движение, словно увидев его до того, как оно было совершено в реальном времени. В этом движении была смерть, это был конек. Конек, которым Чен мог разорвать любого в клочья. Тот самый конек, которым он пытал профессора, переломав ему все кости в теле...

Мгновение и прыжок.

Время замедлилось. Иначе как Маруся успела бы вспомнить свой первый разговор с Эемом?

«А еще тебя нельзя убить электричеством».

Электричеством... Да тут все просто выло и гудело электричеством!

Одной рукой она схватила выступающую медную пластину, а другой запястье Чена. По телу пробежала приятная, слегка покалывающая волна, потом, словно в замедленной съемке, произошла вспышка, и Чен с протяжным воем полетел к другой стене.

Что-то осталось в руке... В руке — рука. Маруся брезгливо отбросила обугленную конечность и, кажется, только сейчас поняла, что произошло.

– Ты же убьешь себя! – профессор бросился к Марусе и подхватил ее, падающую, на руки. – Что ты наделала?

– Нам нужно... нужно... уходи....

Пламя погасло и вместе с ним угасало сознание.

– Маруся!

– Уходить...

– Вспомни свой дом. Вспомни комнату! Вспомни свою комнату.

Профессор что-то вкладывал в ладонь. Что-то маленькое, холодное, знакомое...

– Вспомни свою комнату! Просто вспомни ее!

Маруся инстинктивно сжала кулак и вспомнила отца...

ГЛАВА 12

Приказ

Увидеть, понять и почувствовать бесконечность можно только выйдя за пределы нормального человеческого состояния. Как если бы мозг человека был ограничен или даже огражден от этого понятия. Все, что окружает нас в этом мире, все, что мы видим — имеет границы. Мы видим стол, который стоит на полу, чашку на столе, ложку в чашке — эти предметы «помещаются» у нас в голове, мы их представляем целиком и, даже если зажмуриться и вообразить себе ложку, то мы сможем увидеть эту ложку со всех сторон, покрутить ее перед глазами, сможем в одно мгновение сменить серебряную ложку на золотую или деревянную, раскрашенную под хохлому, или с тонкой гравировкой, или даже инкрустированную драгоценными камнями, или огромную гигантскую ложку, ложку размером с небоскреб, ложку в руке, ложку на земле, ложку в космосе... а вот космос мы увидеть уже не сможем, потому что у него нет границ. Даже если представить себе границы космоса, у нас получится нечто, которое находится в чем-то и так далее до бесконечности. До той самой бесконечности, которую мы не можем увидеть, понять и почувствовать. Возможно, именно поэтому нам так нравится смотреть на море, которое, как нам кажется, не имеет границ. На огонь, который тоже кажется бесконечным, нравится смотреть в небо или на дорогу, уходящую в никуда. Мы боремся с любыми ограничениями и любим свободу, как если бы свобода была бесконечностью наших действий, но постоянно сталкиваемся с тем, что все в на-

шей жизни имеет свои границы, как, собственно, и сама жизнь.

С другой стороны, в сознании человека понятие бесконечности чаще всего появляется в самые неприятные моменты. Бесконечной кажется скучная работа, нудная книга, боль, страх, одиночество, ожидание — моменты максимального дискомфорта. При этом человек никогда не скажет, что его ощущение счастья длилось бесконечно, – нет, нет, все самое лучшее, вкусное и приятное длится совсем недолго и поэтому «ожидание длилось бесконечно», а вот счастья был только миг. Мгновение. Так, может быть, и не нужна нам эта бесконечность?

Сейчас Маруся находилась в бесконечности. В бесконечном кошмаре, который неизвестно когда начался, неизвестно сколько длился и никак не хотел заканчиваться. Последние сотни, тысячи и миллионы лет она была в состоянии ртути, пытаясь стать обратно собой. Маруся изо всех сил напрягала свои клеточки, хотелось бы сказать «тела», но тела не было. Ртути? Клеточки ртути, как если бы это было возможно. Невозможно, но в этом и был весь кошмар. Она ощущала их, эти миллиарды микроскопических шариков, которые надо было собрать в форме тела, чтобы попытаться встать... Но как собрать ртуть? Как из ртути можно «слепить» тело? Как можно вернуть сознание? Сознания тоже не было. Маруся не видела себя, не видела вообще ничего. Она только ощущала. При максимальном напряжении и концентрации шарики словно бы сближались, сжимались и сливались в одно единое, но как только силы отступали — все снова расплывалось и рассыпалось. Снова и снова, и снова, и снова. Но пока не соберешься, не выйдешь. А если не выйдешь, так навсегда и останешься в этом состоянии. Растворишься. Исчезнешь.

Потом появился звук. Возможно, он был всегда, но только сейчас он стал ощутим настолько, что Маруся обратила на него внимание. Это был тихий рокот, как если бы где-то очень далеко пролетел вертолет. Звук был неровный. Иногда он пропадал, иногда становился громче, быстрее, медленнее. Потом к нему прибавился новый звук, словно что-то гудело. Звуки стали накладываться один на другой. Это все что-то очень сильно напоминало. Маруся изо всех сил попыталась прийти в сознание. Она даже ощутила свою голову. Это длилось долю секунды, но она точно ощутила свою голову. Как только она обратила на это внимание — голова тут же рассыпалась... но ведь получилось? Значит, надо снова сконцентрироваться на звуках — каким-то образом они помогают собраться. Гул и рокот. Между ними есть паузы. Они звучат по-разному. Немного разные оттенки, разная тональность. Они очень похожи на что-то. Они похожи.

Память. Попытки вспомнить. Это сознание, которое возвращается. Значит, голова снова на месте — ненадолго, но получается вернуться в себя. Заглянуть в себя. Значит, где-то она все еще существует. Это еще не конец, не смерть. Сознание есть, но оно очень далеко и до него почти не добраться. Как добраться до себя, если ты ничто — бесформенный, холодный и жидкий металл? Но ртуть не может слышать, не может вспоминать. Значит, все не так. Значит, это просто кошмар. И отсюда можно выбраться.

Новый звук. Очень громко. Он другой. Возник и сразу же пропал, но теперь лучше слышно гул и рокот. Они сливаются. Они тоже сливаются, как шарики ртути, в нечто более... более знакомое. Они напоминают... Стена. Прохладная шершавая стена. Очень давно. Очень маленькая девочка прижимается ухом к стене и слушает. Голоса. Это голоса. Этот звук — голоса.

Устала. Маленькая победа потребовала много сил. Звук пропадает и снова пустота. Не получается. Надо, но не получается. Отчаяние. Но отчаяние – это тоже эмоция, а эмоция значит жизнь. Маруся попыталась представить себе свое отчаяние, попыталась раздуть его до огромных размеров, вскарабкаться на него и выползти, как если бы отчаяние было китом, за хвост которого можно ухватиться. Кит это тоже хорошо. Это образ. Отчаяние сменилось радостью, потому что бесконечность стала отступать. Потому что появились новые вводные. Появились звуки, эмоции, воспоминания, образы. По ним, как по ступенькам, надо выбраться. Давай, включайся, работай, оживай! Кит. Он большой, черный, у него есть хвост. Он в воде. Вода она тоже большая, ее много. Она прохладная. Прохладно это тоже ощущение и оно сейчас есть. Сейчас прохладно. Холод ощущается кожей. Кожа покрывает тело человека. Холод чувствуют кожей. Чувствуют телом. Холодные руки или холодно ногам. Руки и ноги. Еще, еще, еще. Включайся. Руки и ноги. Вспышка сознания, словно взрыв, удар, компрессия — и миллиарды микроскопических шариков собрались в руки и ноги. Вот они. Они есть. И очень холодно. И голоса вокруг. И очень хочется открыть глаза. Глаза! Глаза, они ведь тоже есть. Глазами видят. Глазами видят, если их открыть. Глаза закрыты веками. Чтобы открыть глаза, надо поднять веки. Но очень устала. Очень сильно устала. Все. Стоп. Нет сил. Больше ни на что нет сил. Рассыпалась. Растеклась. Надо отдохнуть и попробовать снова. Главное держаться за звуки. Звуки это ниточка, которая связывает то и это. По которой оттуда можно будет выбраться сюда. Маруся постаралась отключить все, кроме звуков. Просто слушать. Слушать гул и рокот.

Голоса было два. Один голос был просто звуком, который проходил мимо, как шум. Второй был теплым. От него было

тепло. Неправильно. Тепло нельзя услышать, тогда почему от него становилось приятно? И щекотно. Как будто шарики внутри начинали бегать, как будто они реагировали на этот звук и вибрировали, бились друг о друга или даже сливались вместе и бились вместе. Это сердце. Шарики слились в одно сердце и теперь оно стучало. От этого становилось тепло и радостно. Радостно, потому что когда сердце стучит — ты живой. Маруся живая. Надо слушать этот голос и тогда сердце будет биться.

Звук низкий и глухой. У этого звука есть свои характерные перепады. Они знакомые. Маруся их помнит. Пока еще не помнит точно, но обязательно вспомнит. Это интонация. Интонация у каждого голоса разная, у каждого человека разная интонация. Эту Маруся знает. Знает и любит. Маруся очень любит папу. Это папа. Папа рядом и он разговаривает. От этого снаружи еще более холодно, а внутри – тепло.

Папа произносит слова. Потом другой голос произносит слова. Сейчас Маруся уже может их различать, но они пока еще лишены всякого смысла. Сознание не торопится возвращаться, оно выдает информацию порциями, словно выплескивает ее, как вулкан лаву. Маруся пытается запомнить слова, которые слышит, и повторять их про себя, пока они не станут понятными. Пока она не вспомнит их значение. И она запоминает — «к сожалению». Сожаление. Сожалеть. Жалеть. Жалость. Жалость – это когда плохо. «К сожалению» – это плохо. «К сожалению, уже ничего не можем сделать». Ничего. Пока непонятно, но ощущение нехорошее. «Не можем» – плохо. «Ничего» – тоже плохо. «К сожалению» – плохо. Они ничего не могут сделать и жалеют об этом. Это сказал другой голос. Он сказал это папе. Теперь папа молчит. Другой голос говорит: «Мне

очень жаль». Жаль. Жалеть. Жалость. Другой голос говорит: «Простите». Простить, прощать, прощание, прощаться. Другой голос говорит: «У вас есть время, чтобы попрощаться».

Попрощаться.

Новый звук. Это папа. Он не говорит слова, он издает звуки, от которых больно. Очень тихо и глухо. Другой голос говорит: «Я вас оставлю». Теперь страшно. Ничего не понятно, но очень страшно. Ощущение тепла на руке. Снова получается почувствовать руку. На руку что-то ложится. Тяжелое и теплое. Оно сжимает руку. Папа сжимает руку своей рукой. Его голос. Он говорит: «Мой малыш». Надо открыть глаза. Надо увидеть его. Очень надо его увидеть, но ничего не получается. Глаза есть, Маруся чувствует их, но они не хотят открываться. Они не слушаются. Папа снова говорит «мой малыш». Он сжимает руку еще сильней и, значит, надо пошевелить рукой или хотя бы пальцем. Надо сделать что-то, чтобы папа перестал так говорить и чтобы не было так больно и страшно. Что-то крепко хватает за плечи и поднимает вверх. Сейчас Маруся впервые чувствует свое тело почти целиком и это настоящее тело. Это уже не ртуть. Это человеческое тело и его сжимают и тянут вверх и постоянно повторяют «малыш, малыш, малыш». Папа плачет. Вот почему так больно. И так страшно. «Девочка моя».

Проснись! Очнись! Давай же, сделай что-нибудь. Соберись, пожалуйста, открой глаза, скажи ему, скажи, как ты его любишь. Выбирайся! Выбирайся отсюда. Обними его тоже. Прижмись к нему. Скажи ему. Очень тяжело, очень больно, все рассыпается, растекается — руки, ноги, тело, голова. Больше ничего нет. Ничего. Пустота. Всё... Всё.

«Всё» – это то, что говорит другой голос.

Это были самые страшные слова, которые Андрей Гумилев слышал в своей жизни. Он стоял перед холодной высокой металлической кроватью, на которой лежала его шестнадцатилетняя дочь. Его маленькая девочка. Его Муська, за которую он боялся каждую минуту с момента ее появления на свет. Которую он любил больше своей жизни, которая и была его жизнь.

Каждая клеточка ее тела принадлежала ему. Ее остановившееся сердце принадлежало ему. Ее застывшие легкие, ее пальчики, мизинчики на ногах. Мизинчики на ее ногах, которые он красил вишневым лаком, потому что трехлетняя Муся хотела быть красивой, как мама. Ее волосы, которые он заплетал в косы, когда она пошла в первый класс. Ее шрам на коленке, когда она упала с качелей. Упала и плакала, забравшись к нему на шею и ее горячие слезы капали на плечо.

Когда-то горячие слезы.

Воспоминания метались в голове. Перченая яичница. Все лучшее детям. Первый велосипед. Щенок, которого она притащила с улицы — они кормили его из бутылочки детской молочной смесью, а потом она тащила его в постель и обманывала, будто он сам.

«Папа, он сам. Он, честно, сам!»

А щенок даже не доставал лапами до кровати.

А как она потерялась на рынке в Турции и он нашел ее у старухи, продающей вареную кукурузу, и эта маленькая балбесина к тому времени успела съесть такое количество этой дурацкой кукурузы, что потом пришлось тащить ее в больницу. Или как она порезала ножницами все его рубашки, чтобы папа больше не уезжал, но оставила одну, чтобы он не ругался. Как вязала ему свитер, со второго класса и до сих пор, обещая подарить его на каждый следующий день рождения. Как она приготовила ему первый торт,

спрятав туда монетку на удачу — незапланированный визит к стоматологу. Как ухаживала за ним больным, читая заклинания для скорейшего выздоровления, придумывая их на ходу. Или сказки. Нет, она была совсем не такая, как все остальные дети. Она любила сама читать папе сказки перед сном, с важным видом раскрывая вверх ногами толстую книгу по аэродинамике и притворяясь, что читает... выдумщица.

Как они ужасно ругались, потому что она постоянно умудрялась вляпаться в какую-нибудь историю, а он боялся. Боялся панически, что с ней что-нибудь случится. Ему хотелось запереть ее на засов и приставить охрану и не отпускать от себя ни на шаг, но здравый смысл подсказывал, что этого делать нельзя. Здравый смысл подсказывал, что от всего не убережешь. Что чему быть...

Гумилев никак не мог сглотнуть комок, застрявший в горле.

Сколько раз она находилась на пороге смерти. Болезни, исчезновения, сумасшедший авантюризм. И каждый раз каким-то чудом выпутывалась. Но оказалось, что не каждый.

Не каждый...

– Андрей Львович? Андрей Львович, вы слышите меня?

Гумилев посмотрел на доктора. Судя по всему, он уже давно звал его. Или недавно. Гумилев не слышал. Он находился не здесь. Не в этом страшном месте. Он находился со своей девочкой. Там, где она была живая, теплая, веселая, дурная, непоседливая, сорви-голова, ее смех... Гумилев сжал зубы, чтобы не завыть. Хотелось выть. Хотелось упать на пол и выть. Громко. Жутко. Больно. Как волк. Выть, скулить, рвать зубами всех, себя, хотелось убить себя. Перегрызть себе глотку.

– Андрей Львович, вам лучше уйти.

– Нет!

Он сам не ожидал. Не ожидал своих слов, действий.

Он быстро подбежал к Марусе, сорвал с нее провода и подхватил на руки. Она была очень легкой, почти невесомой. Кожа ее отливала голубизной, сквозь нее просвечивали тонкие вены.

– Андрей Львович! Я вас прошу! Что вы делаете!?

– Она живая! Живая, слышишь? Ты слышишь меня? Я не могу ошибаться. Я отец. Понимаешь? Я не могу ошибаться. Она не умерла.

Доктор растерянно обернулся по сторонам, словно в поисках помощи.

– Я чувствую. У меня есть сердце. Оно чувствует ее сердце и ее сердце – живое. Она спит. Она в коме. Я не знаю... Я не знаю, как объяснить, но я знаю, что она живая. Она просто устала. Она оживет, вот увидишь. Дай ей еще шанс. Дай время. Она оживет. Я клянусь тебе, она оживет. Один день! – Гумилев прижимал тело Маруси к себе, сжимая его все крепче и крепче. – Один день. Всего один день! Ее нельзя... нет... Нельзя... Она ведь живая. Она еще совсем ребенок.

Гумилев заплакал. Стоял и плакал, вздрагивая и всхлипывая, не думая ни о чем, не соображая, не стесняясь... Чего стесняться? Чего стесняться человеку, потерявшему дочь? Оставаться сильным? Ради чего? Ради кого? Оставаться мужчиной? Как может называться мужчиной человек, который допустил такое. Как он допустил такое? Как не уберег? Как не спас? Как?

Он даже не заметил, что в кабинет вошли люди в военной форме. Не видел, как они говорили с врачом. Не видел, как двое из них остались стоять у входа, а еще двое направились к нему.

– У нас есть распоряжение...

– А? Что? – Гумилев поднял на них обезумевшие глаза. – Кто вы?

Андрей пытался разобрать, что они говорят, но слова пролетали мимо. Он только смотрел на их лица, смотрел на то, как шевелятся губы, корчась в неловких объяснениях.

– Мы вынуждены забрать тело и поместить вас на карантин.

– Чьё тело? – уловив обрывки слов, спросил Гумилев.

Один из военных кивнул доктору и тот поспешно вышел из кабинета.

Гумилев хмурил брови, морщил лоб, пытался прийти в себя и понять, что хотят от него эти люди. Двое у двери... Один перед ним. Еще один. Где еще один?

Не видя ничего перед собой, Гумилев отступил назад, крепко прижимая к себе Марусю.

– Андрей Львович, простите, но у меня приказ.

– Нет, – с трудом выговорил он. – Я не отдам вам ее.

Губы онемели, как будто после анестезирующего укола. Холодные, влажные пальцы раздвинули ребра и сдавили сердце. Сначала слегка, как будто примериваясь, а затем – в полную силу. Дыхание прервалось.

– Не отдам!

Люди в военной форме что-то говорили, беззвучно разевали рты, размахивали какими-то бумагами. Гумилев не смотрел на них. Он смотрел на родное, заострившееся, пронизанное прожилками лицо своей дочери.

– Андрей Львович, что с вами?

Воздух, подумал он, куда исчез воздух?

Он пытался вдохнуть, но легкие не слушались. Грудь пронзила страшная боль – холодные пальцы, вцепившись в сердце, рвали его на куски.

Я упаду, подумал он в ужасе, если я упаду, я же уроню Марусю...

Из последних сил, уже ничего не видя вокруг, он тяжело, неуклюже опустился на колени и осторожно положил тело Маруси на пол. Пошатнулся и упал рядом.

– Доктора! – крикнул кто-то из военных.

Но Гумилев этого уже не слышал.

Спустя несколько минут выведенный на орбиту первый экспериментальный энергетический модуль «Искусственное солнце» запустил свои турбины.

Начиналась новая эра, эра Всемирной Корпорации «Кольцо».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ…

Содержание

ПРОЛОГ 5

ГЛАВА 1 10

Бесконечность

ГЛАВА 2 16

День рождения

ГЛАВА 3 47

Подарок

ГЛАВА 4 58

Другая правда

ГЛАВА 5 97

Разоблачение

ГЛАВА 6 139

Встреча

ГЛАВА 7 167

Десять тысяч арконов

ГЛАВА 8 197

Учитель

ГЛАВА 9 213

Элементарный сон

ГЛАВА 10 231

Новая эра

ГЛАВА 11 242

Северный ледовитый океан

ГЛАВА 12 247

Приказ